DK
265.17
A29n

THE LIBRARY
OF
THE UNIVERSITY
OF CALIFORNIA
LOS ANGELES

Ю. И. Айхенвальдъ.

НАША РЕВОЛЮЦІЯ.

Ея Вожди и Ведомые.

БИБЛІОТЕКА

„РЕВОЛЮЦІЯ и КУЛЬТУРА"

БИБЛІОТЕКА «РЕВОЛЮЦІЯ и КУЛЬТУРА».

Ю. Айхенвальдъ

НАША РЕВОЛЮЦІЯ

ЕЯ ВОЖДИ И ВЕДОМЫЕ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
«РЕВОЛЮЦІЯ и КУЛЬТУРА».
Москва — 1918.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ

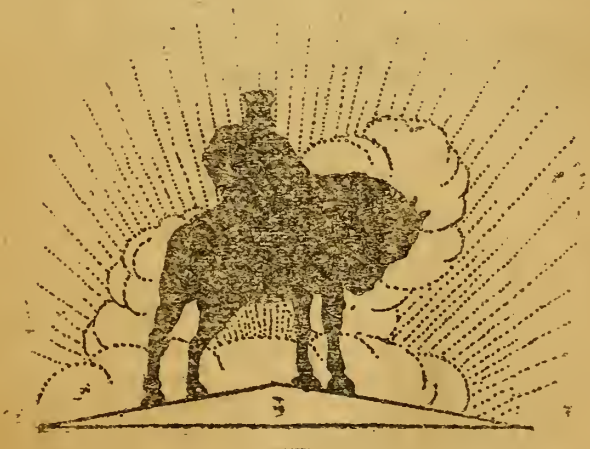
Тип. «МЫСЛЬ», Москва, Петровка, 17.

DK
265.17
A29n

Наша революція.

Ея вожди и ведомые.

Подъ знакомъ войны и революціи.—Репутація человѣчества.—Крушеніе революціи.—О большевикахъ.—Революція и евреи.—Дуновеніе древности.—Дворянское гнѣздо.—Свобода слова.—Рабочіе и работники.—Дезертиры и добровольцы.—Трагедія Керенскаго.—Слова и слезы.—Духовные эмигранты.—Психологія побѣжденныхъ.—Кесарево сѣченіе.—Хлѣбъ и культура.—Самоубійство Россіи.—Соціальная вивисекція.—Трагическая карикатура.—Гогенцоллернъ и Бронштейнъ.—Саботажъ.—Памяти Духонина.—«Государство, это—я».—Оригиналъ и копія.—Новый Годъ.—«Мнѣ холодно... мнѣ страшно» (памяти Шингарева и Кокошкина).—Учредители и разрушители.—8-часовый рабочій день.—О соціализмѣ.—Бунтъ и бытъ.—Калибанъ.—Революціонеры-романтики и революціонеры-ремесленники.—Предтечи революціи и ея теперешніе спеціалисты.—Образы Радищева, Рылѣева, Герцена, Петрашевскаго, Вѣры Фигнеръ въ свѣтѣ современности.—Литературныя отраженія революціи.—Свобода совѣсти.—Толстой и революція.—Конецъ революціонной романтики.



Рим. Цивил. Библ. 6/17/61

113124

Подъ знакомъ войны и революціи движется Россія, и по этимъ же орбитамъ вслѣдъ за собою увлекаетъ она и весь остальной міръ, потому что революція заразительна, хотя бы только въ идеяхъ своихъ, а война, внѣшне начавшаяся именно въ углу славяно-германскихъ отношеній, разгорѣлась потомъ чуть ли не въ космическій пожаръ.

И несомнѣнно, что въ тѣхъ настроеніяхъ, которыя принесла намъ революція, повинна также и война: если бы не послѣдняя, иначе сложилась бы и первая, не говоря уже о томъ, что, не будь войны, не было бы и революціи. Онѣ между собой органически связаны, онѣ являютъ между собою внутреннее сходство и родство.

Вотъ почему для пониманія судебъ нашей революціи необходимо учесть тотъ переворотъ въ умахъ и сердцахъ, который вызвала міровая война. Онъ сводится къ глубокому разочарованію и деморализаціи; война окончательно и безнадежно подорвала репутацію человѣчества, доброе имя людей.

Когда-то Фихте считалъ нѣмецкій народъ самосознаніемъ, я человѣчества. Но если онъ правъ, если наше я на высшей точкѣ своего развитія таково, какимъ его показала Германія, то не питаетъ ли это великаго пессимизма? Жизнь въ такомъ случаѣ стоитъ ли жизни, и стоитъ ли исторія продолженія?

Не надо исповѣдовать германофильства, для того чтобы открыто признать всю мощь и величіе германскаго духа; лучшихъ вкладовъ, чѣмъ нѣмецкіе, Европа не сдѣлала въ сокровищницу культуры. Ясны всѣ недостатки трудной и тяжкой нѣмецкой души; не легъ на нее отпечатокъ послѣдней аристократичности и тонкаго изящества; чужда она игрѣ и граціи, свободнымъ переливамъ геніальной прихоти,— и все-таки именно «подъ небомъ Шиллера и Гёте» цвѣли голубые цвѣты

идеализма; именно оттуда обильной волною, свѣтлой Рейнской волною, лились въ міръ возвышенныя мысли, дивныя слова, бетховенскіе звуки; именно тамъ подымала къ небу свои шпили готика соборовъ и философіи. Отрицать это можетъ лишь естественная или преднамѣренная близорукость.

Мало этого: сила Германіи въ томъ, что она—не только Аѳины, но и Спарта. Она объединила въ себѣ тѣ и другую. А сочетаніе обѣихъ этихъ категорій, повидимому, и обезпечиваетъ народамъ самое завидное мѣсто подъ солнцемъ. Поразительно, что характеризуютъ Германію два такихъ полярныхъ имени: Гуттенбергъ и Шварцъ. Нѣмцы изобрѣли книгопечатаніе, нѣмцы изобрѣли порохъ. Творцы жизни и творцы смерти, первые въ Римѣ и первые въ деревнѣ, они Богу-духу воздали столько же, сколько и кесарю-тѣлу. Мыслители и солдаты, они милитаризовали духъ и одухотворили милитаризмъ. Они утверждаютъ, что въ ранцѣ ихъ фельдфебеля можно найти Гомера и Гёте.

Но какъ разъ это и вызываетъ скорбныя размышленія. Если и въ странѣ преимущественной мысли и музыки, искусства и науки, если и тамъ люди, оказывается, сохранили первоначальную злую и грубую душу, проявили образцовую жестокость и гнетущее коварство, то на что же, на кого же возлагать надежды, въ чемъ искать опоры для той религіи человѣчества, которой замѣнить религію неба мечталъ нѣкогда Огюстъ Контъ? Если таковы лучшіе изъ насъ, то не возникаетъ ли человѣческій атеизмъ (вѣдь для того, чтобы можно было жить, нужна вѣра не только въ Бога, но и въ человѣка)?

Жестокость—сила. Но одинъ нѣмецкій же философъ предостерегаетъ отъ культа силы—потому, что она рѣдко обходится сама собою, и ей нужна еще хитрость, военная хитрость: «даже левъ, это—кошка», говоритъ онъ. А хитрость—пошлость. И потому война—не просто жестокость: она сверхъ того и пошлость, она сверхъ того и низость. Во имя законовъ войны, ради ея блага, нѣмцы опутали міръ колоссальной сѣтью шпіонажа, развратили государства обдуманной системой гнусности, плюнули на все святое и честное. Во имя законовъ войны они убили старую и самоотверженную женщину, миссъ Кавель: они правы, но правотою пошлости; они не возвысились надъ низменными статутами военнаго права, или безправія. Послѣ вѣковъ культуры, послѣ столькихъ вдохновеній и глубокомыслія, послѣ высокихъ именъ—все осталось по прежнему. Нѣмцы не хуже другихъ, но они должны были бы быть лучше другихъ. Кому дано многое, съ того много и спрашивается,—а теперь не съ кого больше спрашивать.

Конечно, исторія имѣетъ свою систему причинъ и слѣдствій,—

какую-то нервную систему, гораздо болѣе сложную, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. И современемъ будетъ вполнѣ явно, какъ, впрочемъ, явно уже и теперь, что не на одну Германію падаетъ вина войны. Но пусть, въ конечномъ счетѣ, зловѣщей сухой рукою Вильгельма водили какія-то независимыя отъ него силы,—во всякомъ случаѣ, самъ-то онъ чувствовалъ себя свободнымъ, самъ-то онъ ощущалъ себя, хотя бы иллюзорно, господиномъ своей воли. Онъ былъ вмѣняемъ. Онъ могъ сдѣлать или не сдѣлать, могъ сказать или не сказать роковое слово. И онъ его сказалъ. Вильгельмъ подалъ знакъ—«маніемъ руки на русскихъ двинулъ онъ полки». И вслѣдъ за этимъ судные дни настали въ мірѣ, началось свѣтопреставленіе, судорога боли и смерти прошла по землѣ, и до сихъ поръ не осушилась она отъ потопа крови, слезъ и страдальческаго пота.

Война не противорѣчитъ природѣ; война естественна тамъ, гдѣ царитъ законъ борьбы за существованіе; и, можетъ быть, оттого, что первый милитаристъ на свѣтѣ былъ Каинъ, никогда не будетъ милитариста послѣдняго. Но, кромѣ природы, есть и культура; кромѣ враждующей тѣлесности, есть и свѣтлый духъ. И вотъ, нѣмцы, на этотъ разъ, провозгласили, что не въ духѣ, а въ тѣлѣ, не въ правѣ, а въ силѣ, не въ идеяхъ, а въ матеріи, заключается сущность жизни. Это Германія разбудила дремавшихъ псовъ войны, это она ея потенціальную энергію, таившуюся въ Европѣ, превратила въ кинетическую, это она изъ преисподней наверхъ вызвала адъ. Германія воплотила все, что есть въ человѣкѣ безчеловѣчнаго. Она примѣнила въ дѣло, въ убійственное дѣло, ядовитые газы. И когда она указываетъ, что пулеметы и бомбы не гуманнѣе этихъ газовъ, то развѣ можно ей что-нибудь возразить? Развѣ цинизмъ вообще отразимъ? Высшая правота сердца, неписанная логика совѣсти, поруганная нѣмецкой логикой войны, содрагается и нѣмѣетъ.

Смертоносныя облака нѣмецкихъ газовъ, удушливыя тучи злобы отравили не только тѣла, но и помыслы. Совершенствуя технику убійства, обогащая арсеналы пытокъ, Германія растлила и человѣческія души. Договоры чести приравняла она клочку бумаги, исторіи дала незабываемый урокъ безчестности, въ поученіе вѣкамъ изрекла, что позволено все. Она губитъ міръ и міросозерцаніе. Лучше своего Шопенгауэра учитъ она пессимизму. Германія разочаровала, Германія обидѣла, Германія обманула. Въ свиткѣ земныхъ судебъ она еще разъ— и уже безповоротно—сдѣлала кровавую запись: «нѣтъ правды на землѣ». Въ семьѣ націй самая образованная изъ сестеръ выступаетъ какъ отравительница человѣчества, какъ Локуста среди народовъ.

И потому, что такъ много преуспѣла она во славу нигилизма, потому, что неискоренимая борозда разочарованія и оскорбленія прошла въ сердцахъ отъ ея тяжелой исторической поступи,—навсегда сохранятъ къ ней горькое чувство грядущія поколѣнія людей. Она достигла вершины человѣчества, и она же въ конецъ сгубила репутацію и честь человѣчества: этого ей не простятъ. Война кончится миромъ, возобновятся сношенія государствъ; кровавыя поля снова обратятся въ нивы,—но дружбы съ Германіей не будетъ, и совѣсть не готова для мира съ нею. Не вѣчный кантовскій миръ воздвигли соплеменники Канта, а вѣчную войну, «дурную безконечность» обиды.

Внѣшній же миръ, кажется, недалекъ. Чудовище войны издыхаетъ. Но человѣчество устало и не имѣетъ силы радоваться близкому разсвѣту. Послѣ долгой ночи, темной, страшной, полной кошмаровъ, не расцвѣтаетъ у людей надежда, радость, ожиданіе свѣтлой жизни. Незаживающія раны! Современное поколѣніе заболѣло неисцѣлимо. Изъ тѣхъ, кто въ эту историческую минуту присутствуетъ въ мірѣ, только дѣти, маленькія, безсознательныя дѣти, могутъ въ свое будущее войти душевно цѣлыми и здоровыми. А всѣ остальные, теперь живущіе и доживающіе, будутъ влачить свой вѣкъ тоскливо и уныло, съ тою трещиной въ сердцѣ, о которой писалъ когда-то Гейне. Тусклой окажется для нихъ, покажется имъ чаемая звѣзда мира. И это прежде всего, разумѣется, потому, что неизгладимы кровавые слѣды войны, горестныя воспоминанія о ея безчисленныхъ жертвахъ, по которымъ на всемъ протяженіи міра служатъ въ наши дни громкія или безмолвныя панихиды. Одна маленькая дѣвочка, у которой въ сраженіи убили отца, сказала своей матери: «мама, для насъ, значитъ, война никогда не кончится?»... О, для многихъ, для очень многихъ, для слишкомъ многихъ война никогда не кончится! И что для нихъ мирная конференція, всякій миръ безъ аннексій и контрибуцій, или, наоборотъ, съ аннексіей и контрибуціей? Все равно, свою контрибуцію они уже безвозвратно уплатили, все равно, смерть уже осуществила на ихъ счетъ самую драгоцѣнную для нихъ аннексію, отторгла у нихъ одно или не одно любимѣйшее, чаще всего—молодое существо. На свѣтѣ, на темномъ свѣтѣ столько накопилось горя, что даже тѣ, кто непосредственно войною, ея смерчемъ не задѣтъ, все-таки испытываютъ отраженное страданіе, косвенную боль: пули битвъ психологическимъ рикошетомъ поражаютъ всѣхъ.

И затѣмъ, мы, русскіе, навстрѣчу миру оттого еще идемъ не окрыленные, а съ поникшей головою, съ повинной головою, и съ опущен-

ными руками, что насъ подавляетъ и наша психологія побѣжденныхъ, и участь нашей революціи. У насъ вообще—душа неустойчивая, неуравновѣшенная, нервная: намъ ли вмѣстить въ себѣ, намъ ли выдержать сразу двѣ такія тяжести, какъ война и революція? Даже организаціи болѣе крѣпкія, чѣмъ «расплывчатая и мягкая славянская натура», сломились бы, надорвались бы подъ этой двойною кладью—гдѣ ужъ тутъ справиться некрасовскому каменщику Трофиму, который именно надорвался подъ непосильной обузой! Мы расплачиваемся теперь за роскошь, которую позволили себѣ,—устраивать революцію во время войны, громоздить Пеліонъ на Оссу, не выдерживать темпа въ исторической игрѣ.

Революція сдѣлалась, и революцію сдѣлали. И поскольку ее сдѣлали, постольку съ нею, во всякомъ случаѣ, поспѣшили: надо было раньше кончить войну. Теперь ясно, что ея побѣдоносное окончаніе столь же непосильно для послѣ-революціонной Россіи, какъ оно было непосильно для до-революціонной. И если вѣрно, что Штюрмеръ и его сторонники хотѣли во что бы то ни стало и какъ бы то ни было войну прекратить, то они въ этомъ вполнѣ сошлись съ нашей революціонной демократіей; они—не больше «измѣнники», чѣмъ она; и, значитъ, не имѣетъ смысла и оправданія тотъ лозунгъ, что революцію надо было сдѣлать во имя войны, ради ея успѣшности. Можно и должно было предвидѣть, что войнѣ революція не только не поможетъ, но и безмѣрно повредитъ. Политики не пророки, но они должны быть дальновидны. У насъ русскіе политики помогли Германіи. «Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое», гласитъ кличъ революціи; но въ той борьбѣ, въ той междоусобицѣ, которую породила революція, не мы обрѣли свое право, а обрѣтаетъ его тотъ третій, который радуется, нашъ общій врагъ, «наслѣдникъ меченосной рати», Зигфридъ тевтонской легенды и нѣмецкой реальности.

Революція скомпрометирована. Революція отцвѣла, не успѣвши расцвѣсть. Революція выродилась. Утомленіе и разочарованіе, которыя созданы въ человѣчествѣ ужасной войной, могли бы найти себѣ исцѣленіе въ революціи, если бы она удалась. Новый подъемъ силъ, новая вспышка надежды, новая бодрящая Марсельеза должны были бы оживить и освѣжить Европу въ ея стремленіи къ торжеству соціальныхъ идеаловъ; но слишкомъ скоро погасли загорѣвшіеся было огни, и еще тяжелѣе и гуще стала человѣческая тьма, и еще безнадежнѣе сдѣлалось на душѣ. Послѣ мрака наступилъ мракъ.

Свобода не вдохнула въ насъ своего духа, свободы мы не вмѣстили.

Трудно быть свободнымъ. Легче лежать у ногъ какихъ-нибудь кумировъ, опутать себя веригами выдохшихся формулъ, паутиной партійности. Революція наша поверхностна. Между тѣмъ она должна бы изнутри идти; она должна бы быть не только политической, но и психологической. Главное—перестроить самую душу свою, *ее* обновить, *съ нея* сбросить ветхаго Адама. Неудача многихъ революцій, о которой повѣствуетъ исторія, не тѣмъ ли объясняется, что ихъ дѣлали люди прежніе, что новое вино они вливали въ мѣхи старые? Лишь тогда Савлъ будетъ способенъ на великое, когда онъ обратится въ Павла. Нельзя творить подвига Павлова, оставаясь Савломъ. Надо изъ преступника сдѣлаться праведникомъ, чтобы поэтъ воспѣлъ дядю Власа. И такъ какъ мгновенное возрожденіе совершается только съ отдѣльными личностями, да и то съ избранными, въ тишинѣ одинокой души, и недоступно для коллектива, для государства въ его огромномъ цѣломъ, то вотъ революція, въ истинномъ и строгомъ значеніи этого прекраснаго слова, всегда оказывается неосуществимой, хотя бы фактически она и была осуществлена. Есть революція, но нѣтъ революціонеровъ. Много званыхъ у революціи, много самозванныхъ у нея, но мало избранныхъ. Исторія медлительна. Ея трагическую неторопливость хочетъ преодолѣть революція, но она наталкивается на исконную косность людей.

Однимъ изъ самыхъ грустныхъ симптомовъ этого моральнаго крушенія революціи является то, что у насъ, въ Россіи, нѣтъ свободы. Снова и снова приходится защищать свободу слова, писать о ней, упорно твердить духовную азбуку. Съ элементарнымъ, казалось бы, мы покончили, и можно бы идти дальше: но нѣтъ, кто-то держитъ насъ, мѣшаетъ и, какъ это ни тяжко, въ тотъ моментъ, когда, повидимому, воплотились самыя свѣтлыя и смѣлыя мечты отцовъ и дѣдовъ, надо сознаться, что по существу, внутренне, мы остаемся все на томъ же мѣстѣ,—и все на томъ же мѣстѣ терпимъ горькое фіаско. Слова бездушныя, слова опустошенныя сохранили свою власть; но часто попытка сказать слово независимое и вольное, ничѣмъ не стѣсненное, встрѣчаетъ отпоръ со стороны нашихъ новыхъ властей,—а властвуетъ надъ нами новая форма прежняго консерватизма.

Широта либеральна, узость консервативна. Чѣмъ уже мысль, тѣмъ она ревнивѣе, и рядомъ съ собою не допускаетъ никакой соперницы. Не совсѣмъ точно передавая завѣтъ Шиллера, намъ предлагаютъ писать такъ, чтобы «словамъ было тѣсно, мыслямъ просторно». Современная цензура—противъ простора мыслей; но, въ связи съ этимъ,

она тѣснитъ и слова. Въ ея тѣснотѣ обидно. Худшій ихъ королей, толпа нерѣдко покушается на права человѣческихъ устъ и отымаетъ у насъ драгоцѣнную монополію слова. Тяжкое впечатлѣніе производитъ та газетная лѣтопись, которая почти изо дня въ день, подъ иронической рубрикой «свобода печати», сообщаетъ о насиліяхъ надъ словомъ и изъ этой мозаики мелочей слагаетъ общую безрадостную картину.

Цензурные комитеты современности иногда помѣщаются въ нѣдрахъ типографій, и тамъ не набираютъ неугоднаго, и оттуда не выпускаютъ того, что не одобрено наборщиками. Такъ, въ одной типографіи заставили умолкнуть старообрядческую газету, потому что старообрядцы—монархисты. За слова печатныя и за слова устныя, плывущія противъ теченія, можно поплатиться дорогой цѣною. Шумно въ Россіи, говорливо въ Россіи, но нѣтъ еще въ ней истинной гласности: вѣдь шумъ не голосъ; и хотя льются-разливаются рѣки рѣчей, и въ Москвѣ, напримѣръ, задумчивый Пушкинъ противъ Страстного монастыря слышитъ, какъ о цоколь его памятника бьются словесныя воды, но еще не кончилось у насъ на Руси то царство вынужденнаго молчанія, съ которымъ боролся соименникъ Пушкина, творецъ Чацкаго, осиленнаго Молчалинымъ, творецъ Репетилова, отъ котораго пошли и Репетиловы русской революціи («шумимъ, братецъ, шумимъ»).

«Бей, но выслушай!»—такой кличъ донесло до насъ эхо исторіи. Онъ имѣетъ глубокій нравственный смыслъ. Даже когда слово вызываетъ отпоръ и возмущеніе, когда оно подымаетъ гнѣвъ противъ говорящаго,—даже тогда необходимо его выслушать. Самоотверженные люди, у которыхъ есть потребность сказать свою правду, готовы за нее пострадать: «бей, но выслушай!» Слѣдуетъ ли принимать отъ нихъ такую жертву: за то, что слушаешь, бить—бить говорящаго? Неужели такъ не развиты у насъ задерживающіе центры, неужели такъ груба и тупа наша мысль, такимъ она ограждена частоколомъ отъ мысли другого, что мы не можемъ не брать его въ колья? «Бей, но выслушай!» Мы, впрочемъ, даже этого не дѣлаемъ: бить мы бьемъ, но слушать не слушаемъ.

Кто слушаетъ, тотъ уже не бьетъ. Кто слушаетъ, тотъ понимаетъ; кто понимаетъ, тому ясно несовершенство всякой мысли—въ первую очередь, собственной; и тотъ въ естественной человѣческой скромности провѣряетъ свое мнѣніе чужимъ, какъ провѣряютъ свои часы по чужимъ часамъ. Слушаетъ, спокойно слушаетъ убѣжденный; не хочетъ слушать только слабый и шаткій. Сила слушаетъ, слабость бьетъ. Сила не боится слова; слабость его глушитъ. Сила—за свободу, слабость—за рабство. Сильному нужны говорящіе, слабому—безсловесные.

Всякіе комитеты и совѣты, всякіе синклиты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, всякія канцеляріи стараго и новаго типа—ничто, сравнительно съ могуществомъ нестѣсненнаго слова, съ могуществомъ освобожденнаго Прометея. Власть должна быть смиренна.

Самозванные цензора, себѣ приписывающіе непогрѣшимость, являются тюремщиками духа. Кто вообще смѣетъ быть цензоромъ, кто возьметъ на себя право судить? Неправедные судьи, непрошенные соглядатаи, безграмотные указчики, карлики въ панцырѣ великана задерживаютъ жизнь и останавливаютъ ея ростъ. Истина—только въ движеніи; тамъ, гдѣ—застава и преграда, гдѣ—шлагбаумъ, который умственный «непроворный инвалидъ» норовитъ «влѣпить въ лобъ», тамъ—застой, оцѣпенѣніе и смерть. Гдѣ слово сжато въ тиски, туда не приходитъ правда. Надо свободно говорить и свободно спорить, надо скрещивать откровенныя мнѣнія, и лишь тогда сверкнетъ изъ нихъ искра истины.

Вооруженная Аѳина изъ головы Зевса—это и есть изъ разума рожденная и въ латы слова облаченная мысль. Вступать насилію въ открытый бой съ этой богиней вообще безнадежно: мысль побѣждается только мыслью, и въ безплотную идею не вонзится ничей вещественный мечъ. Но мѣшать, но досаждать Аѳинѣ, богинѣ мудрости,—это глупость умѣетъ; и своимъ умѣньемъ она теперь широко пользуется, призвавъ себѣ на помощь обычную спутницу глупости—грубую силу.

Говорятъ и кричатъ нынѣ одни лишь самозванцы. Россія же молчитъ, народъ же, какъ и раньше, безмольствуетъ. Не потому безмолвствуетъ что ему нечего сказать, а потому, что не даютъ ему говорить. Въ насильственное молчаніе погружена Россія,—но она сокрушитъ и эти цѣпи, она заговоритъ, и мы ждемъ этого рѣшающаго слова, мы ждемъ ея рѣшенія. Всѣ уже говорили. Теперь слово за Россіей.

Надо спасать слово. Надо охранять культуру. Надо не угашать духа. Неужели всуе и кощунственно произнесено было нашей революціей божественное имя свободы? Неужели оно окажется звукомъ пустымъ, и свобода не будетъ принята нами въ самую душу, и неужели мы не за страхъ, а за совѣсть не послужимъ вольной мысли, ради разума, во славу слова?

Засиліе надъ разумомъ и словомъ, всяческая разруха и опозореніе, и опошленіе революціи текутъ изъ того мутнаго источника, который называется большевизмомъ. Терминъ этотъ надо понимать

распространительно: не только опредѣленную партію обнимаетъ онъ собою, но и цѣлое теченіе мысли, чувства и дѣла.

Героиня знаменитой сказки о рыбакѣ и рыбкѣ, сварливая старуха, несомнѣнно, еще до большевизма принадлежала къ большевикамъ. Она держалась программы maximum,—оттого и получила minimum, т.-е. разбитое корыто. Не то, чтобы ея идеалы были неправильны, не то, чтобы ея стремленія къ новымъ и новымъ цѣнностямъ и благамъ не опирались на законы человѣческой психологіи: нѣтъ, ея ошибка состояла въ томъ, что она, упрямая и торопливая, не сонзмѣрила цѣли со средствами и пыталась осуществить нѣчто сказочное. Если сказочное не удалось въ сказкѣ, то удивительно ли, что оно рушится въ жизни? Если чувство мѣры необходимо даже въ царствѣ фантазіи, то какъ обойтись безъ него въ нашей строгой дѣйствительности?...

Таблица мѣръ, чувство мѣры, ощущеніе земныхъ условій, вниманіе къ обстоятельствамъ времени и мѣста, естественный реализмъ, широта кругозора—вотъ чего недостаетъ большевикамъ. И такъ какъ все это надо отъ нихъ вычесть, то въ остаткѣ и получается немногое.

И если бы *такъ* судили большевизмъ, если бы критиковали его съ этой точки зрѣнія, то, можетъ быть, подобная критика была бы плодотворна и важна. Между тѣмъ его не судятъ, а осуждаютъ; его не разбираютъ, а бранятъ,—именно потому, что въ его гостепріимный лагерь, въ этотъ Валленштейновъ лагерь, помимо чистыхъ, сходится и всякій сбродъ, умственная и нравственная чернь. Заподозрѣваютъ честность его намѣреній, не вѣрятъ безкорыстію его вождей, считаютъ его сторонниковъ предателями. Ясно, что такая критика сама критики не выдерживаетъ. Если въ партію большевиковъ тамъ и здѣсь проникаютъ тѣ внѣпартійные или сверхпартійные люди, которыхъ зовутъ негодяями, то вѣдь это вторженіе инородныхъ тѣлъ само по себѣ еще большевизма не компрометируетъ. Не становится дуренъ мой путь только потому, что ко мнѣ пристали дурные попутчики. Не искаженія большевизма должны бы останавливать наше вниманіе, а самый большевизмъ въ своей неискаженной подлинности. Онъ нуждается въ критикѣ имманентной, т.-е. надо стать на его же почву, чтобы его понять и разбить. Надо войти въ него, чтобы изъ него выйти.

Но, съ другой стороны, очень характерно, что именно онъ, больше чѣмъ всѣ другія партіи, покрылся накипью и плѣсенью. Отрицая постепенность, рѣшительный и суетливый, крайній и безудержный, онъ какъ разъ этимъ и привлекъ подъ свои чистыя знамена всякую нечисть. Онъ удобенъ для преступниковъ и провокаторовъ, и громкіе девизы его, создавая шумъ, позволяютъ темнымъ личностямъ подъ этотъ

политическій шумокъ устраивать свои разрушительныя дѣла. Эгида большевистскаго творчества благопріятствуетъ разрушенію—именно потому, что таковы условія нашего міра: кто хочетъ сотворить, натворить слишкомъ много, тотъ въ дѣйствительности разрушаетъ. Кто хочетъ всего, не достигаетъ ничего. Максимализмъ, это—нигилизмъ. Чрезмѣрно широкій размахъ кончается впустую, и послѣ него въ безсиліи поникаетъ рука.

Нужно лишь помнить при этомъ, что, отвергая внѣшній максимализмъ большевиковъ, мы отдаемъ должное тому внутреннему, моральному максимализму, который движетъ лучшими изъ нихъ и который вообще обязателенъ для развитой личности. Мудро замѣчаетъ Метерлинкъ, что надо быть героемъ въ своихъ мысляхъ, для того чтобы въ своихъ дѣлахъ оказаться—самое большое—порядочнымъ человѣкомъ. Какъ, «благодаря закону земного притяженія, необходимо брать прицѣлъ нѣсколько выше своей мишени»,—такъ и вообще высоки, идеалистичны, революціонны должны быть наши душевныя устремленія, для того чтобы хоть нѣсколько улучшилась земная реальность. Она сама уже позаботится, слишкомъ позаботится о томъ, чтобы во всякіе идеалы внести очень существенныя поправки и охлаждающія ограниченія. Реальность необходимо учитывать, но нельзя передъ нею раболѣпствовать и въ угоду ей отрекаться отъ своихъ убѣжденій, ослаблять греческій огонь своей гражданственности. Чтобы на практикѣ возникла одна лишняя ступень къ правдѣ, въ теоріи должна быть воздвигнута цѣлая лѣстница правды. Теорія запрашиваетъ у практики, и только тогда послѣдняя дѣлаетъ нѣкоторыя уступки.

Но запрашивать слѣдуетъ именно теоретически, въ душѣ, въ глубинѣ,—т.-е. нужны сокровенный пафосъ, горѣніе, напряженность душевныхъ струнъ. Внѣшній радикализмъ надо возмѣщать радикализмомъ внутреннимъ. Въ реальной же политикѣ не менѣе вреденъ перелетъ мысли, чѣмъ ея недолетъ. И примѣчательно, что какъ разъ во имя нравственнаго максимализма и подъ его вліяніемъ многіе выдающіеся дѣятели отказывались отъ максимализма дѣйствій: такъ, Герценъ не боялся блѣднаго слова «постепенность», писалъ его на своемъ флагѣ, имѣлъ мужество среди буквальныхъ революціонеровъ, этихъ, по его выраженію, «вѣчныхъ жениховъ революціонной Пенелопы», блюсти не букву революціи, а ея живой духъ, тотъ именно духъ, который примирялъ пламенный героизмъ помысловъ, набатъ душевнаго колокола, своеобразный большевизмъ идей—съ медлительной обдуманностью поступковъ, съ трезвой расцѣнкой общественныхъ фактовъ и соотношенія реальныхъ силъ.

Не во слѣдъ Герцену идутъ современные большевики и въ томъ смыслѣ, что нѣтъ у нихъ патріотизма, которымъ горѣлъ творецъ «Былого и думъ». Знаменитый эмигрантъ, добровольный и невольный изгнанникъ, томился на чужбинѣ и испытывалъ сердечную тоску по родинѣ,—недаромъ въ освобожденную (и имъ, среди прочихъ, освобожденную) Россію хотятъ перенести теперь его прахъ съ тихаго кладбища въ Ниццѣ. Какъ бы далеко ни шелъ у людей теоретическій космополитизмъ, они, къ счастью, не способны заглушить въ себѣ естественнаго чувства родины. Ей нельзя не отдавать преимущества. Формула, въ силу которой «у пролетарія нѣтъ отечества», грѣшитъ противъ самой элементарной психологіи и даже физіологіи. Отечества и его преимущественности изъ души и тѣла не исторгнешь; пролетаріи всѣхъ странъ не соединятся никогда, потому что ихъ всегда будетъ отдѣлять другъ отъ друга предпочтительное чувство каждаго къ *своей* странѣ, исключительная любовь каждаго къ *своей* матери. Интернаціоналъ не соотвѣтствуетъ законамъ человѣческой души. Народное въ насъ стихійно, международное искусственно. Сколько бы ни было въ національнизмѣ отрицательныхъ чертъ, онъ корни имѣетъ въ самой природѣ. И бороться надо только съ злоупотребленіями національнизма, съ тѣмъ, что есть въ немъ дикаго и зоологическаго, но не съ его сущностью.

И при этомъ, какъ разъ пролетарію отрѣшиться отъ отечества труднѣе, чѣмъ кому бы то ни было. Бѣдный патріотичнѣе богатаго. Роднѣе родина ея работникамъ, чѣмъ ея хозяевамъ (если пользоваться терминологіей Толстого: «Хозяинъ и работникъ»). Прекрасно говоритъ Ромэнъ Ролланъ, что только тотъ, кто ходитъ пѣшкомъ, чувствуетъ землю, ощущаетъ свое происхожденіе отъ ея материнскихъ нѣдръ. Богатство отъ земли отдѣляетъ, бѣдность приближаетъ. Богатый—космополитъ, пролетарій—патріотъ. Интернаціоналъ богатства крѣпче интернаціонала бѣдности.

Вотъ почему большевизмъ никогда не будетъ близокъ душѣ. Въ немъ отвлеченное преобладаетъ надъ осязательнымъ. Онъ паритъ на холодной высотѣ, занимаетъ слишкомъ общія, безъименныя и безцвѣтныя пространства, и то, что безвоздушно, предпочитаетъ воздуху родной земли. Онъ живетъ не дома, а въ постоянно разрушаемомъ домѣ интернаціонала. Онъ пользуется нѣмой географической картой и на ней не обводитъ, съ особенной любовью и нѣжностью, милыхъ очертаній родины, и не пишетъ съ волненіемъ въ душѣ завѣтнаго имени—Россія...

Хотя во главѣ большевизма стоитъ русскій дворянинъ, далеко не кающійся дворянинъ, по имени Ульяновъ-Ленинъ, но молва душою этого теченія признаетъ евреевъ, какъ вообще евреямъ приписываютъ едва ли не всю вину (или заслугу?) нашей революціи. Въ связи съ этимъ на столбцахъ газетъ пестрятъ разоблаченія псевдонимовъ: злорадно снимаютъ личину Стеклова съ лица Нахамкеса, вмѣсто Зиновьева подставляютъ Апфельбаума, уличаютъ Каменева Розенфельдомъ, Троцкаго—Бронштейномъ, Мартова—Цедербаумомъ и т. д. Если бы это было только невинной забавой, то въ наши серьезные, слишкомъ серьезные дни не стоило бы и говорить о ней. Но здѣсь на самомъ дѣлѣ кроется нѣчто другое, нѣчто опасное: здѣсь коварно зрѣетъ ядовитое зерно антисемитизма. И оно можетъ вырости и дать кровавый плодъ (и даетъ уже); нашу трагедію оно дѣлаетъ ещ мрачнѣе и гекатомбы человѣческихъ жертвъ увеличиваетъ новыми жертвами. Дѣйствительно, въ теперешнемъ движеніи противъ большевиковъ есть такія особенности, которыя превращаютъ его и въ движеніе противъ евреевъ. Люди, не склонные разбираться во всей многосторонности общественныхъ фактовъ, умѣющіе писать только одною краской, отожествляютъ ненавистную имъ политическую партію съ тѣмъ народомъ отпущенія, какимъ искони являются евреи. Исторія давно уже удѣлила имъ печальную роль отвѣтчиковъ за всѣ грѣхи; исторія наказываетъ ихъ за чьи бы то ни было преступленія и предъявляетъ имъ къ оплатѣ всѣ счета; исторія посадила ихъ на какую-то міровую скамью подсудимыхъ. При этомъ обвиненія сыплются на нихъ самыя противоположныя, другъ друга уничтожающія; и если бы обвинительный актъ этотъ не былъ написанъ еврейской кровью, то своей пестротою и несогласованностью своихъ частей онъ производилъ бы комическое впечатлѣніе. Евреи считаютъ реакціонеромъ и революціонеромъ; онъ—опора капитализма, но онъ же—и авторъ «Капитала»; нѣтъ никого буржуазнѣе еврейскихъ буржуа, и въ то же время никто больше еврея не подкапывается подъ консервативные устои общества. Еврей—фанатикъ, ортодоксъ, ревнивый хранитель религіозной традиціи; но у еврея нѣтъ религіи, и онъ вноситъ въ окружающую сферу матеріалистическій духъ атеизма. Сплетеніе противорѣчій! И оно указываетъ на то, что вся эта роскошь обвиненій имѣетъ подъ собою очень шаткую основу. Правда же заключается въ томъ, что еврей—все, т. е. что по своей психической организаціи онъ одинаково принадлежитъ обоимъ полюсамъ—добра и зла. Вы найдете его тамъ, гдѣ хотите,—въ царствѣ идеализма и матеріализма одинаково. Его страстная и нервная натура образуетъ собою форму, въ которую входитъ любое содержаніе. Порывистый и пламенный, онъ

органически не можетъ участвовать въ жизни безмолвнымъ статистомъ. Онъ говоритъ, онъ зоветъ, онъ волнуется и волнуетъ. Оттого-то и находятся евреи вездѣ въ первыхъ рядахъ, но именно вездѣ,—не только тамъ, гдѣ это вамъ не нравится, но и тамъ, гдѣ вы это привѣтствуете. Замѣчательно, что такую черту еврейскаго характера оттѣняли не только юдофилы, но и юдофобы; не считались послѣдніе съ тѣмъ, что одно погашается другимъ и что если еврей вмѣстѣ съ отдѣльными представителями всѣхъ другихъ національностей служитъ дурному, только—себѣ и своимъ соплеменникамъ на несчастье—особенно бросаясь въ глаза, то, съ другой стороны, онъ же, тотъ же вездѣсущій еврей, оказывается и дѣйственнымъ участникомъ всего хорошаго. Давно уже сказано, что опредѣленіе, это—ограниченіе; и вотъ, въ данномъ случаѣ тоже, опредѣлить еврея значило бы ограничить его. Онъ опредѣленію не поддается. Собою выражаетъ онъ, собою усиливаетъ, собою подчеркиваетъ рѣшительно все. Одна изъ самыхъ яркихъ красокъ въ жизненной картинѣ, едва ли не самый чуткій нервъ общечеловѣческаго организма, онъ такъ уже созданъ, что ему нельзя не выдаваться. Играетъ ли онъ хорошо, играетъ ли дурно—такъ или иначе, его скрипку услышишь первой. Исторія знаетъ такіе моменты въ игрѣ мірового оркестра, когда эта скрипка осуществляла самую возвышенную музыку—и Пѣснь пѣсней, и славу Назарета, и душевную красоту Спинозы. И эти звуки, для человѣчества незабываемые, представляютъ собою такую заслугу, которая слишкомъ окупаетъ всѣ отрицательные признаки еврейства. Недаромъ у Мея, много занимавшагося Библіей и въ связи съ этимъ глубоко задумывавшагося надъ судьбами еврейскаго племени,—недаромъ въ его стихотвореніи съ неоскорбляющимъ заглавіемъ «Жиды» говорится, что каждый шагъ этого народа сопровождали чудеса и нѣкогда велъ его въ пустынѣ «самъ Богъ, то облакомъ, то огненнымъ столбомъ».

Нѣтъ ни къ кому такой, какъ къ нимъ, жидамъ, вражды;
Но тамъ, гдѣ понятъ Богъ и понята природа,
Вездѣ они—жиды, жиды, жиды.
Въ Шалимѣ ихъ, рукою Саваоѳа,
Пророку на скрижаль начертанъ былъ законъ,
И крестнымъ знаменемъ отмѣчена Голгоѳа,
И вѣнчаны цари: Давидъ и Соломонъ.

«Тамъ, гдѣ понятъ Богъ и понята природа», вездѣ они,—т.-е. тамъ, гдѣ достигнута высшая ступень религіи и разума. И понятно, что если это такъ, если евреями вѣнчается пирамида идеальныхъ

исканій, то и въ сферахъ болѣе элементарныхъ они тоже проявляютъ чрезвычайную отзывчивость. Чувствительная пластинка духа, еврей вибрируетъ замѣтнѣе кого бы то ни было. Онъ именно вибрируетъ, воспринимаетъ, очень близко къ сердцу и уму беретъ все происходящее, и потому возникаетъ иллюзія, будто онъ—зачинатель, виновникъ, зачинщикъ.

Такъ это и въ текущую минуту нашей многострадальной исторіи. Среди большевиковъ видную роль играютъ евреи. Кто противъ большевиковъ и за евреевъ, тотъ можетъ объ этомъ только пожалѣть. Но справедливость укажетъ, что и среди меньшевиковъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ тѣ же евреи. Кто за сторонниковъ Дана и Дейча, тотъ не можетъ этому не радоваться. Евреи—около Максима Горькаго, евреи—около Плеханова. Но если чьимъ-нибудь симпатіямъ ближе соціалисты-революціонеры, политическая семья «бабушки» Брешко-Брешковской, тѣ найдутъ и въ этой партіи вождей-евреевъ, тѣ должны будутъ поразмыслить о волѣ историческаго процесса, въ силу которой во главѣ московскаго муниципалитета стоитъ теперь сынъ бывшаго московскаго раввина, когда-то изгнаннаго изъ Москвы, патріархъ русскихъ революціонеровъ—Миноръ. А если соціалисты вамъ вообще не по душѣ и вы хотѣли бы формально или внутренне причислить себя къ политической организаціи, наиболѣе богатой культурными силами и наименѣе богатой революціоннымъ пыломъ, то партія народной свободы, черносотенными устами давно уже прозванная «жидокадетами», назоветъ среди своихъ лидеровъ одно еврейское имя, не говоря уже объ очень многихъ еврейскихъ именахъ среди рядовыхъ членовъ партіи. Въ нѣдрахъ русскаго монархизма, среди консерваторовъ, несомнѣнно, тоже были и есть евреи. Они—и въ центрѣ, они—и слѣва, они—и справа.

И въ связи это съ тѣмъ, что такъ же обстоитъ дѣло не только въ политикѣ, но и въ русской культурѣ вообще. Достаточно сказать, что еврейскіе дѣятели и писатели распредѣлили себя здѣсь по самымъ различнымъ идеологіямъ, оказались въ самыхъ далекихъ другъ отъ друга лагеряхъ міросозерцанія—отъ матеріализма и до мистицизма. Не только тамъ они, гдѣ большинство русской интеллигенціи: нѣтъ, вспомнимъ, что наиболѣе убѣжденнымъ и наиболѣе талантливымъ реставраторомъ славянофильства, реставраторомъ-художникомъ, является Гершензонъ.

Итакъ, пусть иногда еврейскія имена скрываются подъ русскими псевдонимами, это не таитъ въ себѣ ничего дурного: во-первыхъ, потому, что еврейскіе политики выступаютъ часто и безъ русскаго за-

брала и скрытымъ Нахамкесамъ, Апфельбаумамъ, Бронштейнамъ надо противопоставить явныхъ Винаверовъ, Гоцовъ, Либеровъ (энергичныхъ противниковъ большевизма); а во вторыхъ, и потому, что въ данномъ случаѣ русскіе псевдонимы—псевдонимы только внѣшніе; по существу же они говорятъ только объ единствѣ тѣхъ задачъ, которыя ставитъ себѣ одинаково и русская, и еврейская интеллигенція; и какъ ни избито нынче слово «товарищъ», мы все-таки скажемъ, что переплетеніе еврейскихъ и русскихъ звуковъ въ собственныхъ именахъ нашей революціи знаменуетъ собою духовное товарищество, единую творческую работу на благо Россіи, которая да никогда не будетъ псевдонимомъ, которая да останется вѣчно дорогимъ для всѣхъ насъ именемъ!..

Но теперь по Россіи льются кровавыя волны. И, конечно, по образцу позорнаго прошлаго, въ первую очередь и больше всего гибель падаетъ на головы евреевъ. Для грубаго и элементарнаго сознанія они оказываются виновниками современной разрухи. Если все тише и тише ходятъ русскіе поѣзда и замираетъ шумъ фабричныхъ станковъ, эта суровая музыка работы; если скудѣютъ нивы, а собранный урожай деревня прячетъ отъ города, и оттого все скупѣе и скупѣе отмѣривается хлѣбный паекъ и дѣтямъ нашимъ приходится отказывать въ молокѣ и въ маслѣ, и въ сахарѣ, этихъ испытанныхъ друзьяхъ когда-то безпечальнаго дѣтства (теперь нѣтъ безпечальныхъ); если такъ издѣвательски дорожаетъ жизнь и на далекій задній планъ отходятъ интересы духа и культуры, а центральное мѣсто занимаютъ помыслы и заботы о томъ, какъ бы поѣсть и чѣмъ бы насытиться; если вообще міръ дичаетъ и катится назадъ, и совершается разореніе человѣчества, происходитъ новый потопъ, невиданное потрясеніе, то во всей этой, какъ стихійной, такъ и злыми человѣческими руками устроенной катастрофѣ, повинны евреи... На нихъ вымещаютъ и все то разочарованіе, какое принесла съ собою революція. Не думаютъ о томъ, что какъ революція сама по себѣ не виновата въ преступности ея «углубителей» и злоупотребителей, какъ она, «упорствуя, волнуясь и спѣша», остается правой, несмотря ни на что, какъ она изъ свиты своихъ ужасовъ и золъ выходитъ чистой (ибо самый принципъ ея чистъ и великъ), такъ и евреи не могутъ нести отвѣтственности за развалъ Россіи. Вѣдь они сами гибнуть отъ него не меньше, чѣмъ другіе; вѣдь они сами увлечены въ общій водоворотъ невзгоды. Но ничего не подѣлаешь. Идутъ по линіи наименьшаго сопротивленія, не хотятъ знать, что для преступленія нѣтъ національности, что оно

международно, что оно образуетъ зловѣщій интернаціоналъ, который, къ сожалѣнію, въ противоположность интернаціоналу соціалистическому, никогда не рушится, всегда процвѣтаетъ,—и статистика всѣмъ краснорѣчіемъ своихъ цифръ могла бы доказать, что среди пособниковъ русской разрухи евреевъ не больше, а меньше, чѣмъ русскихъ.

Нерѣдко говорятъ теперь: «вами управляютъ безбожные люди Нахамкесы и Троцкіе». Но забываютъ, что вообще не люди сейчасъ управляютъ людьми, а стихійная сила событій. Въ томъ буйномъ водоворотѣ, какой создала намъ исторія, какъ безвольныя щепки несутся всѣ люди—одинаково и безбожные, и богобоязненные. Личность смиренно отступила передъ историческимъ рокомъ, дала дорогу ему. Слѣпымъ орудіемъ сверхличныхъ силъ являются и безбожный Нахамкесъ, и Богу повинующійся Ленинъ... Вѣтеръ времени, самумъ переживаемой эпохи, смерчъ катастрофы гонитъ, мчитъ, кружитъ отдѣльныхъ дѣятелей, и какъ бы ни казались они себѣ и другимъ активными, въ сущности, они именно не дѣятели, они пассивны и безвольны, они покорно творятъ лишь волю исторіи. Конечно, это нисколько не освобождаетъ ихъ отъ личной отвѣтственности, и каждый долженъ поступать по совѣсти и крайнему разумѣнію, хотя бы и отрицали мы значеніе личности въ исторіи и считали себя ея послушными исполнителями, ея обреченными данниками. Но когда въ подобный моментъ государственной жизни ищешь его виновниковъ, то необходимо все-таки не упускать изъ виду, что, собственно говоря, виновныхъ нѣтъ, или, другими словами, виноваты всѣ, каждый по немногу или каждый по многу, и что поэтому грѣшно и нелѣпо сосредоточивать вину на нѣсколькихъ частныхъ личностяхъ, а тѣмъ болѣе,—на цѣломъ народѣ, который вообще никогда не можетъ и не долженъ нести отвѣтственности за поступки своихъ единичныхъ членовъ.

Кромѣ того, «безбожные» Нахамкесы и Троцкіе, эти недавніе завсегдатаи всѣхъ европейскихъ кафэ, вовсе не служатъ типичными представителями еврейства.

Большевикъ интернаціоналенъ, еврей—націоналистъ. И тѣ самые люди, которые винятъ евреевъ за націоналистическую обособленность и исключительность, впадаютъ въ вопіющее противорѣчіе съ самими собою, когда они думаютъ, будто для тѣхъ же націоналистовъ-евреевъ характерно потрясать бутафорскимъ знаменемъ интернаціонализма. Нѣтъ, дома́ евреевъ, дѣйствительно, разсѣяны по всему міру; но въ предѣлахъ своего дома всякій еврей—домосѣдъ.

Признанный семьянинъ, онъ привязывается и къ семьѣ, къ дому той страны, въ которой однажды навсегда поселила его судьба. Еврей привязчивъ, еврей патріотиченъ, еврей консервативенъ. Сынъ старины, ея любимецъ, хранитель древности и ею сохраненный, онъ крѣпко привыкаетъ, онъ цѣпко прирастаетъ къ той культурѣ, которая свойственна данному государству, онъ становится его гражданиномъ, и не разрушать, а охранять, не звать въ миражи интернаціонала, а укрѣплять духъ націонализма—вотъ что для него существенно и типично. Троцкій не правило еврейское, а, наоборотъ—исключеніе изъ еврейскаго правила. Какъ вообще сознательное большинство не за большевиковъ, такъ и, въ частности, большинство евреевъ—противъ большевизма, и своими они не признаютъ Троцкаго съ компаніей, морально извергаютъ ихъ изъ своей среды,—отщепенцами еврейства, ренегатами Израиля, измѣнниками еврейству, а не евреями, считаютъ они этихъ бездомныхъ, внутренне опустошенныхъ, безсодержательныхъ людей. Большевики витаютъ въ безвоздушномъ пространствѣ; и физически, и нравственно какіе-то перекати-поле, безъ осѣдлости, безъ привязанности, безъ національности, внѣ религіи, внѣ родины, внѣ исторіи, вообще во всѣхъ отношеніяхъ внѣшніе, люди-схемы, люди-призраки, математическія точки, а не специфическіе евреи.

А что случайная и ничтожная доля внѣшняго еврейства вкраплена въ общую ткань большевизма, такъ въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: когда волнуется народъ, не могутъ не волноваться и инородцы. Какъ при взрывѣ бываетъ детонація и сила взрывчатаго вещества будто симпатически заражаетъ и потрясаетъ все окружающее, всѣ расположенные около него родственные матеріалы, такъ революція, охвативъ коренное населеніе страны, быстро переносится и на другія ея племена и народности. Какъ и всѣ остальные инородцы, евреи платятъ лишь свою часть общей дани революціонному владычеству. За что же они, платежники среди другихъ платежниковъ, должны еще особо платиться своимъ существованіемъ и своимъ достояніемъ—за то, въ чемъ не они повинны, а русская исторія, т. е. повинны всѣ, и въ первую очередь—сами русскіе, сами хозяева Россіи, такъ дурно устроившіе свой старый домъ? За что обостряется ядовитый клинокъ антисемитизма?

И тѣ, кто привѣтствовалъ революцію, и тѣ, кто ее осуждаетъ, и тѣ, кто участіе евреевъ въ ней находитъ виной,—всѣ одинаково должны понимать, что это участіе во всякомъ случаѣ было неизбѣжно, въ силу историческихъ причинъ, въ силу обездоленнаго по-

ложенія евреевъ до русской революціи. Но еще важнѣе усвоить себѣ несомнѣнную истину, что то самоубійство революціи, которое называется большевизмомъ, не есть типичное дѣло именно еврейскихъ рукъ. Большевизмъ-то ужъ навѣрное не есть продуктъ еврейства. Если же онъ среди своихъ представителей насчитываетъ нѣсколько еврейскихъ именъ, то недаромъ эти еврейскія имена прикрыты русскими псевдонимами,—въ этомъ нѣтъ ничего дурного (какъ я уже сказалъ), но это лишній разъ доказываетъ, что носители такихъ псевдонимовъ—не личности, а безличности, что они—никто, что ихъ нельзя причислять ни къ русскимъ, ни къ евреямъ: они—одушевленные псевдонимы, люди безъ роду, безъ племени, не помнящіе родства, чужаки, пришельцы, мнимые русскіе, псевдо-евреи....

Когда-то священныя легегды провозгласили евреевъ избраннымъ народомъ; исторія давно уже показала, что это—избранничество страданья, аристократизмъ несчастья, первое мѣсто за горькой трапезой горя. Еще до того, какъ погромы настигли еврея подъ краснымъ знаменемъ революціи, онъ хорошо ихъ позналъ при торжествѣ трехцвѣтнаго флага. Измѣнились цвѣта, но не трагическая сущность жизни. Когда гремѣли первые громы войны, надъ евреями тяготѣлъ кровавый навѣтъ, ихъ изгоняли изъ городовъ и деревень; по дорогамъ запада брели обезумѣвшія отъ мукъ и отчаянія толпы; въ изнеможеніи падали и умирали женщины, старики, дѣти. Казалось бы, революція могла бы предоставить евреямъ заслуженный отдыхъ, не убивать ихъ, не пускать по міру осиротѣвшихъ семей,—но нѣтъ: антисемитизмъ не умеръ; по выраженію одного писателя, еврейскій вопросъ—мнимоумершій. Антисемитизмъ принимаетъ теперь свою худшую форму: изъ правительственнаго онъ дѣлается общественнымъ, его загнали внутрь. Онъ не сгинулъ, не исчезъ при свѣтѣ русскаго возрожденія, какъ съ утренней зарей пропадаетъ всякая нечисть ночи. И ставъ изъ офиціальнаго частнымъ, изъ внѣшняго внутреннимъ, онъ въ то же время не отказался однако отъ своихъ наружныхъ проявленій и вотъ—бушуетъ, громитъ, убиваетъ. Погромы духовные не исключаютъ физическихъ, а въ нихъ вырождаются. Зловѣщія тѣни Калуща и Тарнополя перекинулись и на пространства Россіи. И оттого, если Петербургъ не зналъ погромовъ, то въ Петроградѣ громили еврейскія лавки и убили ихъ владѣльцевъ. И если прежняя Москва гнала со своихъ площадей, но не избивала евреевъ, то въ Москвѣ новой такія избіенія произошли, и первой жертвой ихъ палъ старикъ-сапожникъ: толпѣ подозрительнымъ показался тотъ ящикъ, который онъ везъ съ собою

на подводѣ; разбили голову старику, разбили ящикъ его, и въ немъ нашли, какъ это ни удивительно, не сокровища, а домашній нищенскій скарбъ и законный для сапожника лоскутъ кожи... А иногда евреямъ не даютъ не только жить, но и спокойно умереть: такъ, въ Харьковѣ толпа солдатъ или лже-солдатъ, увидя еврейскія похороны, закричала: «жиды обувь хоронятъ» и накинулись на гробъ, на тихій гробъ, и заставила раскрыть его,—и въ гробу оказался... покойникъ... Трагическими фарсами вообще не бѣдна жизнь. Революція раскрѣпощаетъ евреевъ, а контръ-революція норовитъ опять ввергнуть ихъ въ угнетеніе. Реакція всегда движется у насъ подъ знакомъ антисемитизма. Она и онъ внутренне родственны между собою. И если революція станетъ походить на реакцію, то она потеряетъ весь свой смысль, потому что ея смыслъ—улучшеніе, а не ухудшеніе, прогрессъ, а не регрессъ, не возвращеніе къ старому злу. Если не лучшее создаетъ революція, то зачѣмъ она вообще?

У революціи есть честь. Революція обязываетъ. И честь ея требуетъ, чтобы она была нелицепріятна къ національностямъ и не впадала въ преступную пошлось антисемитизма, этого, по извѣстному выраженію Бисмарка, соціализма дураковъ. Если она отъ такого соціализма открещивается, если она дорожитъ своей репутаціей, если она не хочетъ, чтобы воскресли злые мертвецы прошлаго, то заступничество и защиту своего краснаго знамени, его могучій авторитетъ, она должна распространить на всѣ народы Россіи. Этого требуетъ не только общая человѣчность, но и —еще разъ скажу—репутація революціи, ея честь. Иначе великая русская революція не будетъ великой, не будетъ русской, не будетъ революціей.

Новѣйшій періодъ войны ознаменовался величественнымъ событіемъ: когда подходили англичане къ Іерусалиму и оказалась близкой для ихъ побѣдъ страна священныхъ воспоминаній, та «мертвая» страна, которая «лежитъ у ногъ Іерусалима, Богомъ сожжена, безглагольна, недвижима»,—они объявили, что отдадутъ Палестину евреямъ, вернутъ Израилю утерянный имъ было національный кладъ и воздвигнутъ еврейское государство. Отъ этого обѣщанія пахнуло на современниковъ дыханіемъ вѣчности,—точно воцарилась на мгновеніе таинственная тишина во вселенной и опять послышался въ ней потрясающій зовъ: «Слушай, Израиль!» Не политика прозвучала здѣсь, а мистика. Міръ читаетъ газеты,—въ эту же торжественную минуту ихъ заслонила старая Библія, праматерь книгъ, сѣдая спутница человѣчества. Міръ интересуется новостями,—въ эту

же минуту воочію предстала намъ древность и мы услышали Божью поступь. Среди нынѣшней дѣйствительности, на черномъ фонѣ теперешнихъ дней—какъ это странно и непостижимо! Мы вспомнили безсмертныя легенды, образъ Іеговы, огненныя рѣчи пророковъ.

Особенно, конечно, взволновались души евреевъ: вѣдь они всегда, пусть и безсознательно, невѣдомо для самихъ себя, гдѣ-то въ интимныхъ складкахъ сердца таятъ неисцѣлимую тоску по родинѣ, по далекой и дивной Іудеѣ; недаромъ же самые правовѣрные и благочестивые изъ нихъ мечтаютъ кости свои сложить въ святой землѣ и на закатѣ жизни совершаютъ туда предсмертное паломничество, и старые утомленные глаза свои на вѣчный покой смежаютъ именно въ вѣчномъ городѣ, подъ сѣнью Сіона, въ тѣхъ древнихъ мѣстахъ, гдѣ, не спугнутыя тысячелѣтіями, до сихъ поръ, кажется, рѣютъ еще тѣни Авраама, Исаака и Іакова, слышится голосъ Бога, говорящаго своему избранному, когда-то избранному народу, и не перестаетъ шумѣть своей многовѣковой листвою дубъ Мамврійской рощи,—по истинѣ, патріархъ вселенскихъ лѣсовъ...

Да, не могли не забиться громче и сильнѣе еврейскія сердца: понятно, какое настроеніе долженъ испытать Агасферъ, когда ему, усталому путнику многотрудныхъ дорогъ, сулятъ вожделѣнную пристань, когда передъ нимъ, скитальцемъ негостепріимныхъ чужбинъ, открываютъ двери въ обитель спокойнаго отдыха, подъ кровлю роднаго дома. «Нынѣ отпущаеши раба Твоего»...

Можетъ быть, все это—романтика, и суровая дѣйствительность заглушитъ то мистическое дуновеніе древности, какое принесла съ собою благая вѣсть англичанъ; можетъ быть, ничего не выйдетъ, мечта не осуществится, и по-прежнему полумѣсяцъ Ислама, а не щитъ Давида, будетъ красоваться на знамени Палестины. Можетъ быть. Но не забудемъ, что вдохновляетъ и мечта, что и романтикой не должна брезгать реальная политика, а должна претворять ее въ одно изъ своихъ дѣйственныхъ началъ, ибо какъ есть идеи-силы, такъ есть и силы-грезы. Дорога къ дѣйствительности идетъ черезъ мечту, фантастика иногда становится фактомъ, идеалъ—реальностью. И когда читаешь въ газетахъ, что на богослуженіи въ синагогѣ, которое московскіе евреи совершили въ ознаменованіе англійской декларації, «многіе плакали», то эти слезы умиленія и нечаянной радости хочется расцѣнивать не только какъ выраженіе растроганной души, увидѣвшей, наконецъ, передъ собою давно обѣтованную землю, но и какъ нѣчто, имѣющее реальный вѣсъ на вѣсахъ исторіи, какъ нѣкій залогъ духовнаго и государственнаго

А. Н. РАДИЩЕВЪ.

возрожденія. Даже тѣ евреи, которые вовсе не стоятъ на почвѣ сіонизма, невольно должны будутъ испытать на себѣ бодрящее дѣйствіе британскаго манифеста,—безстрастное отношеніе къ нему невозможно ни для кого. Онъ подыметъ духъ еврейскаго народа и укрѣпитъ его самосознаніе и чувство національнаго достоинства. Психологическое вліяніе англійской декларації крайне серьезно. Она морально возвращаетъ въ ту завѣтную «страну воспоминаній», которая можетъ превратиться и въ страну настоящаго.

Человѣчество находится въ долгу передъ своей старой Библіей, очень многимъ оно обязано ей. Англичане, извѣстные читатели и почитатели Библіи, ея благоговѣйные знатоки, сознаютъ это больше всѣхъ, и почти нѣтъ у нихъ семьи, которая не склонялась бы надъ страницами великаго фоліанта. Оттого какъ разъ имъ къ лицу, какъ разъ имъ къ душѣ—тотъ кличъ, который они кликнули разсѣянному еврейству, тѣ перспективы библейской родины, отъ которыхъ они отбросили теперь вѣками сотканную тяжелую завѣсу. Англичане имѣютъ на это право и силу. Только они и могли взять на себя этотъ благодатный починъ. И возвращая евреямъ страну ихъ утренней зари, пострану водлинную сходящаго солнца, они именно этимъ раскрыли новые горизонты исторіи, начали въ ней новую, глубоко волнующую главу. Въ новизнѣ этой старина наша слышится. Пройденъ историческій кругооборотъ. Воскресаетъ прошлое, и потому въ судьбахъ человѣчества, можетъ быть, намѣчаются пути къ свѣтлымъ далямъ будущаго.

Антисемитизмъ, и тонкій и грубый, занимаетъ лишь одинъ,—очень выразительный, правда, уголъ русской картины.

Но его характерность вовсе не заслоняетъ другихъ круговъ теперешняго русскаго ада. Впрочемъ, современные ужасы поражаютъ лишь тѣхъ, кого они непосредственно касаются; всѣ же остальные, только узнающіе о насиліяхъ и убійствахъ, не испытываютъ уже почти никакого впечатлѣнія. Притупилась впечатлительность, ко всему привыкли. Каждое утро мы вбираемъ въ себя обильную дозу яда,—ядомъ напитанъ любой газетный листъ; и ничего: душевный организмъ нашъ къ отравѣ приспособился, и каждый изъ насъ похожъ на того древняго царя Митридата, который привилъ себѣ невоспріимчивость къ ядамъ. Всѣ мы стали болѣе жестоки, чѣмъ были раньше; война огрубила наши души и нервы; съ полей брани воздухъ убійства и разрушенія проникъ и въ наши мирныя, теперь уже не мирныя области, распространился и на нихъ. Что отнынѣ можетъ подѣйствовать на наши

нервы, какая вѣсть, какой слухъ о крови и ужасѣ? Послѣ Тарнополя, Калуща, Выборга, Петрограда, Кронштата, послѣ всей этой трагической географіи?

Ничто больше не потрясаетъ, не выводитъ нашего сердца изъ состоянія моральной усталости. Оттого и многочисленныя извѣстія о разгромѣ помѣщичьихъ усадьбъ не очень волнуютъ. Горько, разумѣется, читать о гибели князя Сангушко и его Славуты, о томъ, что отъ другого имѣнія, «хорошо организованнаго, съ большимъ домомъ, капитальными постройками, сложнымъ инвентаремъ, цѣнными племенными животными и со всѣмъ тѣмъ, что создавалось владѣльцемъ въ теченіе 30-лѣтъ упорнаго труда, въ одну ночь остались только не поддавшіяся огню и расхищенію каменныя стѣны; все остальное уничтожено; на мѣстѣ пожарища не осталось ни щепки, ни обрывка мебели,—такъ стройно и организованно прошла «работа» этой одной ночи». Больно, разумѣется, узнавать, что сжигаютъ мельницы и хлѣбъ, выливаютъ на землю рѣки молока, которое производительнѣе было бы отдать дѣтямъ, уничтожаютъ картинныя галлереи, драгоцѣнные остатки старины, цѣлыя библіотеки, съ любовью собиравшіяся поколѣніями, вырубаютъ лѣса и парки, старинныя липовыя аллеи, всѣ эти «вишневые сады», разоряютъ и грабятъ, въ пустыню превращаютъ воздѣланныя пространства земли.

Мнѣ пишетъ изъ провинціи одна знакомая дама, какъ жгли и громили ея усадьбу, ея домъ—колыбель и могилу ряда поколѣній. Милыя старыя стѣны дома-ветерана не хотѣли горѣть; тогда ихъ обложили соломой, облили керосиномъ,—и пять дней горѣла усадьба, сопротивляясь смерти, пять дней лизали ее огненные языки костра, сложеннаго усердными руками. Такъ долго агонія длилась потому, что всѣ постройки были изъ дуба, «патріархальсовъ», и онъ отъ времени обратился въ кость—не соглашался умереть. Не соглашалась уйти изъ стараго дома и сроднившаяся съ нимъ, съ его душою, владѣлица его, ровесница его, старая женщина 86 лѣтъ отъ роду. Здѣсь прошла ея долгая жизнь, здѣсь хотѣла она встрѣтить свою тихую смерть. Но ее выгнали—послѣ долгихъ издѣвательствъ, съ бранью и насмѣшками.

Изъ пьесы, съ подмостковъ театра въ жизнь перешла, только огрубѣлая, трагедія вишневаго сада. Въ томъ имѣніи, о которомъ пишетъ моя корреспондентка, есть милый для воспоминанія, завѣтный въ преданіяхъ семьи, тѣнистый садъ, гостепріимно раскрывавшій анфилады аллей, коридоры вѣковыхъ дубовъ и липъ, отрадную сѣнь старины. И какъ будто еще не отзвучали тамъ звуки

старинnаго ланнеровскаго вальса, и мелькаютъ тѣни тургеневскихъ дѣвушекъ, и дышитъ неизгладимый ароматъ прошлаго.

Уже рубятъ этотъ садъ. И плачетъ спугнутая фея усадьбы. Ей особенно жалко одного дуба, который былъ любимцемъ помѣщика, недавно умершаго. Когда этотъ романтикъ, теперь спящій реальнымъ сномъ смерти, изъ города пріѣзжалъ на отдыхъ въ свою деревенскую тишину, онъ сейчасъ же шелъ здороваться со своимъ любимымъ дубомъ и говорилъ ему: «Вотъ какой ты стройный и красивый, а я нѣтъ, я не такой, какъ ты».

Все это печально, разумѣется, но, какъ говоритъ, по другому поводу, одинъ писатель, «душа лежитъ въ груди, свернувшись какъ ежъ, снулая и неподвижная» и, уже видавшая виды, лѣниво и вяло откликается на всѣ эти новости...

Изгнанники бѣлаго рая, вишневаго сада въ весеннемъ цвѣту, недоумѣваютъ, за что, во имя какой высшей справедливости и правды, разорено родное гнѣздо, сожжена усадьба, обездолена и бездомной сдѣлана почти 90-лѣтняя старуха, вырубленъ благородный садъ, гдѣ жили отдышавшія души предковъ. И не только жертвы разоренія недоумѣваютъ, но и никто другой не могъ бы, по совѣсти, найти здѣсь какую-нибудь правду и ею оправдать происходящее.

Вѣдь то, что теперь дѣлается у насъ, не послужитъ во благо никому. Вѣдь не то, чтобы, въ результатѣ нынѣшней разрухи, центръ тяжести, центръ благополучія перемѣстился отъ однихъ къ другимъ; не то, чтобы бѣдные сдѣлались богатыми, и наоборотъ; не то, чтобы послѣдніе стали первыми: нѣтъ, всѣ будутъ послѣдними, всѣ будутъ бѣдными, и воцарится мертвое равенство нищеты, демократическая республика всеобщаго оскудѣнія.

Если бы историческая очередь потребовала, чтобы одни классы общества уступили мѣсто другимъ, то неотвратимую волю исторіи всѣ исполнили бы за страхъ, а лучшіе изъ насъ исполнили бы ее и за совѣсть, потому что очередь, дѣйствительно, надо соблюдать. Но окружающая насъ, терзающая насъ жизнь обѣщаетъ совсѣмъ другія перспективы—вотъ эту скудость и скупость одинаковой для всѣхъ пустыни, о которой я только что сказалъ.

Или же (что не болѣе заманчиво) явится новый видъ старой несправедливости, иная разновидность прежней буржуазіи, и опять выступитъ неправедная разладица хозяина и работника, и въ другихъ формахъ возобновится все та же мучительная канитель.

О такомъ печальномъ будущемъ пророчитъ настоящее. Ибо

теперешніе властители наши показали себи сильными только въ разрушеніи, но не въ творчествѣ. Они искусно ломаютъ, но ничего не строятъ. Талантливые разрушители, бездарные учредители, сѣятели пустоты, они ополчились на прошлое, но не готовятъ будущаго. Въ исторіи образуютъ они провалъ, кладбище, унылую безнадежность.

Мало трогая душу, слабо цѣпляясь за нервы, лѣтопись современнаго разрушенія мысль нашу все-таки возбуждаетъ. Мы невольно припоминаемъ, какую прекрасную роль въ нашей литературѣ сыграла поэзія дворянскаго гнѣзда, какіе огоньки и огни культуры зажигались въ тишинѣ деревенскихъ усадьбъ, тамъ, въ бѣлыхъ домахъ съ колоннадами, въ вотчинѣ Лаврецкаго и Рудина. Пусть беллетристъ нашихъ дней тусклымъ перомъ своимъ пишетъ повѣсть о «дворянской берлогѣ», ему не затмить Тургенева, не расѣять обаянія прелестныхъ страницъ. Повѣсть эту забудутъ или не прочтутъ, а знаменитый романъ будетъ жить всегда. Демократизмъ убѣжденій не можетъ и не долженъ мѣшать правдѣ: amicus Plato, amicus populus, sed magis amica veritas. А правда эта свидѣтельствуетъ о томъ, что носители высшихъ духовныхъ цѣнностей у насъ, въ Россіи, выходили именно изъ тѣхъ дворянскихъ гнѣздъ, которыя теперь безсмысленно губитъ опьянѣвшая и со всякаго толку сбитая масса. Давно уже исторія обрекла русское дворянство на оскудѣніе,—20 февраля началось послѣднее, на другой день послѣ 19 февраля. Жалѣть объ этомъ не приходится, но только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы на смѣну отжившаго сословія явилось дворянство духа. Разночинецъ въ русской словесности и въ русской дѣйствительности всегда былъ желанной фигурой, и много онъ имѣетъ заслугъ передъ исторіей нашего самосознанія. И если бы это *онъ* пришелъ замѣнить прежнихъ хозяевъ Россіи, его можно было бы только привѣтствовать. Но пришелъ не онъ, и не онъ рветъ библіотеки на цыгарки, не онъ разбиваетъ рояли и тяжелыми сапогами топчетъ картины великихъ мастеровъ. Если мы не упустимъ изъ виду, что какъ возможна и нужна всесословная волость, такъ возможно и не нужно всесословное хамство, то позволительно будетъ сказать, что дворянскія гнѣзда разоряетъ теперь именно хамъ, нравственный хамъ. Онъ дѣлаетъ это не своими руками, онъ сгоняетъ для этого дикія орды мужиковъ,—но интеллектуальнымъ виновникомъ злого дѣла оказывается несомнѣнно онъ, съ дворянскимъ ли околышемъ на фуражкѣ, въ либеральной ли шляпѣ, въ картузѣ ли рабочаго: все равно—хамъ.

А то, что его исполнительницей выступаетъ деревня, то, что

она, темная и грубая, человѣческимъ ураганомъ обрушивается на плоды хозяйства, на живой и мертвый инвентарь, то, что она творитъ злодѣйства и ужасы, описаніе которыхъ удручаетъ,—это не должно насъ удивлять. Не припомнятъ ли читатели, какъ осуждали Бунина за его романъ «Деревня», за его разсказъ «Ночной разговоръ», за его произведенія вообще, изображавшія дикость деревни, кошмарные нравы крестьянъ? Правовѣрные послѣдователи народничества обвиняли Бунина въ клеветѣ, какъ въ сгущеніи мрачныхъ красокъ они же обвиняли Чехова за его «Мужиковъ» или Родіонова за «Наше преступленіе». Но жизнь скорбно оправдала писателей: они описывали то, что видѣли и слышали, они говорили правду, и это ихъ герои уничтожаютъ теперь посѣвы и школы, насущный и духовный хлѣбъ. Да, мужикъ страшенъ, мужикъ находится во власти тьмы; и надо все начинать сначала, опять сѣять сѣмена хлѣба и знанія; надо воздвигнуть новое хожденіе въ народъ. Когда оно удастся, возродится Россія. А пока... пока въ русской темнотѣ—зарева пылающихъ усадьбъ, оскверненная культура, разоренныя дворянскія гнѣзда,—и грустно поникаетъ головою сѣдая тѣнь Тургенева...

Въ связи съ этимъ разрушеніемъ старины находится и то, что вообще открылась глубокая пропасть между интеллигенціей и простолюдинами, между городомъ и деревней, между работниками и рабочими. Презрительную кличку «буржуя» такъ часто бросаютъ теперь въ лицо труженику только за то, что онъ образованъ и культуренъ. Если въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка не удалось то внѣшнее «хожденіе въ народъ», которое описалъ Тургеневъ въ своей «Нови», то въ наши дни оно терпитъ болѣе обидное и серьезное фіаско: уже вошедшихъ въ народъ, уже осѣвшихъ въ немъ этотъ народъ изгоняетъ. Онъ извергаетъ изъ своей среды тѣхъ, кто, казалось бы, давно получилъ въ деревнѣ права духовнаго гражданства: народъ ополчается противъ народнаго учителя, противъ агронома и врача; земля—противъ земцевъ; своя своихъ не познаша. Трагическое недоразумѣніе! И къ загадкамъ великаго сфинкса, народа русскаго, прибавилась новая загадка, наиболѣе тяжкая и темная; и даже возникаетъ тревожная мысль: можетъ быть, это—сфинксъ безъ загадки, съ пустой или опустѣвшей душой. Массы забыли или не знаютъ о тѣхъ заслугахъ, какія имѣютъ передъ ними лучшіе представители русской мысли, русскаго слова и русскаго дѣла. Онѣ, эти «печальныя деревни», чьи «дрожащіе огни», по слову Лермонтова, были для многихъ путеводными огнями на проселкахъ русской жизни,—онѣ не учитываютъ, какъ велика была въ нашей интеллиген-

ціи тяга къ народу, какъ искренне, иногда—съ трогательной наивностью, вѣрили наши просвѣтители, что они находятся въ неоплатномъ долгу передъ народомъ, и какъ добросовѣстно, съ какимъ излишкомъ они этотъ долгъ уплачивали. Одинъ изъ яркихъ типовъ нашей дѣйствительности, «кающійся дворянинъ», каялся не безплодно, не платонически, не только въ тишинѣ своей чуткой совѣсти: нѣтъ, онъ реально, дѣйственно, самоотверженно поправлялъ несправедливость общественнаго строя и отказывался отъ своихъ привилегій. Недаромъ графъ Растопчинъ недоумѣвалъ передъ нашими дворянами-декабристами: ему понятна была французская революція и то, что «сапожники» захотѣли въ знать,—но изъ-за чего бунтуетъ русская знать? неужели она захотѣла въ «сапожники»?.. Всей нашей культурѣ и всей нашей литературѣ свойственно какое-то органическое, внутреннее народничество, какая-то неодолимая симпатія къ землѣ и земледѣльцу, къ былинной мощи Микулы Селяниновича. Достаточно назвать Толстого, чтобы убѣдиться, насколько демократиченъ русскій геній. Аристократъ изъ аристократовъ, графъ Толстой, князь духа, онъ къ ногамъ народа сложилъ весь свой аристократизмъ—и внѣшній, и моральный; онъ опростился не только въ бытѣ, но и въ духѣ, онъ ушелъ изъ города въ деревню, изъ культуры въ природу, отъ образованныхъ и утонченныхъ—къ Платону Каратаеву и Акиму изъ «Власти тьмы», и Алешѣ-Горшку. Если таковы наши человѣческія вершины, горныя высоты русской славы, то, естественно, что спускаясь къ обыкновеннымъ и рядовымъ, въ кадры безвѣстныхъ тружениковъ, мы тоже находимъ гораздо болѣе скромныя, но не менѣе благородныя формы служенія народу. Однажды навсегда покорила себѣ русскихъ людей воспѣтая Глѣбомъ Успенскимъ «власть земли»; и это характерно, что даже эстетика русская окрасилась въ цвѣтъ народническій: вы припоминаете, какъ тотъ же Успенскій воспринялъ Венеру Милосскую; она ему показалась крестьянкой, на мраморномъ челѣ античной красавицы увидѣлъ онъ «мужицкіе завитки волосъ», онъ вѣчную красоту породнилъ съ душою сельскаго учителя Тяпушкина. Вообще, многіе и многіе изъ нашихъ писателей и дѣятелей, изъ нашихъ интеллигентовъ несли въ сокровищницу народнаго блага свои знанія, свой талантъ и трудъ, нерѣдко—самую жизнь свою. Задолго до нашего времени, задолго до того, какъ былъ провозглашенъ кличъ «земля и воля», еще въ 18 вѣкѣ, едва не поплатился своей жизнью и въ самомъ дѣлѣ поплатился своей свободой вольный путешественникъ изъ Петербурга въ Москву, невольный путешественникъ изъ Петербурга въ Сибирь, Радищевъ—именно за свой призывъ къ тому, чтобы земля принадлежала земледѣльцу. До 19 февраля

1861 г. училъ онъ, что освобожденіе крестьянъ должно произойти—съ землею; и въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, былъ онъ предшественникомъ и Герцена, и лучшихъ дѣятелей 19 февраля. Да и сколько другихъ стяжали себѣ имя, честь и мѣсто въ исторіи русской общественности, какъ борцы за народъ! И на самыхъ различныхъ поприщахъ, въ качествѣ художника и публициста, политика и этнографа, врача и учителя, русскій интеллигентъ являлся *земцемъ*, не только въ буквальномъ, но и въ переносномъ и широкомъ смыслѣ этого прекраснаго слова, былъ другомъ деревни, ея печальникомъ и заступникомъ. Онъ чувствовалъ свою «каплю крови, общую съ народомъ», онъ имѣлъ право и къ себѣ примѣнять эти слова Некрасова, какъ и другія слова того же поэта: «таковъ мой рокъ, что хлѣбъ полей, воздѣланныхъ рабами, нейдетъ мнѣ въ прокъ». Да, рокъ русскаго интеллигента былъ таковъ, что не въ прокъ шелъ ему кусокъ хлѣба, выросшаго на нивахъ рабской Руси, и личное счастье свое часто отметалъ онъ ради счастья народнаго.

И пусть далеко не каждый изъ насъ, теперешнихъ интеллигентовъ, самъ участвовалъ въ этой широкой земской работѣ, мы все-таки гордимся своей принадлежностью къ русской интеллигенціи; на насъ тоже лежитъ не только доля ея вины, но и отблескъ ея заслугъ, и всѣ мы въ большей или меньшей степени причастны къ ея исторической роли. Оттого, когда насъ бранятъ буржуями, когда рабочій или крестьянинъ, т.-е. недавній или нынѣшній житель деревни, высокомѣрно отворачивается отъ насъ, интеллектуальныхъ горожанъ, работниковъ культуры, когда намъ предъявляютъ счетъ, мы должны помнить, что не только интеллигенція въ долгу передъ народомъ, но и народъ въ долгу передъ интеллигенціей. «Вставай, подымайся, рабочій народъ!»—да, это такъ; но рабочій народъ многимъ обязанъ разуму просвѣщенныхъ дѣятелей Россіи, героямъ родной культуры и скромнымъ труженикамъ духа вообще.

Русскій интеллигентъ часто демократичнѣе русскаго рабочаго. Не надо же угождать пролетарію, не надо льстить ему и ставить его выше облака ходячаго,—иначе пролетаріатъ обратится въ самую надменную и невыносимую аристократію. Надо интеллигенту хранить чувство собственнаго достоинства; и перчатку боя, которую ему бросаютъ, необходимо поднять. Мы боя не хотѣли, мы объединенія хотѣли между рабочими и работниками; но разъ уже, не нами, боевой кличъ задорно кликнутъ, то мужественно и спокойно отзовемся на него и помѣряемся духовными силами!...

Когда-то, играя на сходствѣ звуковъ, восклицалъ Пушкинъ: O rus!—О Русь!.. И въ этомъ былъ большой внутренній смыслъ, потому что Россія—деревня. И въ эту Русь-rus шли наиболѣе одаренные питомцы города. И оттого, повторяю, не только интеллигенція въ долгу передъ народомъ, но и народъ въ долгу передъ интеллигенціей. А еще вѣрнѣе сказать, что другъ другу мы ничего не должны, зато всѣ должны Россіи. Но мало кто объ этомъ думаетъ, и много у нея теперь неоплатныхъ должниковъ...

Къ ихъ числу особенно относятъ невоюющихъ воиновъ, нашу армію, бѣгущую отъ врага. Но когда осуждаютъ дезертировъ, надо, чтобы осуждающіе были сами добровольцами. Вопросъ, который продолжаетъ стоять теперь передъ Россіей—воевать или нѣтъ, неумолимо возникаетъ и передъ каждымъ, даже передъ каждой изъ насъ. Вѣдь Россіи-абстракціи нѣтъ: есть русскіе. Этотъ огромный океанъ состоитъ изъ отдѣльныхъ безчисленныхъ волнъ, т.-е. изъ насъ самихъ. Вслѣдствіе понятной иллюзіи мы склонны забывать, что когда рѣчь идетъ о странѣ, то рѣчь идетъ обо мнѣ и о васъ, о всякомъ сынѣ и всякой дочери. Надо ли продолжать войну или не надо: это задача не только для политики, но и для моей личной совѣсти. Самыя убѣдительные соображенія и доводы, одинаково какъ милитаристовъ, такъ и пасифистовъ, неминуемо возвращаются къ темѣ: что *я* долженъ дѣлать? Политика претворяется въ этику, и этика—въ политику. Поведеніе моей родины зависитъ отъ моего собственнаго поведенія. И куда бы я ни пошелъ, вездѣ будетъ огненными буквами сверкать передо мною, спрашивать меня роковая надпись: готовъ ли я самъ, хочу ли я самъ пойти на войну, согласенъ ли я отдать свою жизнь въ борьбѣ за Россію?

Всегда слово имѣетъ склонность расходиться съ дѣломъ, хоть всегда должны бы они совпадать. Но никогда отъ словъ до дѣла не было въ Россіи такого большого разстоянія, какъ именно теперь. Шумными каскадами на всѣхъ площадяхъ русскихъ льется невозбранное слово, нерѣдко праздное и пустое, нерѣдко произносимое безотвѣтственными и легкомысленными устами. Оторванныя отъ дѣлъ, ни къ чему не обязывающія, эти звонкія слова особенно грѣшны и кощунственны въ нынѣшній грозный часъ, потому что въ то время, какъ одни люди только говорятъ о войнѣ, другіе войну дѣлаютъ. Раздѣленіе труда въ этой области таково, что одни сражаются, другіе читаютъ газетныя телеграммы о сраженіяхъ. Правда, такъ было до революціи. Послѣ же нея вообще мало кто сражается. Но во всякомъ случаѣ споръ о войнѣ

законенъ лишь при томъ условіи, если обѣ спорящія стороны равноправны. Между тѣмъ иные защитники войны, иные сторонники безусловнаго ея продолженія, сами сражаться не хотятъ. Они бряцаютъ чужимъ оружіемъ. Они посылаютъ на войну только другихъ. Воинственность ихъ—теоретическая, платоническая. И если, напримѣръ, они домогаются проливовъ, то за воду этихъ проливовъ склонны они платить вовсе не собственной, а чужой кровью. Одни изъ такихъ сухопутныхъ моряковъ и штатскихъ воиновъ пребываютъ въ добросовѣстномъ и наивномъ заблужденіи, а другіе сознательно прикрываются возмутительной фальшью и лицемѣріемъ. Одни не подумали, другіе въ своихъ думахъ зашли, наоборотъ, очень далеко и обладаютъ не только мыслями, но и умыслами. Но и первые, и послѣдніе объединяются тѣмъ, что одинаково обходятъ самый центръ вопроса, т.-е. не зовутъ на допросъ самихъ себя. Непреднамѣренно или преднамѣренно закрываютъ глаза на то, что право звать на войну не дается даромъ, а его надо купить. Необходимо по совѣсти спросить себя и по совѣсти себѣ отвѣтить, кто я таковъ: доброволецъ или дезертиръ? Если—доброволецъ, то право, только что упомянутое, я тяжкой цѣной купилъ. Если—дезертиръ, то я долженъ смущенно молчать. Безсовѣстно, когда къ продолженію войны поощряютъ дезертиры. Это позволительно для однихъ лишь добровольцевъ. Конечно, эти термины употреблены здѣсь въ ихъ внутреннемъ смыслѣ. Конечно, дезертиръ не только тотъ, кто ушелъ изъ окоповъ, но часто и тотъ, кто въ нихъ не пошелъ. Конечно, доброволецъ—тотъ, кто честно готовъ стать подъ ружье, кто принимаетъ войну всерьезъ и согласенъ на ней погибнуть. Самое главное—быть внутреннимъ волонтеромъ, а не внутреннимъ дезертиромъ. Уклоняюсь ли я отъ воинской повинности или иду ей навстрѣчу свободнымъ рѣшеніемъ души—въ этомъ все дѣло. И совѣсть, неподкупная и неусыпная, лишь какъ minimum порядочности, лишь какъ элементарную долю чести, приметъ отъ меня такое мое отношеніе къ войнѣ, въ силу котораго я не прибѣгаю ни къ какимъ ухищреніямъ, чтобы ея избѣгнуть. Нѣтъ, моральный законъ требуетъ гораздо большаго: пусть не зоветъ меня государство—меня зоветъ совѣсть. Она бѣлыхъ билетовъ никому не даетъ, она объявляетъ мобилизацію, абсолютно всеобщую. Отъ нея не свободны ни тѣ, кто отъ военной службы избавленъ печальной привилегіей возраста или болѣзни, ни тѣ, кто—выражаясь галантно—одаренъ прекрасной привилегіей пола. Да, да: и женщины, именно потому, что ихъ на войну не берутъ, только въ томъ случаѣ получаютъ право подавать свой голосъ за войну, если

онѣ сами ничего не имѣли бы противъ своей гибели на войнѣ, если онѣ—духовныя волонтерки.

Штатскіе (опять-таки, внутренніе штатскіе) должны въ тяжбѣ за войну себя отвести. Война—для военныхъ; война—для воиновъ. Лишь тотъ смѣетъ посылать людей въ огонь, кто самъ готовъ въ этомъ огнѣ сгорѣть. Если я иду на то, если я не не хочу того, чтобы вражескій штыкъ вонзился въ мое тѣло, чтобы я повисъ на колючей проволокѣ, чтобы я задохнулся отъ ядовитыхъ газовъ, то при такомъ условіи, но только при такомъ, я получаю нравственную возможность обрекать на всѣ эти ужасы другихъ людей. Гдѣ я: на моральномъ фронтѣ или въ моральномъ тылу? Кто я: волонтеръ или дезертиръ? Вотъ та суровая постановка вопроса, какую дѣлаетъ совѣсть, и на свой категорическій вопросъ она ждетъ категорическаго отвѣта, категорическаго императива. Ея не успокоишь уклончивостью и всѣми этими пошлыми и неискренними доводами, за которые прячутся многіе дезертиры, утверждающіе, что они полезнѣе въ тылу, чѣмъ на фронтѣ. Наши ученые, напримѣръ, считаютъ, будто и во время войны они болѣе пригодны на каѳедрахъ, чѣмъ на позиціяхъ. Но вѣдь сходное, mutatis mutandis, можно сказать и о людяхъ всякой другой профессіи: развѣ крестьянинъ не пригоднѣе за плугомъ и рабочій—за станкомъ, и ремесленникъ—въ мастерской? Развѣ миръ вообще не полезнѣе войны? Развѣ для всякаго вообще не полезнѣе жить, чѣмъ умереть? И, кромѣ того, пусть ученый—плохой воинъ; но вѣдь примѣромъ своего добровольчества, своего энтузіазма и самопожертвованія онъ можетъ принести дѣлу войны огромную пользу. Молодые ученые Франціи сотнями легли на поляхъ сраженій; не пощадила, не пожалѣла представителей своей науки и преимущественно ученая Германія.

Такъ вотъ, прежде чѣмъ класть свое мнѣніе на тѣ вѣсы, которыми взвѣшивается теперь общая судьба Россіи, всякій долженъ рѣшить личный вопросъ, наединѣ со своей совѣстью. Въ политикѣ разбираться трудно, въ этикѣ—легко. Въ самомъ дѣлѣ, трудно ли каждому изъ насъ отвѣтить себѣ прямо и откровенно, до такой ли степени я не хочу реставраціи, что согласенъ для ея предотвращенія сейчасъ же ринуться въ битву съ нѣмцемъ и пасть отъ нѣмецкой пули; до такой ли степени я патріотиченъ, что предпочитаю лучше умереть, чѣмъ пережить пораженіе Россіи, ея государственнаго достоинства; такъ ли я боюсь ожидающихъ Россію бѣдъ, что согласенъ отдать Германіи самого себя, свою жизнь, лишь бы не отдавать ей Литвы, Курляндіи и не заключать съ нею невыгоднаго торговаго договора? Если мой патріотическій и воинственный пылъ не доходитъ до такой точки кипѣнія,

чтобы онъ претворился въ дѣло и въ жертву, то за мой патріотизмъ и за мой милитаризмъ грошъ будетъ слишкомъ дорогой цѣною. И при такой моей нищетѣ, при такой неспособности моей и неготовности моей къ жертвѣ,не будетъ ли гнусно, если я, въ безопасной дали отъ войны, стану толкать въ ея пекло другихъ? Можно утверждать, что пусть лучше умрутъ лютой смертью еще милліоны людей, лишь бы не кончать безславно войну,—можно это исповѣдовать и провозглашать, но только съ непремѣнной оговоркой, чтобы среди этихъ милліоновъ хотѣлъ быть и я.

Человѣчески-прекрасное и волнующее зрѣлище являлъ недавно американскій конгрессъ, когда во время поименнаго голосованія по вопросу о войнѣ съ Германіей женщина-депутатка воскликнула со слезами на глазахъ: «я хочу защищать свою родину, но я не могу вотировать за такой ужасъ, какъ война,—я свой голосъ подаю противъ нея». Хочется поклониться этой женищнѣ въ землю. Кто же съ нею не согласенъ, тотъ долженъ записаться въ добровольцы,—и добровольцамъ тоже хочется отдать свой земной поклонъ. Добровольцы—герои: они общее ставятъ выше личнаго, они душу свою готовы отдать за други своя. Но не всякому дано быть героемъ, и оттого внутренніе дезертиры далеко не всегда заслуживаютъ презрѣнія. Они безусловно заслуживаютъ его лишь тогда, когда упрекаютъ въ дезертирствѣ другихъ, мечутъ дешевые громы противъ бѣглецовъ Тарнополя и Риги, и съ легкимъ сердцемъ другихъ влекутъ на поля сраженій, въ преисподнюю войны. Отъ дезертировъ (въ нашемъ смысвѣ слова) требуется только скромность и молчаніе.

Предыдущими строками вовсе не рѣшается по существу, такъ или иначе, жгучій вопросъ о войнѣ, о мирѣ и перемиріи. Онѣ указываютъ только на то предварительное условіе,какое необходимо принять всѣмъ, этотъ вопросъ въ ту или другую сторону, такъ или иначе, рѣшающимъ; онѣ только указываютъ на тотъ предварительный нравственный стажъ, какой долженъ пройти всякій, прежде чѣмъ онъ возьметъ себѣ право говорить о войнѣ. Не всякій, желали мы напомнить, имѣетъ здѣсь право голоса. Много званыхъ, да мало избранныхъ. Защищающіе войну и ея продолженіе должны хотѣть воевать. Имъ надо было бы не говорить, а дѣлать; имъ надо было бы подавать примѣръ и проситься въ авангардъ. Какъ упростилось бы дѣло, какъ сократилось бы слово, какъ уменьшились бы споры, если бы спорили только нравственно уполномоченные люди, имѣющіе мандатъ отъ совѣсти, и если бы всякій сторонникъ войны зналъ, что его слова его обязываютъ, что вслѣдъ за ними предстоитъ ему немедленно идти въ окопы, что свою теорію онъ

долженъ непосредственно оправдать своей практикой! Тогда было бы все ясно, все было бы на чистоту, и рѣзко отдѣлились бы въ одну сторону добровольцы, а въ другую сторону—дезертиры.

Нынѣ же ихъ безпорядочное смѣщеніе является однимъ изъ характерныхъ признаковъ общей сумятицы, подтачивающаго Россію недуга. Лѣчить его считаютъ себя полномочными и способными очень многіе.

Вотъ государственному совѣщанію въ Москвѣ предшествовало частное совѣщаніе общественныхъ дѣятелей. Тамъ звучали волнующія и тревожныя слова. Тамъ цѣлый часъ стоялъ на каѳедрѣ бывшій верховный главнокомандующій Алексѣевъ и въ спокойной, плавной, задушевной рѣчи изображалъ передъ потрясенными слушателями развалъ нашей арміи. Тамъ со слезами на глазахъ разсказывалъ одинъ инженеръ объ угасаніи желѣзнодорожнаго организма Россіи и не соглашался со словами бывшаго министра Юренева, что родина стоитъ на колѣняхъ и умоляетъ своихъ сыновей о спасеніи: нѣтъ—говорилъ инженеръ—уже и на колѣняхъ не въ силахъ она стоять, а лежитъ обезсиленная, изнеможенная, безмолвная—и задыхается.

Хотѣлось плакать. И мучительно сверлилъ мозгъ и сердце вопросъ: что же дѣлать? Всѣмъ ясно, чего не надо дѣлать, для всѣхъ понятенъ діагнозъ болѣзни,—но какъ ее лѣчить и кому довѣрить это героическое порученіе? Есть въ Россіи знахари и лѣкари неискусные, есть совѣтчики-крикуны и совѣтчики-шептуны,—но гдѣ врачъ Россіи, гдѣ ея цѣлитель, Пантелеймонъ-цѣлитель, который спасъ бы ее, лежащую на одрѣ смертельной болѣзни?

О желѣзѣ и крови говорилъ на государственномъ совѣщаніи его предсѣдатель, и предсѣдатель всей Россіи, Керенскій. И дѣйствительно, изреченіе старинной мудрости давно уже провозгласило, что тамъ, гдѣ не исцѣляютъ лѣкарства, исцѣляетъ желѣзо, тамъ, гдѣ не исцѣляетъ желѣзо, исцѣляетъ огонь, и тамъ, гдѣ безсиленъ огонь, исцѣляетъ одна только смерть. Желѣзо и огонь, стихіи страшныя, и кровь человѣческая, несомнѣнно, будутъ привлечены къ одру изнемогающей Россіи; но если и они не помогутъ, неужели останется послѣднее роковое средство? неужели болѣзнь Россіи кончится смертью Россіи?

Всею силой инстинкта самосохраненія противится каждый изъ насъ этой ужасной мысли и ждетъ спасителя-врача. Судя по рѣчи Керенскаго на государственномъ освѣщаніи, онъ увѣренъ въ себѣ, онъ себя чувствуетъ вождемъ, который можетъ заблудившуюся Россію

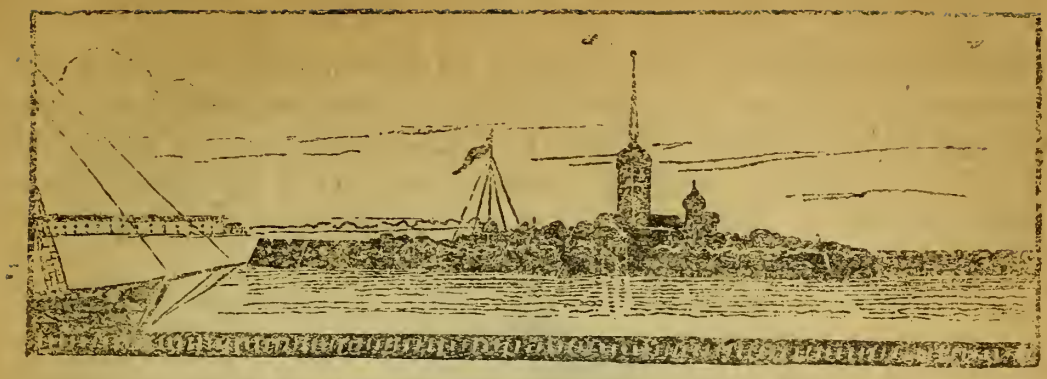
вывести на истинную дорогу. И для того, чтобы сдѣлать это, онъ готовъ принести самую тягостную жертву, отдать больше, чѣмъ жизнь свою,—готовъ погубить свою душу. «Душу свою погублю, а родину спасу»—прозвучали на весь міръ его скорбныя и сильныя слова. Въ самомъ дѣлѣ, Керенскій на огнѣ русской революціи жжетъ не только свою жизнь, но и свою душу. Какъ бы ни расцѣнивать степень его государственной мудрости, какъ бы ни относиться къ отдѣльнымъ его шагамъ, къ его не выяснившейся еще роли въ дѣлѣ Корнилова, едва ли не всѣ признаютъ, что трагедія нашихъ дней именно въ немъ нашла своего героя, своего преимущественнаго носителя. Въ тѣлѣ его гнѣздится тяжкая болѣзнь, физически онъ слабъ и надорванъ, и больная рука—у этого руководителя. Человѣчески подкупаетъ и трогаетъ, что онъ не жалѣетъ себя и напрягаетъ всѣ свои силы и свой голосъ, и свою грудь, что съ первыхъ же моментовъ памятнаго февраля и марта онъ безъ отдыха и передышки несетъ на своихъ обыкновенныхъ плечахъ такое бремя, которое посильно было бы только гиганту. Мивическій Атласъ держалъ на себѣ міръ; вторая задача по трудности—въ наши дни держать на себѣ Россію. Керенскій подъ этой ношей не хочетъ сломиться. Революція вознесла его на верхъ, и онъ жаждетъ оказаться достойнымъ этой высоты. Но съ нимъ совершается еще и другая, болѣе мучительная драма: разочарованіе въ революціи. Мы имѣемъ право такъ говорить, потому что онъ самъ это сказалъ: чье сердце не забилось сильнѣе при его взволнованныхъ и волнующихъ словахъ: «зачѣмъ я не умеръ два мѣсяца назадъ?»,—зачѣмъ онъ не умеръ до революціи, на которую возлагалъ столько пламенныхъ надеждъ, зачѣмъ онъ дожилъ до зрѣлища «взбунтовавшихся рабовъ»?

Русская интеллигенція въ своемъ огромномъ большинствѣ всегда питалась революціонными мечтами и отъ Радищева, черезъ декабристовъ и до петрашевцевъ и народовольцевъ, до февраля 1917 года не безъ мученичества пронесла свой изъюбленный идеалъ.

Но мы всѣ жили, душевно жили, не одной только революціей, мы не были ея фанатиками, и, поскольку у насъ были идейные запросы вообще, постольку мы думали еще и о другихъ культурныхъ цѣнностяхъ. Керенскій же на революціи сосредоточился. Ея однодумъ, единобожникъ революціи, онъ съ юности только и горѣлъ, что вѣрой въ нее, и была захватывающая глубина въ его прекрасной односторонности. И потому не трудно представить себѣ, какое страданіе долженъ былъ онъ испытать, когда его религія революціи пошатнулась, когда мечта, единственная мечта и сказка всей жизни, осуществившись, показала не только свою желанную лицевую сторону, но

и свою отвратительную изнанку. Уже тогда гибель души, о которой на государственномъ совѣщаніи говорилъ Керенскій, должна была коснуться его своимъ леденящимъ дыханіемъ. И новый ущербъ его душѣ былъ нанесенъ какъ разъ по тому поводу, изъ-за котораго и была произнесена цитированная раньше фраза: «душу свою погублю, а родину спасу»,—по поводу смертной казни. Керенскій отмѣнилъ ее. Какъ только онъ сталъ у власти, онъ упразднилъ эшафотъ. Это былъ съ его стороны не политическій жестъ, а благородный порывъ сердца. Въ моментъ революціи призракъ висѣлицы явился передъ многими дѣятелями стараго режима,—Керенскій этотъ призракъ спугнулъ, и, какъ выразился депутатъ Шульгинъ, благодаря ему «не обагрились кровью стѣны Таврическаго дворца». Принадлежа самъ къ партіи террора, Керенскій отъ терроризма отказался и вычеркнулъ изъ списка наказаній смерть. Но жизнь смерть возстановила. И онъ не посмѣлъ ослушаться жизни, онъ смертную казнь вернулъ—пусть робко и нерѣшительно—и теперь грозитъ ею всѣмъ ослушникамъ правительственной воли, всѣмъ недругамъ отечества. Вотъ это отреченіе отъ собственныхъ идеаловъ, это попраніе собственнаго идеализма и означаетъ для него—«погубить свою душу». Родину онъ оцѣнилъ выше души, къ стопамъ Россіи принесъ свои завѣтныя убѣжденія,—можетъ быть даже, потерялъ спокойствіе совѣсти, лишь бы только вернуть спокойствіе Россіи. Такъ не трагедія ли это, такъ не оправдываетъ ли это моихъ словъ, что въ пламени русской революціи сгораетъ и жизнь, и духовная личность Керенскаго? Если римскій патріотъ положилъ въ огонь свою руку, то Керенскій кладетъ туда свою душу.

Такое подвижничество даетъ ему право считать себя врачемъ Россіи, болѣющей матери нашей.



Однако этотъ врачъ, въ концѣ концовъ совсѣмъ не искусный, но добросовѣстный, по собственной иниціативѣ созвалъ консиліумъ — государственное совѣщаніе въ Москвѣ. И тамъ еще больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, выяснилось для всѣхъ, что вылѣчить Россію столь же просто, сколько и трудно: для этого необходимо, чтобы врачемъ ея былъ каждый, т.-е. чтобы каждый изъ насъ до конца исполнилъ свою обязанность, до конца послушался своей совѣсти, до конца осуществилъ свой гражданскій долгъ. Многіе ли изъ насъ могутъ по чести сказать, что они это сдѣлали? Вѣдь общая картина такова, что не только не поднялась кверху волна патріотизма, но и, наоборотъ, здѣсь и тамъ замѣчается разгулъ своекорыстныхъ интересовъ. Происходитъ нерѣдко пиръ во время чумы. Мало работаютъ, много говорятъ. Въ душѣ—апатія, усталость, пренебреженіе ко всему, что идетъ за предѣлы эгоизма. И даже тѣ, кто скорбитъ о недугахъ родины, все-таки ей не помогаютъ съ должной энергіей и усердіемъ, не служатъ ей за совѣсть, а не за страхъ. Такъ часто слышится теперь фраза, что Россія въ опасности, на краю гибели, на краю бездны, но это никого не пугаетъ, потому что «Россія» воспринимается какъ нѣкая отвлеченность, какъ нѣчто, меня лично мало касающееся. И въ этомъ—все дѣло. Если бы слово «Россія» перестало быть только словомъ, если бы оно облеклось въ плоть и кровь, въ плоть и кровь каждаго изъ насъ, если бы русскіе Россію почувствовали, то наша родина была бы спасена. Заинтересовать общимъ, претворить общее въ личное, живыми нервами связать съ отечествомъ его сыновей и дочерей—въ этомъ именно и состоитъ задача цѣлителей, правителей Россіи. И когда они зовутъ къ жертвамъ, они правы; но едва ли не большее искусство

управленія обнаружили бы они, если бы сумѣли сдѣлать такъ, чтобы для всякаго изъ насъ не жертвой было, а личнымъ интересомъ, посильное служеніе Россіи. Можно, не думая о патріотизмѣ, совершать патріотическое дѣло. Мудрый правитель можетъ и долженъ использовать личное въ цѣляхъ общихъ и мощную силу эгоизма запречь въ колесницу государственнаго блага.

Припомните взглядъ на это Толстого. По его мнѣнію, лучшее, что мы можемъ дѣлать въ моменты историческихъ потрясеній, это—входить въ общее своими личными интересами, не только не поступаться ими, но искреннѣе и живѣе, чѣмъ когда-либо, проявлять свое особое существо, свою индивидуальность. Въ періодъ наполеоновскаго нашествія, когда «Россія была до половины завоевана и жители Москвы бѣжали въ дальнія губерніи, и ополченіе за ополченіемъ поднималось на защиту отечества», бо́льшая часть людей, по Толстому, «не обращала никакого вниманія на общій ходъ дѣлъ, а руководилась только личными интересами настоящаго; и эти-то люди были самыми полезными дѣятелями того времени. Общее точно само заботится о томъ, чтобы себѣ на потребу претворить личные интересы каждаго: думайте о себѣ, общее приложится. И вотъ двинулась Москва изъ Москвы; это являлось какъ будто выраженіемъ себялюбія и страха, на самомъ же дѣлѣ было подвигомъ высшаго патріотизма, и хотя всякій уѣзжалъ для себя, но именно благодаря этому и совершилось «то величественное событіе, которое навсегда останется лучшей славой русскаго народа»; и «та барыня, которая еще въ іюнѣ мѣсяцѣ, со своими арапами и шутихами, поднималась изъ Москвы въ Саратовскую деревню со смутнымъ сознаніемъ того, что она Бонапарту не слуга.., дѣлала просто и истинно то великое дѣло, которое спасло Россію». Великое просто.

И вотъ, если бы не къ жертвамъ насъ призывали, а если бъ сдѣлали такъ, чтобы, какъ у толстовской барыни, нашъ личный интересъ совпадалъ съ государственнымъ, то въ этомъ проявилось бы высокое дарованіе власти. Лично, кровно, страстно заинтересовать Россіей русскихъ—это долженъ былъ бы устроить тотъ врачъ, котораго зоветъ Россія въ часъ грознаго испытанія своего.

На второмъ совѣщаніи общественныхъ дѣятелей, въ роскошной залѣ московскаго кинематографа, незаполненнымъ оставался огромный бѣлый экранъ, не мелькали на немъ призрачныя тѣни людей и вещей, а взамѣнъ этого у каѳедры предъ пустымъ экраномъ одинъ за другимъ появлялись ораторы и говорили, говорили—больше о томъ, чѣмъ больна Россія, меньше о томъ, какъ ее лѣчить. Общее пре-

В. ФИГНЕРЪ.

обладало надъ частнымъ, и рецепты страдали большой отвлеченностью. Между тѣмъ врачи-ораторы, врачи-словесники были очень именитые: достаточно назвать изъ нихъ генерала Брусилова и генерала Рузскаго. Естественно, что центръ вниманія былъ отданъ рѣчамъ именно этихъ военачальниковъ, этихъ бывшихъ военачальниковъ. И странное впечатлѣніе производили говорящіе генералы. Брусиловъ съ кинжаломъ за поясомъ, въ формѣ кавказскихъ войскъ, сухой, худой, строгій, типичный вождь, спокойно разсказывалъ о войнѣ, о своемъ знаменитомъ наступленіи, о милліонѣ убитыхъ и выбывшихъ изъ строя враговъ. У Рузскаго—лицо обыкновенное, комнатное, лицо стараго военнаго врача; но и онъ, когда говорилъ о своемъ командованіи, о полевомъ судѣ, о разстрѣлахъ, являлъ собою нѣкоторое воплощеніе такой стихіи, которая совершенно чужда самой значительной долѣ его слушателей, русскихъ интеллигентовъ, людей книги и каѳедры, людей банка и торговли. И вотъ, невольно думалось: зачѣмъ генералы говорятъ? ихъ ли это дѣло? Зачѣмъ воины не воюютъ? Нѣтъ ли внутренняго противорѣчія въ томъ, что въ мирномъ помѣщеніи кинематографа не оружіемъ, а словами бьются прославленные герои штурмовъ и атакъ? И о томъ еще думалось, что однимъ изъ положительныхъ результатовъ страшной войны и страшной революціи надо считать сближеніе русской интеллигенціи съ русской арміей. До послѣднихъ временъ это были какъ бы два полюса, и не было у насъ и у нихъ общаго языка. Мы, интеллигенты, были «внутренними врагами»; они, военные, были нашими усмирителями. Мы—Чацкіе, они—Скалозубы. Очень побѣднѣло воспоминаніе объ офицерахъ-декабристахъ, мученикахъ свободы, и съ тѣхъ поръ совсѣмъ другой офицеръ, тотъ, который изображенъ въ «Поединкѣ» Куприна, сдѣлался знакомцемъ, не слишкомъ пріятнымъ знакомцемъ, культурнаго общества. Ремесло военнаго не привлекало. Теперь все это измѣнилось, теперь испытываютъ къ офицерству самую живую симпатію и уваженіе, товарищеское чувство. Имъ насыщена и атмосфера московскаго совѣщанія. Военные мундиры, защитныя гимнастерки мирно перемѣшиваются съ черными сюртуками писателей и профессоровъ. И носители мундировъ говорятъ такія слова, умныя и интеллигентныя, которыя находятъ себѣ прямую и желанную дорогу въ сердца и умы штатскихъ—о, глубоко штатскихъ! слушателей.

Правда, генералы сами съ горечью отзываются о томъ, что и они примкнули къ спеціалистамъ слова. И низируя надъ самимъ собою, разсказывалъ Брусиловъ, что послѣ революціи, потерявъ власть надъ войсками, онъ тоже изъ главнокомандующаго сталъ главноуговари-

вающимъ: онъ объѣзжалъ неповинующійся фронтъ и дѣйствовалъ на него словами,—но слова скользили по солдатамъ и улетучивались изъ ихъ души такъ же быстро, какъ пыль изъ-подъ колесъ генеральскаго автомобиля...

Участники совѣщанія общественныхъ дѣятелей не солдаты. И потому они къ словамъ и рѣчамъ не равнодушны. Ихъ волновали обращенія ораторовъ. Къ тому же, генеральскія слова были мѣткія и даже мудрыя. Такъ, Брусиловъ бросилъ намъ, обществу, прямой вызовъ. Онъ сказалъ, что если мы для выхода изъ разрухи, для спасенія Россіи, хотимъ Пожарскаго, то мы, съ своей стороны, должны дать Минина. И подъ громъ бурной овваціи прибавилъ онъ, что Пожарскій, «несвоевременный Пожарскій», уже былъ: это—Корниловъ. По мысли генерала, новый Пожарскій именно потому и оказался несвоевременнымъ, что еще не поспѣлъ Мининъ, еще не выдвинули мы изъ своей среды Минина, не доросли до него. Это былъ, повторяю, вызовъ, это былъ призывъ къ самодѣятельности и самопомощи. И кто же не согласится съ Брусиловымъ, что Россію могутъ спасти только русскіе?

Но какъ ни вѣрны и справедливы, какъ зачастую ни красивы и талантливы были слова совѣщанія, есть нѣчто сильнѣе словъ: это—слезы. И высшее краснорѣчіе слезъ тоже было представлено среди собравшихся дѣятелей, подъ предсѣдательствомъ монументальнаго Родзянка. Можно ли вообразить себѣ картину болѣе поразительную, чѣмъ плачущій вождь? Генералъ Рузскій плакалъ на каѳедрѣ. Человѣчески-простой, безъ всякаго слѣда рисовки и позы, какой-то Максимъ Максимычъ изъ «Героя нашего времени», онъ не могъ безъ волненія говорить о томъ, во что превратилась русская армія, во что выродился современный солдатъ. Рузскій—старикъ. Онъ дѣлаетъ третью кампанію. Онъ около сорока лѣтъ живетъ военной жизнью. И оттого наша общая трагедія для него—личная. И когда говорилъ объ этомъ старый генералъ, когда онъ утверждалъ, что ему больнѣе, чѣмъ кому бы то ни было, думать и разсказывать о паденіи войска, такъ какъ жизнь свою, лучшіе и чудесные дни свои, онъ провелъ подлѣ солдата и въ молодости, рядомъ съ нимъ, даже впереди его, шелъ въ бой, то нельзя было не вѣрить болп, не соболѣзновать болп старика; и когда онъ снялъ очки и, отвернувшись въ сторону, сталъ вытирать свои слезы, скупыя и трудныя мужскія, солдатскія слезы, то вмѣстѣ съ нимъ плакали и участники совѣщанія—всѣ эти почтенные, сѣдые, солидные господа... Плакали, растроганные, не только о личной скорби стараго и больного полководца,—плакали и о себѣ, о старой и больной Россіи, о нашей слабости и недугахъ, о нашемъ горѣ бездонномъ.

Были естественны и понятны эти слезы. Но ясно, разумѣется,— и московское совѣщаніе это еще болѣе уяснило—что ни словами, ни слезами Россіи не поможешь: нужны дѣла. Отъ словъ къ слезамъ, отъ слезъ къ дѣлу...

Но мы либо дѣла вовсе не дѣлаемъ, либо дѣло у насъ выходитъ безумное, какъ подготовляемое возстаніе большевиковъ. Либо—бездѣйствіе, либо—избытокъ неосмысленной дѣйственности. Хотя героями послѣдней являются большевики, но они—въ меньшинствѣ, а большинство предается апатіи, опускаетъ руки.

Вотъ—недавнее стихотвореніе Бальмонта «Этимъ лѣтомъ», кончающееся словами: «этимъ лѣтомъ я Россію разлюбилъ». Совсѣмъ всерьезъ это признаніе нельзя принимать, тѣмъ болѣе, что оно было бы печально не столько для Россіи, сколько для русскаго, не столько для родины, сколько для ея невѣрнаго пѣвца, и не стоило тѣмъ любить Россію, кто способенъ ее такъ скоро разлюбить. Въ интересахъ самого же Бальмонта сочтемъ его стихъ только поэтической вольностью. Но что подобныя настроенія зарождаются теперь у многихъ, что иные съ ужасомъ уличаютъ себя въ презрѣніи къ отечеству, т.-е. въ самопрезрѣніи, —это несомнѣнно, и писатель выразилъ лишь тайную думу и смутное чувство своихъ читателей. Романъ съ Россіей, особенно романтическій романъ, терпитъ въ наши дни, «этимъ лѣтомъ», жестокое испытаніе. Тѣни славянофиловъ должны содрогаться. Ихъ современные послѣдователи грустно поникаютъ головой. «Умомъ Россію не понять, аршиномъ общимъ не измѣрить: у ней особенная стать,—въ Россію можно только вѣрить»: эти знаменитыя слова не одинъ цитируетъ нынѣ съ насмѣшкой, «съ насмѣшкой горькою обманутаго сына надъ промотавшимся отцомъ», и при этомъ послѣдній стихъ четверостишія опускаютъ. Перестали вѣрить въ Россію, возникаетъ разочарованіе въ Россіи. И люди, которые всячески шли въ народъ, учили его и хотѣли сами у него учиться, переживаютъ душевное горе: они склонны считать свою прежнюю дѣятельность ошибкой, они перечеркиваютъ свою общественную дѣятельность и этимъ иногда тушатъ и весь пафосъ своего личнаго существованія. Происходитъ какая-то внутренняя эмиграція. Русскіе граждане душою уѣзжаютъ изъ Россіи. Во время французской революціи инстинктъ самосохраненія создалъ внѣшнихъ эмигрантовъ: они были бы и у насъ, если бы границы были открыты. О такихъ фактическихъ бѣглецахъ, о такихъ дезертирахъ жалѣть нечего, и скатертью имъ дорога! Но можно ли такъ напутствовать и эмигрантовъ внутреннихъ, отпустимъ ли мы такъ легко и ихъ? Вѣдь среди нихъ, среди этихъ удру-

ченныхъ и разочарованныхъ сыновей Россіи, нравственно мѣняющихъ національность, готовыхъ «постольку» поддержать наше временное правительство, «поскольку» оно воскресило античный остракизмъ, и согласныхъ подвергнуться изгнанію изъ предѣловъ опостылѣвшей родины,—вѣдь среди нихъ есть искреннія и честныя сердца, люди разума и чести, съ болью стоящіе у одра—неужели у смертнаго одра?—больной Россіи. Скорбь ихъ въ томъ и состоитъ, что, отворачиваясь отъ своей страны, они въ то же время остаются ея патріотами. Конечно, только такой эмигрантъ серьезенъ и заслуживаетъ вниманія и сочувствія, который испытываетъ тоску по родинѣ; иначе нѣтъ для него разницы между родиной и чужбиной, весь міръ для него—сплошная чужбина, и ничѣмъ онъ, слѣдовательно, не страдаетъ.

И вотъ, обращаясь къ тѣмъ изъ нашихъ духовныхъ эмигрантовъ, которые не съ легкимъ сердцемъ, а волнуясь и горюя, морально переѣзжаютъ русскую границу, мы должны сказать, что прежде всего отъѣздъ невозможенъ: закрыты не только физическія, но и нравственныя границы. Добровольный остракизмъ потому неосуществимъ, что нельзя уѣхать отъ самого себя. Перемѣнить можно подданство или гражданство (и скорѣе—первое, чѣмъ послѣднее), но не душу свою. И, кромѣ того, зрѣлище русскаго распада, которое ихъ гнететъ, вовсе не специфически-русское. Нельзя думать, будто только у насъ революція обнажила темные провалы народной души. Исторія показываетъ, что при сходныхъ обстоятельствахъ такъ было всегда и вездѣ. «Такъ было, такъ будетъ». Въ Россіи трагически разыгрывается лишь одна изъ варіацій общей темы. Революція нигдѣ не проходитъ и не происходитъ безнаказанно; и кто принимаетъ благо революціи, тотъ долженъ мириться и съ ея закономъ. Когда народъ теряетъ устойчивое равновѣсіе, созидавшееся вѣками; когда внезапно исчезаетъ привычка и скрѣпа столѣтій и родная земля дрожитъ въ какомъ-то землетрясеніи, тогда, естественно, вырываются наружу всѣ злыя силы. Когда вызываютъ хаосъ, притаившійся было подъ уснувшими бурями, и на этотъ зовъ послушно является всегда готовый къ услугамъ духъ стихійнаго безпорядка, духъ разрушенія, то заклясть его не легко, и онъ идетъ гораздо дальше, чѣмъ отъ него хотятъ; среди всеобщей забастовки не бастуетъ онъ одинъ и во всю справляетъ свой кровавый праздникъ. Революціонеръ самъ по себѣ не нигилистъ: онъ не изъ любви къ искусству разрушаетъ, а только для того, чтобы строить; но безпокойный духъ, который пришелъ на его кличъ, уже перестаетъ слушаться своего повелителя, опьяненный и обезумѣвшій, и производитъ то самое углубленіе революціи, которымъ такъ успѣшно занимаются наши больше-

вики. Ввести революцію въ русло, сдѣлать ее умѣренной и аккуратной, укротить ее, строптивую, значило бы перемѣнить ея природу. Нельзя разсчитывать на противоестественное. Умѣренныхъ революцій не бываетъ. Какъ горное эхо, раскаты революціи слышатся долго и долго; таковы условія исторической акустики, законы человѣчества. Поэтому, если ужъ эмигрировать, то не только изъ Россіи, но и изъ всего человѣчества вообще. Логичнѣе было бы отречься не отъ своей національности, а отъ своей жизни. Разочарованіе въ людяхъ, а не въ русскихъ, можетъ быть вызвано картиной современнаго разложенія. Нельзя, конечно, отрицать національныхъ чертъ и красокъ въ этой живой, въ этой мертвой картинѣ, но основной характеръ ея—общечеловѣческій. Здѣсь географіи и этнографіи меньше, чѣмъ психологіи. Здѣсь не мы одни: здѣсь—всѣ. «Этимъ лѣтомъ» можно было разлюбить не Россію, какъ Бальмонтъ, а весь міръ.

Наконецъ, то, что дѣлается съ нами, та болѣзнь, которую мы переживаемъ, та моральная распущенность, которая сказывается въ самыхъ различныхъ, но одинаково отвратительныхъ формахъ: все это—тоже обычный и психологически законный результатъ событій—именно, событій военныхъ. Горько признаваться, но это такъ: мы испытываемъ психологію побѣжденныхъ. Народъ не можетъ простить себѣ пораженія. Въ его душѣ—позоръ и отчаяніе, стыдъ за себя, за свое паденіе, ноющая боль и болѣзненное желаніе эту боль усилить, рану растравить (стихія Достоевскаго), напускной цинизмъ и притворная веселость, пиръ во время чумы, сознаніе беззаконья своего, внутренняя апатія и безразличіе, безстыдное самоуниженіе, презрѣніе къ себѣ и къ другимъ, и ощущеніе безвыходности, когда остается только махнуть рукой на себя и на людей, и на Бога, предаться всякому безудержу и очертить себя кругомъ нравственной пустоты. Ничто такъ не мѣшаетъ побѣдѣ, какъ психологія побѣжденнаго. Мы должны бы прежде всего ее стряхнуть съ себя, мы должны бы воспрянуть духомъ, очнуться, вернуть уваженіе къ себѣ—остальное приложится. Мы должны бы... Но какъ это сдѣлать? А сдѣлать надо. Если этого душевнаго усилія надъ собою мы не совершимъ, то погибнемъ навѣрное. Не то страшно, что врагъ здѣсь и тамъ побѣждаетъ насъ, а то, что это создаетъ въ насъ психологію побѣжденнаго. Нѣмецкія побѣды мало будутъ стоить, если вопреки имъ, на зло имъ, цѣною страшнаго моральнаго напряженія, мы не впадемъ въ психологію побѣжденнаго, а исцѣлимся отъ нея, если мы не станемъ духовно эмигрировать и дезертировать изъ Россіи, если въ благородномъ упрямствѣ, въ непоколебимой убѣжденности добросовѣстно скажемъ себѣ и другимъ: «а все

таки она вертится»!,—она, земля, наша родная земля, наша родная Россія,—вертится, живетъ, а не лежитъ въ бездыханной неподвижности. Удастся намъ это,—тогда мы не разлюбимъ себя ни «этимъ лѣтомъ», ни какимъ-нибудь другимъ. Если же не удастся,—тогда... горе побѣжденнымъ!

Ощущеніе побѣжденности, гибельное и парализующее, имѣетъ однако навязчивый характеръ, и съ трудомъ отталкиваешь отъ себя одержимость этимъ чувствомъ. Оно тѣмъ легче проникаетъ въ смущенную душу, что при холодномъ свѣтѣ разсудка видишь, какъ фатально могучи наши враги. Я боюсь, что среди своихъ союзницъ нѣмцы имѣютъ исторію, что за нихъ—ея разумъ и логика; я боюсь, что исторія германофильствуетъ. Объективно говоря, нѣтъ основаній нѣмцамъ быть побѣжденными. За что? Если бы исторія считалась съ моральной категоріей, тогда, конечно, германцы не выдержали бы ея высшаго суда. Но судьба народовъ опредѣляется тѣмъ, насколько всякій изъ нихъ выносливъ и силенъ, насколько въ ихъ состязаніи, или скачкѣ заслуживаетъ награды тотъ или другой. Германія, съ этой точки зрѣнія, заработала не разгромъ, а побѣду. Она сильна во всѣхъ отношеніяхъ. Народъ-солдатъ и народъ-ученый, народъ-техникъ и народъ-мыслитель, народъ-купецъ и народъ-натуралистъ, нѣмцы въ самыхъ различныхъ областяхъ являются признанными учителями, и къ нимъ за наукой и практикой, за теоріей и ея приложеніями, со всѣхъ концовъ міра съѣзжаются всѣ. Атмосферой работы насыщена Германія, и ея ли трудолюбію не быть увѣнчаннымъ побѣдой? Она воздѣлала свой садъ, свою страну, и ей ли сломиться подъ ударами ея враговъ, изъ которыхъ наиболѣе мощные все-таки менѣе рачительны и менѣе разносторонни, чѣмъ она?

И все-таки, все-таки надо бы намъ вести себя такъ, чтобы, не сподобившіеся высоты побѣдителей, мы не погубили себя и сознаніемъ побѣжденности. Чувство собственнаго достоинства можно всегда сохранить,—если, конечно, оно есть, если въ самую битву мы уже вступили, имъ не обдѣленные, имъ вооруженные. При такомъ условіи миръ, ожидающій насъ, не былъ бы позорнымъ. А теперь... теперь его трагически запоздавшій приходъ мы все же, разумѣется, встрѣтимъ какъ желанный,—только найдетъ онъ въ насъ великое смущеніе и великую печаль. Да и все человѣчество приметъ его, но не сниметъ съ его траура...

Миръ запоздалъ. Когда бы онъ теперь ни былъ заключенъ, для Россіи онъ все равно окажется заключеннымъ лишкомъ поздно, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и торопливо. Гораздо раньше надо было настойчиво

постучаться въ его двери и закрыть двери въ храмѣ Януса; гораздо раньше надо было съ честью остановиться и остановить. Теперь же будетъ не проченъ, не цѣлителенъ, будетъ подобенъ тяжелому, не освѣжающему сну безрадостный миръ, внезапный и скоропостижный, скорѣе похожій на катастрофу. Не рожденный естественно, а Кесаревымъ сѣченіемъ насильственно извлеченный изъ нѣдръ исторіи, этотъ катастрофическій миръ не прольетъ бальзама на истерзанныя сердца и страны. И зловѣщимъ символомъ его является самоубійство благороднаго генерала Скалона...

Я слышалъ, какъ молодыя дѣвушки въ Москвѣ, курсистки, сокрушенно говорили, что теперь выдается уже только полъ-фунта хлѣба. Отъ этой скромной дозы страдаютъ всѣ, или почти всѣ; но почему-то, услышавъ разговоръ курсистокъ, ихъ я особенно пожалѣлъ. Юныя, полныя хорошаго любопытства, подобныя чеховскимъ тремъ сестрамъ съ ихъ тоскою по Москвѣ, но въ противоположность сестрамъ свою мечту воплотившія и съ разныхъ концовъ Россіи, часто цѣною тяжкихъ лишеній, въ эту Москву, въ духовную Мекку, собравшіяся, онѣ, больше чѣмъ кто либо, знаютъ, что не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ, и не къ хлѣбу простираются ихъ помыслы, и умѣютъ онѣ, слишкомъ умѣютъ жертвовать своимъ питаніемъ ради своего воспитанія. Сыты онѣ малымъ, чаще полуголодны, чѣмъ сыты, чаемъ обманываютъ голодъ и на послѣднія копѣйки предпочитаютъ лучше пойти въ театръ или концертъ, или на лекцію, чѣмъ пообѣдать въ студенческой «столовкѣ». Иногда отъ обильныхъ материнскихъ хлѣбовъ, изъ уютнаго провинціальнаго гнѣзда, отъ родной ласки отрываютъ онѣ себя и бросаются въ пучину большого города, холоднаго и негостепріимнаго, лишь бы только утолить свою жажду свѣта и культурнаго существованія, лишь бы только подышать воздухомъ аудиторій, сходокъ, умственной столицы. «Науки юношей питаютъ»: онѣ, юницы, готовы этому повѣрить, и милое легкомысліе молодости заставляетъ ихъ расшатывать свое здоровье, т. е. питаться больше «науками», чѣмъ физической ѣдой. И вотъ почему, когда онѣ, дѣвушки, не доѣдаютъ, когда эти почти аскетическія существа, довольствующіяся столь малымъ, не получаютъ и малаго, когда онѣ грустно, испуганно, и робко жалуются на «полъ-фунта», тогда становится на душѣ какъ-то по особому тяжело и совѣстно. Не потому совѣстно, чтобы у тебя самого было больше, чѣмъ полъ-фунта: для большинства воцарился теперь соціализмъ голода, равенство бѣдности,—а потому совѣстно и стыдно, что страна довела себя до такого убожества и обнища-

нія, отказалась кормить свою молодежь. Только по полу-фунту хлѣба можетъ она предложить своимъ дѣтямъ. Если бы эта нужда была естественна, если бы она была исключительно результатомъ войны, то и въ такомъ случаѣ нельзя было бы смиренно опускать передъ нею голову, а надо было бы противопоставить ей энергичный отпоръ. И тогда мы, по крайней мѣрѣ, не чувствовали бы себя всецѣло виноватыми, заслуживали бы снисхожденія, дѣлили бы свою вину съ исторіей. Но нѣтъ,—«бѣда не подкралась къ отчизнѣ тайкомъ, бѣда шла открыто, мы всѣ ея ждали»; но нѣтъ,—наши полъ-фунта въ гораздо большей степени вызваны нашей нерадивостью и порочностью, нежели стихійными причинами войны. Житница, когда-то полная хлѣба, страна безконечныхъ нивъ, раскидывающихъ по широкому приволью свое золотое богатство, преимущественная страна пахарей, Россія и теперь не заставляла бы голодать свое населеніе, она и теперь не вынимала бы изъ нищенской сумы жалкіе полъ-фунта, если бы голодъ не создавался искусственно, если бы на немъ не спекулировали, если бы такъ пышно не расцвѣла чужая корысть и жадность. Гдѣ то въ скрытыхъ закромахъ Россіи, по ея городамъ и весямъ, есть зерно, есть мука,—но ея не даютъ, или ея не умѣютъ взять, или сытые прячутъ ее отъ голодныхъ, и разыгрывается пиръ во время чумы, и вотъ на нашу долю достается полъ-фунта, ничтожная дробь, цифра полуголода...

Эта недостаточность питанія, спасающая отъ смерти, но и не дающая полной жизни, эта дробь, отнимающая у насъ всяческую цѣлостность существованія, помимо своего непосредственнаго физіологическаго вреда несетъ съ собою еще и тотъ нравственный вредъ, что она заполонила наши помыслы и разговоры, что она понизила уровень нашей духовности. Безхлѣбі ведетъ къ постоянной мысли о хлѣбѣ. Прислушайтесь къ тому, о чемъ говорятъ между собою профессора и писатели, художники и поэты, люди избранной и изысканной культуры! Главная тема бесѣдъ—гдѣ и какъ раздобыть пищу. Оттого, что мы не доѣдаемъ, мы слишкомъ думаемъ объ ѣдѣ. Съузились наши горизонты, тѣснѣе стало въ умахъ, кругъ интересовъ умалился. Все матеріальное выдвинулось на первый планъ, а высшіе запросы духа отложены въ долгій ящикъ, который да не окажется для нихъ долгимъ гробомъ!.. Отъ полу-фунта хлѣба терпитъ ущербъ культура. Мы откинуты назадъ, мы стали элементарны; изъ высшихъ классовъ жизненной школы мы переведены въ низшій. Приходится начинать сначала съ азовъ. И если не прекратится этотъ попятный ходъ русскаго поѣзда то въ какой непроходимой глуши и дичи мы можемъ очутиться! Полъ

фунта болѣе всего страшны именно какъ показатель и угроза полужизни. И все у насъ вообще раздроблено, растерзано, распылено, все рвется на части и частицы, на половины половинъ; всюду партіи, секты, междуусобицы, отдѣленность,—нѣтъ внутренней цѣльности, нѣтъ цѣлаго хлѣба, нѣтъ цѣлой Россіи. Полъ-фунта, полъ-фунта!..

Настоящія строки я пишу въ послѣдніе дни октября, подъ ружейную и артиллерійскую пальбу московскаго возстанія. Чѣмъ бы ни кончилось движеніе большевиковъ, оно означаетъ то, что Россія занимается самоубійствомъ. Она жжетъ себя на огнѣ,—правда, не медленномъ огнѣ, а довольно скоро дѣлающемъ свое дѣло. Недаромъ среди своихъ многочисленныхъ сектъ знала она и самосожигателей: они для нея характерны. Большевики въ своей разрушительной дѣятельности не понимаютъ, видимо, какъ безсмысленно и безсовѣстно ихъ дикое выступленіе. Оправдывая собою пушкинское опредѣленіе русскаго бунта, какъ «безсмысленнаго и безпощаднаго», они бунтуютъ трагически-некстати, невпопадъ, не во время, и, бунтуя, не щадятъ самыхъ основъ Россіи, не щадятъ и себя, одновременно убійцы и самоубійцы. То, что они учиняютъ, прежде всего—нелѣпо, и надъ этой колоссальной нелѣпостью можно было бы смѣяться, если бы она не была окрашена въ трагическій цвѣтъ, если бы она не была оплачена кровью. Но все равно, исторія, къ человѣческой крови равнодушная, ею не растрогивающаяся,—исторія все равно будетъ смѣяться надъ большевиками, надъ этими безумцами русской революціи. Впрочемъ, нелѣпость на своей вершинѣ (а большевики ея достигли) перестаетъ быть забавной: она возмущаетъ, она граничитъ съ преступленіемъ. Ну, а если здѣсь, кромѣ того, есть и дѣйствительное преступленіе? Если, по знаменитой формулѣ Милюкова: «что это, глупость или измѣна»?, необходимо признать наличность послѣдней или мирное сожительство той и другой? Что, если передъ нами—предатели (лучше сказать, не передъ нами, а позади насъ, потому что предатели всегда сзади, за спиной, и въ спину норовятъ вонзить свой отравленный ножъ)? Вѣдь то, что продѣлываютъ большевики, такъ выгодно нѣмцамъ, что невольно является мысль: не по заказу ли нѣмцевъ это и совершается? не въ Германіи ли держатъ нити тѣхъ губительныхъ для Россіи маріонетокъ, которыя въ ужасный часъ родины не лѣчатъ ея кровоточащихъ ранъ, а круто посыпаютъ ихъ растравляющей солью? Вы гоните отъ себя эту мысль, вы хотите думать лучше о нашихъ сверхъ-революціонерахъ, вы стараетесь забыть, что Ленина въ роковомъ вагонѣ большою скоростью услужливо прислала намъ именно Германія,—но простая очевидность

все-таки опять и опять подсказываетъ вамъ страшное слово «измѣна», и нѣтъ предѣла вашему негодованію. Не мирится сознаніе съ тѣмъ, чтобы разумные и честные люди могли не тушить горящаго роднаго дома, а подливать масло въ этотъ буйный огонь. Если они это дѣлаютъ, значитъ, они своего дома и не хотятъ спасать; значитъ, они имѣютъ въ виду опустошить его и заполнить добромъ его чей-то чужой домъ; значитъ, не жалко имъ Россіи.

И вотъ, они бунтуютъ, не даютъ Россіи собраться съ силами, раздѣлить землю, утвердить волю, не позволяютъ ей передохнуть, сыплютъ на нее ударъ за ударомъ, нагромождаютъ бѣду на бѣду, тѣшатъ себя Вавилонскимъ столпотвореніемъ и, обѣщая завтра соціальный рай, сегодня устраиваютъ адъ, который на самомъ дѣлѣ будетъ пылать и завтра, и долгое историческое послѣ-завтра, —а рай... рай отодвинется въ еще болѣе далекую и несбыточную трезу.

Въ общемъ, все-таки, думается, что большевики не измѣнники, а фанатики, что они не чужеземцы въ Россіи, а ея сыновья, хотя бы и блудные. И въ такомъ случаѣ, это не убійство Россіи, а самоубійство. И отъ этого горе становится еще горше, и скорбь еще тяжелѣе. Революція идетъ противъ самой себя, революція кончаетъ самоубійствомъ. А такъ какъ революціей объята и съ нею точно отожествилась вся Россія, то и возникаетъ острая боязнь, не рѣшилась ли на самоубійство и сама Россія, и, по обычаю многихъ самоубійцъ, не оставитъ ли она исторіи, потомству нѣкоего посланія о томъ, что въ ея смерти никого не надо винить, что ей жить надоѣло, что она сама наложила на себя руки?..

Въ той самой церкви Большого Вознесенія, гдѣ когда то вѣнчался Пушкинъ, жутко и печально было стоять около длиннаго ряда гробовъ, въ которые такъ рано уложила десятки цвѣтущихъ юношей безжалостная рука войны—да, новой войны на русско-русскомъ фронтѣ. И думалось о томъ, что если потрясающее впечатлѣніе производитъ самоубійство отдѣльной личности, то насколько страшнѣе самоубійство цѣлой страны. И мы, участники и попустители этого историческаго «харакири», передъ развалинами родной Москвы, опозоренной и оскверненной, среди смерти и боли отъ физическихъ и нравственныхъ ранъ, чувствуемъ свою глубокую вину и свое постыдное безсиліе. А тѣ, у кого еще остается внутренній досугъ для того, чтобы не только чувствовать, но и размышлять,—тѣ въ происходящихъ событіяхъ видятъ новое доказательство міровой иронiи. Въ самомъ дѣлѣ: ея насмѣшливый духъ, Мефистофель исторіи, опять

«смѣется надъ обманутымъ человѣчествомъ. Вѣдь никогда еще такая дурная дѣйствительность не рождалась отъ такого хорошаго принципа. Вѣдь создали наши большевики пародію на демократизмъ, сатиру на равенство, кровавую эпиграмму на генія свободы. Вѣдь получилась вопіющая нелѣпость, извращеніе всякаго смысла и всякой совѣсти, трагическій абсурдъ. Больно сознавать, что идеалы, которые теперь вывалены въ крови и грязи, сами по себѣ очень высоки. Можно ли не сочувствовать политической партіи, которая на своемъ знамени пишетъ девизы справедливости и всечеловѣческаго мира, которая хочетъ призвать къ свободному и привольному существованію обездоленныя массы, которая вообще стремится попрать соціальную обиду, всю жестокую неправду современнаго общественнаго строя? Какія возвышенныя цѣли, какія свѣтлыя моральныя драгоцѣнности! И отважные замыслы сдвинуть громаду жизни съ ея вѣкового мѣста, преодолѣть инерцію столѣтій, опрокинуть историческую рутину— развѣ это не задача, достойная духовнаго Самсона? Мечтателями великой мечты являются тѣ, кто задумалъ расшатать устои въ неправедномъ капищѣ, въ чертогѣ нечестивыхъ филистимлянъ. Но въ какую практику вырождаются всѣ эти идеальныя теоріи! Тотъ самый большевизмъ, который не мирится на меньшемъ, чѣмъ благополучіе всего міра, принялъ безнравственныя и отталкивающія формы насилія, претворился въ жестокость и низость, и пошлость, въ то внѣшнее и внутреннее безобразіе, которое обезобразило Москву и отравленной волною разлилось по всей Россіи. Большевизмъ въ моментъ своего осуществленія ярко, густо, краскою крови подписалъ себѣ свидѣтельство о бѣдности; онъ показалъ, что онъ никуда не годится или годится лишь какъ взрывчатое вещество огромной силы.

Большевики должны были учесть громадное разстояніе между принципомъ и тактикой, между идеями и политикой. Не въ садахъ платонизма, не въ безвоздушныхъ пространствахъ теоріи,—нѣтъ, на живыхъ и страждущихъ человѣческихъ тѣлахъ произвели они свой опытъ, безбожно и безчеловѣчно занялись какой то соціальной вивисекціей, не пощадили родной матери и ея дѣтей, т. е. своихъ же братьевъ и сестеръ. Они пренебрегли жизнью и потому въ жизнь внесли смерть; и вмѣсто рая равенства и братства они только расширили человѣческія кладбища.

Смѣется Вильгельмъ; еще больше смѣется, повторяю, дьяволъ, котораго тѣшатъ всѣ эти людскія неудачи, которыя любитъ, когда для его развлеченія ему устраиваютъ «дьяволовъ водевиль». Большевики, эти актеры дьявольскаго спектакля, думали угодить людямъ

а угодили бѣсу. И къ ужасу друзей и на радость врагамъ, они превратили Россію въ трагическую и зловѣщую карикатуру.

Когда большевики, захвативъ надъ обезсиленной Россіей свою безсильную власть, предложили Германіи перемиріе, то разнесся было слухъ, что съ ними не хотятъ разговаривать не только русскіе, но и нѣмцы. И думали иные, что это очищаетъ захватчиковъ отъ тяжкаго обвиненія, будто они продались Германіи и являются ея полномочными посланниками. Конечно, это не такъ: если бы Вильгельмъ и отказался отъ общенія съ лже-народными комиссарами, то самый фактъ отказа еще не освобождалъ бы ихъ отъ страшнаго подозрѣнія, а свидѣтельствовалъ бы только о томъ, что Вильгельмъ ихъ презираетъ. Вѣдь презирать можно и тѣхъ, кто оказываетъ намъ услугу. Измѣнниковъ презираютъ и тѣ, кто ими пользуется. Говорятъ, что Дубельтъ, злой духъ русскаго, печальной памяти, 3-го отдѣленія, всегда оплачивалъ своихъ шпіоновъ и провокаторовъ суммой денегъ, кратной тридцати, въ память тридцати серебренниковъ Іуды. Въ ускоренномъ порядкѣ, какъ бы заказной живою посылкой отправленный нѣмцами въ Россію, курьеръ смуты, Ленинъ свое дѣло сдѣлалъ, Россію разстроилъ, Германіи угодилъ, и ничего удивительнаго не было бы въ томъ, если бы нѣмецкій повелитель послѣ этого повернулся къ нему спиной.

Но слухъ оказался невѣренъ. Вильгельмъ не покрылъ себя пятномъ черной неблагодарности, и въ переговоры съ большевиками онъ вступить согласился. Изъ этого можно заключить, что миръ не меньше нуженъ побѣдителю, чѣмъ побѣжденнымъ. Иначе развѣ сталъ бы разговаривать съ Бронштейномъ Гогенцоллернъ? Иначе могучій монархъ жестомъ своего презрѣнія не далъ бы развѣ урока и собственному народу, не показалъ бы, что соціальной революціи онъ не пуститъ и на порогъ своей страны? Онъ не преминулъ бы совершить такой педагогическій актъ; не признавъ правителей въ русскихъ Ленинѣ и Троцкомъ, онъ этимъ заявилъ бы, что никогда не признаетъ и возможныхъ (или невозможныхъ?) будущихъ правителей въ нѣмецкихъ Ленинѣ и Троцкомъ. Соціалъ-демократы, за исключеніемъ лѣвой группы Либкнехта, которая едва ли не состоитъ изъ одного Либкнехта, вели себя въ Германіи такъ, что Вильгельмъ былъ ими очень доволенъ, и недаромъ онъ называлъ ихъ: «мои соціалъ-демократы»—по истинѣ, оппозиція не Его Величеству, а Его Величества... Но острастка нужна бы все-таки и для этихъ послушныхъ дѣтей Германіи, чтобы имъ и впредь не повадно было стать строптивыми. Не содѣйствовать, а мѣ-

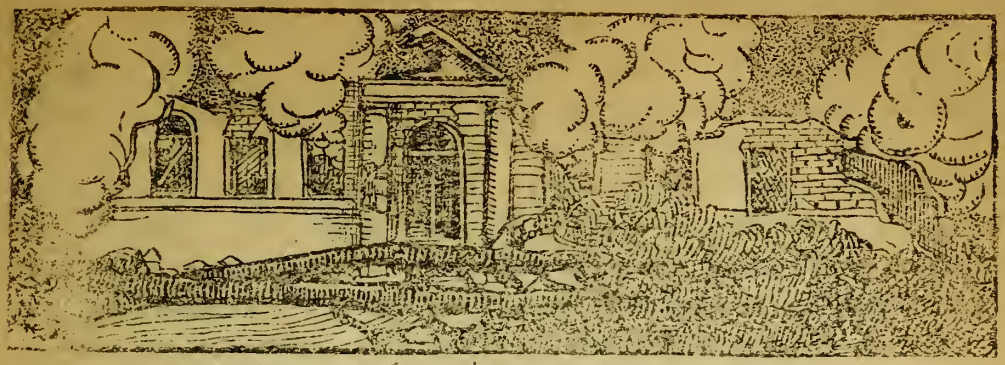
шать торжеству соціализма, хотя бы и во вражеской странѣ,—вотъ что входитъ, разумѣется, въ непосредственные интересы Вильгельма, который и въ другихъ отношеніяхъ видитъ въ себѣ государя, стоящаго на стражѣ европейскаго консерватизма и законности—рыцарь и меченосецъ стараго міра, палладинъ горделивыхъ традицій...

Большевики, т. е. меньшинство, захватили власть. И предъ остальной Россіей возникъ тревожный вопросъ, какъ на это воздѣйствовать—записаться ли въ подданные къ Ленину и Троцкому или же оказать имъ сопротивленіе. Силы при этомъ—не равныя: у нашихъ завоевателей штыки, у насъ—ничего. Оружію мы можемъ противопоставить одну лишь нравственную оборону. И такъ какъ принять, внутренне принять режимъ большевиковъ для насъ немыслимо и навстрѣчу имъ изъ души идетъ только волна возмущенія, то тѣ несчастные изъ насъ, которымъ по характеру ихъ государственной или общественной работы приходится имѣть соприкосновеніе съ теперешними самозванцами или съ ихъ наемниками,—они и рѣшили стать имъ въ моральную оппозицію, т. е. прибѣгнуть къ упомянутой раньше единственно возможной и необходимой самооборонѣ. И вотъ, дѣятели разныхъ поприщъ, чиновники и работники объявили забастовку—либо нашу русскую національную, либо забастовку итальянскую, саботажъ, который состоитъ въ томъ, что работа дѣлается кое-какъ, черезъ пень колоду, при наименьшей затратѣ усилій, съ наименьшей суммой результатовъ (если кто-нибудь подумаетъ, что такого рода забастовка гораздо больше заслуживаетъ названія русской, чѣмъ итальянской, и что она была нашей вѣрной спутницей всегда—и въ мирные годы, и при царскомъ строѣ, что надъ нами не капало никогда и никогда мы не уклонялись дѣлать съ прохладцей то дѣло, которое не волкъ и потому въ лѣсъ не убѣжитъ, то... то возражать я не буду, но укажу лишь на ту разницу, что наше естественное и хроническое расположеніе къ русско-итальянскому препровожденію рабочаго времени раньше было непреднамѣреннымъ, а теперь становится умышленнымъ).

Такой методъ борьбы съ большевиками имѣетъ то неудобство, что вмѣстѣ съ ними онъ губитъ и Россію. Какъ ни ненавистны большевики, это—цѣна слишкомъ дорогая и слишкомъ для нихъ много чести. Національный способъ политическаго протеста, наша старая знакомка-забастовка напрасно возвращается и въ новую Россію. Какъ прежнія недоброй памяти сенатскія разъясненія уничтожали то или тѣхъ, что или кого они разъясняли, такъ и забастовки убиваютъ самую суть дѣла,—однимъ концомъ бьютъ, правда, тѣхъ, противъ кого

онѣ направлены, зато другимъ концомъ еще больнѣе поражаютъ самихъ бастующихъ и ту область, которую они обслуживаютъ. Здѣсь убійство соединяется съ самоубійствомъ. Большевики, невѣжественные въ дѣлахъ управленія, безъ опыта, безъ грамотности, вооруженные только безмѣрной смѣлостью, которая, оказывается, къ несчастью, беретъ дѣйствительно не одни города, но даже и государства,—большевики, несомнѣнно, достойны того пренебреженія, которое сказывается въ саботажѣ, въ смертной неохотѣ работать и разговаривать съ ними, въ настроеніяхъ забастовки; но во имя Россіи, ради Россіи, ради Бога и людей, это настроеніе надо преодолѣть. Какъ ни тяжело сейчасъ, сейчасъ необходимо работать больше, чѣмъ когда бы то ни было. Отъ забастовки страдаютъ ни въ чемъ неповинные обыватели, или, какъ ихъ теперь пышно называютъ, граждане. Нѣтъ такой болѣзни, которая излѣчивалась бы параличемъ; забастовка, это—параличъ. Остановить кровообращеніе жизни, въ столбнякъ повергнуть Россію, прервать дыханіе ея груди—можно ли представить себѣ большій грѣхъ противъ живыхъ существъ, и къ тому же существъ родныхъ и дорогихъ?

Насильники съ оружіемъ ворвались въ наши беззащитные дома и требуютъ, чтобы мы подняли руки вверхъ. Если въ сердцѣ у насъ есть отвага, мы можемъ это требованіе не исполнить и отдать свою жизнь, умереть—лишь бы не покориться. Но когда въ этомъ домѣ есть домашніе, чья жизнь намъ дороже собственной, тогда мы не возьмемъ на свою совѣсть риска погубить своихъ близкихъ, и тогда не будетъ ничего стыднаго въ томъ, что мы руки подымемъ. Не на наши головы, а на головы насильниковъ падетъ грѣхъ испытаннаго нами униженія. И если теперь, съ болью въ душѣ, подавивъ свое негодованіе, стиснувъ зубы, мы не объявляемъ забастовки и непрошенному начальству своему не отказываемъ въ сотрудничествѣ, то утѣшеніемъ въ нашей горькой долѣ будетъ сознаніе того, что многіе изъ насъ сдѣлали это безкорыстно, какъ патріоты, не для себя, а для Россіи, не себѣ хотѣли благополучія, а злополучной родинѣ своей. И думая о Россіи, будемъ помнить великій девизъ: не намъ, не намъ, а имени Твоему...



Генералъ Духонинъ, какъ свидѣтельствуетъ его предсмертная рѣчь, не боялся разстрѣла—«солдатской смерти»: онъ боялся только самосуда толпы, онъ не хотѣлъ, чтобы его превратили въ «кусокъ мяса». Но, какъ это нерѣдко бываетъ въ жизни, случилось именно то единственное, чего онъ боялся, то горшее, что его пугало, и подъ штыками и сапогами солдатъ въ окровавленную груду мяса превратился красавецъ генералъ Духонинъ. Вѣсть объ его мученической смерти, такой незаслуженной, такой вопіющей къ небу, живетъ въ сердцахъ свѣжей раной. Къ ужасамъ теперь всѣ привыкли, ничему больше не удивляются наши окоченѣлыя души; но эта гибель, эта человѣческая трагедія даже на современномъ фонѣ выдѣляется особенно яркой, особенно мрачной иллюстраціей все къ той же непреходящей истинѣ: «нѣтъ правды на землѣ». Сухопутные матросы, убившіе Духонина, продолжали издѣваться и надъ бездыханнымъ тѣломъ его: послѣднія извѣстія говорятъ о томъ, что убійцы и ихъ товарищи, ихъ преемники даже не позволили хоронить свою жертву; жена, дочь, братъ убитаго не могли опустить его поруганнаго праха въ могилу. Такова кошмарная фантастика нашей реальности, таковъ горячечный бредъ, которымъ явственно бредитъ заболѣвшая русская жизнь.

Конечно, подобно старому раввину изъ «Уріэль Акосты», можетъ всякій, знающій исторію, повторить, что все это уже бывало, не разъ бывало, что вообще никакой потрясающей новизны въ русскихъ событіяхъ вовсе и нѣтъ. Дѣйствительно, когда съ народа спадаютъ вѣковыя узы, привычка столѣтій, соскакиветъ тотъ желѣзный обручъ власти, который плотно смыкалъ тѣло единой государственности, то совершенно естественно, что наступаетъ потокъ и разграбленіе, и раз-

гулъ безудержныхъ страстей. Возвращается хаосъ. Можетъ быть, это слишкомъ много чести для государства, но въ извѣстномъ смыслѣ оно, право, заслуживаетъ, чтобъ его назвали космосомъ. Каково бы оно ни было, государство, это—хотя бы относительная стройность, чинъ, ладъ и порядокъ. Государство—организмъ. Оно собираетъ и соподчиняетъ тѣ стихіи, которыя внѣ его и до него разрознены или сбиты въ безобразную и безобразную кучу, дики и мятежны; оно въ значительной мѣрѣ укрощаетъ всѣ эти строптивые элементы и налагаетъ на нихъ крѣпкую узду. За порогомъ государства—хаосъ. За предѣлами этого организма, этой организаціи—точно широкія пространства и дремучіе лѣса, по которымъ скачетъ и пробирается лихой человѣкъ. Не нужно большой мудрости, чтобы замѣтить всѣ недостатки государства и не впасть въ то обожествленіе его, которое печально прославило Германію въ лицѣ Гегеля и всѣхъ его теоретическихъ и практическихъ послѣдователей вплоть до Трейчке и генерала Бернгарди Государство обслуживаетъ лишь элементарныя потребности. Государство—на средній ростъ. И все-таки, сознавая эти его недостатки, эти пороки даже, находишь глубокую, пусть и неожиданную правду въ мысли Владиміра Соловьева, что государство, это—организованная жалость. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ одной изъ самыхъ важныхъ функцій его не является заступничество? развѣ оно не защищаетъ слабыхъ? развѣ оно не придаетъ налаженныхъ формъ человѣческому состраданію, которое безъ него не могло бы осуществиться сколько-нибудь широко и властно? Но будемъ только смѣшивать практики государства съ его принципомъ. «Исторія государства Россійскаго», какъ и многихъ другихъ государствъ, достаточно показала намъ, какова эта практика; но самый принципъ государственности отъ этого не тускнѣетъ и остается чистымъ и вѣчнымъ. Государство право, анархія неправа. Пусть государство элементарно, но такъ же элементарны воздухъ и вода, безъ которыхъ мы не можемъ жить. Когда въ жизни царитъ анархія, естественно вниманіе къ анархизму. Практика хочетъ оправдать себя теоріей или хотя бы примѣрить ее къ себѣ. И въ наши дни замѣчается усиленіе интереса къ анархизму. Но именно въ наши дни особенно важно отдать себѣ отчетъ въ благомъ назначеніи государства и въ тѣхъ услугахъ, какія оно оказываетъ индивидууму. Когда анархисты упрекаютъ государство въ томъ, что оно имѣетъ принудительный характеръ, то они упускаютъ изъ виду, что субъектъ и объектъ принужденія здѣсь совпадаютъ. Ибо это я самъ, добровольно налагаю на себя извѣстные запреты, и это я и себя принуждаю, когда принуждаю другихъ. Государство—мое

созданіе. Ни кто мнѣ его не навязывалъ,—я самъ воззвалъ его къ бытію. Моему индивидуализму, моей индивидуальности государство не только не препятствуетъ, но даже имъ помогаетъ. Подчиняясь мною же созданной власти, я не терплю никакого нравственнаго ущерба, ни въ чемъ не поступаюсь своей личностью и честью, и свободой, потому что только такая власть оскорбительна и стѣснительна, которой я не признаю и не уважаю,—государственная же власть, это то, на что я согласился и что я придумалъ въ охрану своей вольности и своихъ правъ. Высшему въ личности, самымъ высокимъ цѣнностямъ, внутренней свободѣ государство не мѣшаетъ. Когда же оно мѣшаетъ, то это—недоразумѣніе и злоупотребленіе, вовсе не вытекающее неизбѣжно и органически изъ самой природы государственности. Анархизмъ заступается за свободу только внѣшнюю, онъ не проникаетъ въ глубины духа. Ему кажется, что судъ, полиція и администрація—какія то цѣпи. На самомъ дѣлѣ, это—цѣпи только для рабовъ; свободныхъ же онѣ не стѣсняютъ. Государство—удобство. И надъ его властями властвую я. Деміургъ государства—личность. Законодателемъ его законовъ являюсь я. Въ этомъ смыслѣ не только Людовикъ XIV, но и каждый изъ насъ имѣетъ право сказать о себѣ: «государство, это—я».

Вотъ почему, когда изъ-подъ государственнаго цѣлаго вырываютъ его фундаментъ, то неудивительно, что это цѣлое обращается въ дробь и падаетъ, окутанное тучами пыли. Впослѣдствіи все опять войдетъ въ колею и норму, приметъ даже лучшій видъ, и новая, цвѣтущая жизнь родится изъ развалинъ; впослѣдствіи, употребляя выраженіе Толстого, все «образуется», и было бы слишкомъ ужасно, если бы не теплилась у насъ надежда, что и на родинѣ Толстого «образуется»,—впослѣдствіи, да; но пока... пока свинцовая тяжесть ложится на сознаніе и сердце. И мы, живые современники и непосредственные участники этого чернаго часа, не въ силахъ заставить себя мыслить и, главное, чувствовать исторически; мы не можемъ утѣшать себя ни соображеніями, что все это уже было, ни упованіями, что потомъ этого больше не будетъ. Мы не безстрастны; намъ не дано не вѣдать ни жалости, ни гнѣва; у насъ есть нервы, и на этихъ наболѣвшихъ нервахъ, какъ на живыхъ клавишахъ, безпощадно играетъ русская дѣйствительность свою дьявольскую пляску, свой адскій танецъ смерти—русская современность, этотъ опьянѣвшій и лихорадящій, этотъ сумасшедшій таперъ. Безумную и нестройную игру, трагическую какофонію осуществляютъ большевики тѣмъ, что они разрушаютъ государственность и государство.

Одинъ изъ немногихъ, кто хотѣлъ этому воспротивиться, кто заступился за честь государства, кто носилъ въ своей груди образъ Россіи какъ цѣлаго, какъ государственной единицы, какъ родного единства и достоинства,—это былъ генералъ Духонинъ. И вотъ онъ палъ въ неравной борьбѣ, и въ данную минуту еще не похороненнымъ лежитъ его замученное тѣло, и никогда не будетъ похоронена для русской исторіи, для благодарной памяти потомства его мученическая душа.

Трагически-своевременно появился въ отдѣльномъ изданіи русскій переводъ романа Анатоля Франса: «Боги жаждутъ». Какъ извѣстно, дѣйствіе его происходитъ на кровавомъ фонѣ Великой французской революціи, въ періодъ Конвента, при зловѣщемъ отблескѣ террора. Революція уничтожала самое себя и неотвратимыми шагами шла навстрѣчу Имперіи. Народъ, обманутый своими вожаками, накоплялъ въ себѣ глухую оппозицію противъ тиранніи Марата и Робеспьера, и чѣмъ больше работала гильотина, проливая кровь ни въ чемъ неповинныхъ людей, тѣмъ ниже падали и ржавчиной презрѣнія покрывались недавно популярные лозунги революціоннаго катехизиса. Вопіющее искаженіе великихъ принциповъ, попраніе свободы, тупое бездушіе насильниковъ создавали почву для реставраціи. Художникъ Эваристъ Гамеленъ, назначенный присяжнымъ революціоннаго трибунала, методически посылалъ на смерть какъ Марію Антуанетту, такъ и служанку, беззавѣтно воскликнувшую «да здравствуетъ король», и вмѣстѣ съ другими судьями въ черныхъ плюмажахъ «работалъ въ духѣ Шекспира, т. е. вводилъ самое грубое шутовство въ самыя трагическія мѣста своихъ дѣйствій». Фанатикъ, вынесшій смертный приговоръ мужу своей сестры и вообще окаменившій свое сердце, онъ былъ послѣдователенъ и прямолинеенъ, цѣленъ до мелочности, такъ что даже изъ карточной колоды изгонялъ королей и валетовъ, замѣняя ихъ персонажами демократическими. Да и все другое революціонеры его типа хотѣли перемѣнить: «дни, мѣсяцы, времена года, солнце и луну», какъ жалуется простодушная мать Гамелена. Сравнительно съ этими покушеніями на революцію въ природѣ, уже пустяками, разумѣется, надо считать то, что Конвентъ съ легкимъ сердцемъ упразднялъ суды и всѣ обычныя законныя формы, «все, что было придумано справедливаго со временъ римлянъ для защиты заподозрѣнной невинности»: революціонный трибуналъ съ его сокращеннымъ судопроизводствомъ вовсе не долженъ взвѣшивать всѣ «за» и «противъ»: онъ просто въ лицѣ составляющихъ его санкюлотовъ отдается непосредственному озаренію и

наитію своего патріотизма и своего революціонизма. Все упрощено, все ясно, все плоско. Ларчики просто открываются. Робеспьеръ нисколько не задумывался надъ тѣмъ, что всѣ вещи запутаны, что въ сложности міровыхъ фактовъ можно заблудиться; онъ изъ жизни дѣлалъ геометрію, рубилъ ея Гордіевы узлы, а вмѣстѣ съ ними и человѣческія головы,—безъ конца, безъ конца....

И пока эти люди, болѣе похожіе на вещи, чѣмъ на людей, одушевленные и все-таки бездушные механизмы, творили свои разрушительныя дѣла, живая жизнь страдала и гибла. Не было хлѣба, и у булочныхъ тянулись «хвосты» голодныхъ, ожидавшихъ и часто такъ и не получавшихъ своего скуднаго пайка. «Республика голодала. Революція нарушила правильное питаніе во всѣхъ семьяхъ: большинство гражданъ не имѣло чѣмъ кормиться». Жалуется гражданка, показывая краюху сѣраго, тяжелаго хлѣба: «Господи Боже! хлѣбъ невозможно дорогъ; на рынкѣ не найдешь ни овощей, ни яицъ, ни сыру. Питаясь каштанами, мы сами превратимся въ каштаны». Революція, разбивая стекла въ окнахъ, обогащала стекольщиковъ. Малѣйшее подозрѣніе вело къ самосудамъ, и фонари Парижа послужили висѣлицами для многихъ преступныхъ и непреступныхъ жертвъ. Свой праздникъ праздновала жадная спекуляція.

Когда русскій читатель знакомится теперь съ этими страницами Анатоля Франса, онъ въ свѣтѣ французской революціи лучше понимаетъ русскую,—и въ свою очередь отраженный свѣтъ на французскую бросаетъ русская революція. И начинаешь оправдывать усмѣшку души, улыбающійся умъ знаменитаго романиста. Ибо въ самомъ дѣлѣ видишь однообразность исторіи, повторяющійся бѣгъ ея колеса, круговоротъ вещей. Не только Бурбоны ничему не научились и ничего не забыли, но и люди вообще. И русскіе осуществляютъ нынче одинъ изъ варіантовъ французской темы: вплоть до многихъ деталей проявляется сходство заблужденій, событій и страстей, несмотря на то, что ихъ отдѣляетъ періодъ въ сто двадцать пять лѣтъ. Ничего не измѣнилось. И эта неизмѣнность, эта внутренняя неподвижность суетящагося человѣчества уже сама по себѣ говоритъ о силѣ консерватизма, о тщетѣ и безуспѣшности революцій,—во всякомъ случаѣ, она питаетъ тотъ духъ иронія, который утонченный Анатоль Франсъ вдохнулъ въ свое произведеніе.

Авторъ — слишкомъ скептикъ, для того чтобы онъ могъ быть художникомъ. И о фанатикахъ и энтузіастахъ, о людяхъ односторонніхъ и узкихъ, объ упрямыхъ однодумахъ повѣствуетъ въ своемъ романѣ писатель изысканный, во всемъ сомнѣвающійся, образованный

изъ образованныхъ, гостепріимный ко всему и, значитъ, ни къ чему, начетчикъ рѣдкихъ книгъ, маслитель оттѣнковъ и тонкостей, больше цѣнитель изящныхъ предметовъ, чѣмъ интимный другъ человѣческой души. Въ самой гущѣ горячей дѣйствительности онъ остается эстетикомъ. Эпикуреецъ впечатлѣній, ничего не принимая близко къ сердцу, но все разрѣзая дамасской сталью своего ума-стилета, Анатоль Франсъ предлагаетъ намъ не столько подлинное искусство, сколько высокую имитацію искусства. У него такъ много собрано въ душѣ коллекцій ото всѣхъ культуръ, отъ драгоцѣннѣйшихъ библіотекъ, отъ чужой красоты и художества, что вотъ онъ почти поднялся до творчества и въ своемъ роскошномъ ателье создалъ нѣчто ювелирное. При этомъ замѣчательно, что несмотря на такой дилеттантизмъ автора и типичный характеръ его экзотическаго мастерства, прикосновеніе къ жгучимъ темамъ революціи все-таки навѣяло на него серьезность, пріобщило его къ возвышеннымъ и трогательнымъ элементамъ жизни, и съ волненіемъ читаешь у него хотя бы о томъ, какъ въ монсардѣ парижскаго дома чистой встрѣчей встрѣтились монахъ и проститутка и какъ вмѣстѣ взошли они на одинаково незаслуженный эшафотъ. У Франса не достаточно проникновенный психологическій анализъ, и лукавая змѣйка его скептицизма слишкомъ вьется по его страницамъ, да и самъ онъ по страшнымъ событіямъ какъ будто скользитъ, въ глубину не входитъ, иногда и вовсе проходитъ мимо важнаго,—на самое содержаніе его разсказа такъ значительно и такъ въ данную минуту ощущаешь пульсъ и трепетъ той самой исторіи, которая его заинтересовала и изъ нѣдръ которой прежде родилась французская, а теперь русская революція, что все это почти искупаетъ отсутствіе въ нашемъ писателѣ великой непосредственности и святой простоты. Своимъ романомъ, гдѣ иглами и искрами, какъ вино его родины, играетъ и сверкаетъ его большой отъ природы и филигранно отдѣланный культурою умъ, онъ напомнилъ эпоху высокихъ идеаловъ и низкой практики, безмѣрной жестокости и фанатизма,—страшную дорогу, которую уже однажды прошла Европа и на которую она въ лицѣ подражательной Россіи становится теперь еще разъ.

Едва ли за тысячелѣтнюю исторію свою Россія встрѣчала когда-нибудь Новый годъ такъ, какъ сегодня, 31 декабря 1917 года,—подавленная, съ поникшей и повинной головой, безъ праздничныхъ надеждъ въ душѣ, безъ внутренняго Новаго года, безъ вѣры не только въ новое, но хотя бы и въ старое счастье.

Жутко заглядывать въ будущее, мучительно оглядываться на прошлое. Если въ осажденной крѣпости мѣсяцъ для воина считается за годъ, то десять мѣсяцевъ, которые съ момента революціи мы провели подъ осадой въ огромной крѣпости, называемой Россія, будутъ въ календарѣ исторіи зачтены намъ больше, чѣмъ за десять лѣтъ. И въ 1918-ми годъ мы завтра вступаемъ, или въ 1928?

Да, мы очень состарѣлись съ тѣхъ поръ. Ибо насъ осаждали многіе враги,—новые «двунадесять языковъ», пришедшіе на Русь: насъ осаждали внѣшніе и внутренніе нѣмцы, война военная и война гражданская, насъ осаждали голодъ, лихіе люди, лютая смерть, потокъ и разграбленіе.

И всѣ эти казни египетскія, казни русскія, весь этотъ роскошный выборъ невзгодъ и несчастій сыпались на наши бѣдныя головы одна за другой, одна за другой, непрестанно и быстро, безъ отдыха и передышки, въ какой-то бѣшеной пляскѣ. Русская жизнь—точно сумасшедшій таперъ, который лихорадитъ и бредитъ, который безъ толку и смысла бьетъ по клавишамъ разбитаго и разстроеннаго рояля; но притомъ рояль этотъ — одушевленный, и клавиши эти—наши собственные жестоко наболѣвшіе нервы. Французская революція протекала въ гораздо болѣе медленномъ темпѣ, она какъ-будто считалась съ выносливостью людей. У насъ же—скачка событій, водоворотъ потрясеній; у насъ въ тарантеллѣ кружится исторія, не выдерживая никакого темпа; и отъ налетѣвшихъ бѣсовъ взбѣсилась знаменитая тройка, о которой писалъ Гоголь.

Изумительная техника нашихъ дней, всѣ эти «прямые провода», мгновенныя услуги телеграфа и телефона, да еще коварныя или медвѣжьи услуги «Викжеля», молніеносные автомобили, бронированные вагоны, экстренные поѣзда смерти, ядовитые газы, удобныя ручныя бомбы: какъ все это способствуетъ бѣгу исторіи, какъ все это ускоряетъ вращеніе трагическаго кинематографа, мельканіе живыхъ тѣней на экранѣ современности!..

Такъ злой рукой чародѣя передвинутъ нашъ возрастъ значительно впередъ. У теперешнихъ дѣтей отнято дѣтство, юные сразу созрѣли, зрѣлые сразу постарѣли, къ старымъ вплотную подошла смерть. А тѣ, кто выживетъ, кто нынѣшнюю кровавую полосу оставитъ, наконецъ, позади себя, тѣ не станутъ ли дивиться самимъ себѣ: какъ это могли они вынести такую эпоху? И она скоро одѣнется въ дымку легенды, покажется невѣроятной фантастикой, странной страницей изъ новѣйшей миѳологіи, и мы съ удивленіемъ бу-

демъ спрашивать другъ друга: взаправду ли, на яву ли были мы современниками такого времени, дѣйствующими и страдающими лицами такихъ трагедій?

Вѣдь надо отойти на извѣстное разстояніе, чтобы хорошо разглядѣть предметъ: когда онъ черезчуръ близокъ къ глазамъ, глаза отказываются видѣть. Мы—въ самой гущѣ дѣлъ, они обступаютъ насъ слишкомъ тѣсно, облипаютъ насъ множествомъ подробностей, и оттого главныя архитектурныя линіи момента для насъ еще не отчетливы. Есть слагаемыя, но нѣтъ еще суммы, и частности пока не уступили своего мѣста общему. Когда можно будетъ сказать себѣ: «дай, оглянусь», какъ сказалъ себѣ поэтъ на новомъ рубежѣ своей жизни, тогда наступитъ чередъ обобщеній. Теперь же оглядываться нельзя и опасно, теперь какая-то сила гонитъ насъ все дальше и дальше, впередъ и впередъ.

И вотъ, пройдя, истерзанные, сквозь строй событій, миновавъ на исторической дорогѣ роковую вѣху, страшный верстовой столбъ съ надписью 1917, отъ радостныхъ упованій февраля и марта перенесенные къ отчаянію октября, ноября и декабря, не продолжая войны, но и не начавъ мира, опозоривъ себя междоусобицей, въ какомъ-то безнадежномъ тупикѣ, на убійственномъ перепутьѣ, въ сумеречномъ промежуткѣ, точно задыхаясь въ безвоздушномъ пространствѣ, еще не осмысливъ происшедшаго и происходящаго, мы очутились на порогѣ 1918 года.

Пробьетъ двѣнадцать часовъ; мы будемъ вслушиваться въ этотъ «глаголъ временъ, металла звонъ», и будемъ шептать робкія пожеланія себѣ и Россіи, Россіи и себѣ. Чего пожелать?

Можетъ быть, вамъ это покажется страннымъ, но я лично хотѣлъ бы, чтобы въ слѣдующемъ году было... скучно.

Дѣло въ томъ, что недавняя Россія, страна, гдѣ ея великій писатель могъ на занавѣсѣ жизненнаго спектакля написать свое безнадежное изреченіе: «скучно на этомъ свѣтѣ, господа!»; гдѣ Чеховъ разсказывалъ свои научныя исторіи и, раздвинувъ другой занавѣсъ, сѣрый, съ изображеніемъ тоскующей чайки, вывелъ передъ нами цѣлую вереницу хмурыхъ, скучающихъ, лишнихъ людей; гдѣ сонная одурь тяжелой пеленою застилала грады и веси,—эта Россія, эта почти сплошная провинція, тысячеверстная Обломовка, пережитымъ годомъ, претерпѣннымъ годомъ была брошена въ противоположную крайность: у насъ стало слишкомъ не скучно, слишкомъ разнообразно, слишкомъ пряно и остро.

Такъ быстро пришелъ въ движеніе калейдоскопъ неслыханныхъ происшествій, такія затѣйливыя создавалъ онъ комбинаціи впечатлѣній, какъ если бы наша родина, когда-то медлительная и грузная, спѣшила наверстать потерянные годы, возмѣстить то длинное время, тѣ безконечные дни и вечера, тусклые провинціальные вечера, какіе она непроизводительно и зря потратила на пустоту и бездѣлье, на пошлость и лѣнь, на карты и вино.

Что жъ? Съ лихвой выплатила Россія свой долгъ передъ самой собою, искупила нецѣлесообразность своего прежняго времяпрепровожденія, отрѣшилась отъ былой безцвѣтности. Чеховская атмосфера разсѣялась, и на что угодно можно жаловаться теперь у насъ,— только не на скуку. Не скучно во время пожара, среди ужасовъ и крови; гдѣ много смерти, тамъ мало скуки.

О нѣтъ! Я не жалѣю о прежнемъ времени. Я понимаю, что если бы мы иначе проводили его, то намъ не пришлось бы теперь жить такъ усиленно, горячечно, съ такой высокой температурой, въ такомъ вопіющемъ противорѣчіи съ самыми элементарными требованіями исторической гигіены. Я понимаю, что въ этотъ черный часъ, въ эти судные дни, мы терпимъ лишь заслуженную кару за грѣхъ своего недавняго бездѣйствія, и сегодняшнее безпокойство, это—только оборотная сторона вчерашняго покоя. Илья Муромецъ проснувшійся чувствуетъ, какъ сила у него живчикомъ по жиламъ переливается; и онъ долженъ до конца исчерпать ту свою энергію, какая накопилась въ немъ за тридцать лѣтъ, когда онъ сиднемъ сидѣль или когда его гончаровскій тезка, Илья Обломовъ, лежнемъ лежалъ.

Я не жалѣю о прежнемъ времени, и я не предаюсь безсмысленнымъ мечтаніямъ о томъ, чтобы опять повернулось колесо исторіи (хотя именно у насъ была доказана осуществимость какъ разъ «безсмысленныхъ мечтаній»). Но я хочу воспользоваться своимъ правомъ обывателя и сознаюсь, что какъ обыватель, а не какъ гражданинъ, я усталъ. Да и я ли одинъ? Не много ли желающихъ отдыха, желающихъ скуки? Если въ 1918 году будетъ скучно въ Россіи, т.-е. перестанетъ развлекать ее танецъ смерти и разрушенія, если, напримѣръ, наши газеты опять станутъ скучными, а не интересными такъ, какъ интересенъ ядъ, какъ занимательна бѣлена, если съ утра до вечера и съ вечера до утра не будутъ приходить къ намъ животрепещущія новости, то не явится ли это признакомъ того, что гроза кончилась, что Россія оправилась, что вѣтеръ событій затихъ?

Пусть проглянетъ солнце и поголубѣетъ небо, пусть заскучаютъ пребывающіе въ безопасности любители урагановъ, зрители чужихъ драмъ, пусть вернется въ Россію немного «мѣщанскаго счастья»,—да, мѣщанскаго, а не соціалистическаго!.. «Я—мѣщанинъ, я—мѣщанинъ : говорилъ о себѣ Пушкинъ. Такъ обидимся ли мы, если къ Новому году намъ пожелаютъ пушкинскаго мѣщанства и такого буржуазнаго блага, какъ то, чтобы мы отдохнули въ отдохнувшей Россіи?..

Запоминаются, въ сердце врѣзываются предсмертныя слова Шингарева: «мнѣ холодно... мнѣ страшно». Онъ произнесъ ихъ въ лютой физической мукѣ, въ когтяхъ у смерти,—но эти же слова, внятно или тихо, звучатъ теперь и—на устахъ почти каждаго изъ насъ. Холодно и страшно въ Россіи.

Ледянящій ужасъ проникаетъ въ душу, когда думаешь о томъ, что на койкахъ больницы, измученные болѣзнью, тюрьмою, непосильной работой, беззащитные и безпомощные, свирѣпо убиты ни въ чемъ неповинные, чистые и самоотверженные люди, украшеніе своей страны. И спрашиваешь себя: куда же дѣвалась жалость, простая человѣческая жалость, эта, казалось бы, такая обыкновенная, не первостепенная цѣнность, отсутствіе которой, однако, больше всего губитъ нашу жизнь?

Можно быть какихъ угодно политическихъ убѣжденій, такъ или иначе рѣшать соціальный вопросъ, придерживаться максимальной или минимальной программы, исповѣдовать меньшевизмъ или большевизмъ, примыкать къ монархизму или республиканизму—все равно: такъ или этакъ, при любыхъ условіяхъ, должно бы во всякой груди биться теплое сердце, мерцать хотя бы слабый огонекъ добраго чувства человѣка къ человѣку. И этого нѣтъ! Люди взбѣсились не только умомъ, но и душою; политическія страсти превратили насъ въ бѣшеныхъ собакъ; и при всеобщей дороговизнѣ единственное, что дешево, это—чужая кровь, и мы льемъ ее зря, походя, безъ зазрѣнія совѣсти, которая заснула въ насъ какимъ-то летаргическимъ сномъ. На грудь Россіи тяжелымъ сапогомъ своимъ ступила жестокость и давитъ ее, и душитъ, какъ тотъ убійца, который душилъ Шингарева.

Вся Россія знала чистыхъ сердцемъ, безкорыстныхъ и благородныхъ Шингарева и Кокошкина, слышала ихъ голосъ съ народной трибуны, была свидѣтельницей ихъ гражданскаго подвига. Многіе видѣли замученное лицо Шингарева, когда февральская революція обрушила на его плечи безмѣрное бремя, гнетущую заботу—какъ

накормить голодную страну; и недаромъ онъ разсказывалъ, что въ недолгіе часы сна, которые онъ отрывалъ отъ своей работы и отъ своей безсонницы, ему снились зерна, мука, трагическій кусокъ хлѣба, къ которому тянутся русскія руки. Многіе видѣли и Кокошкина, обреченнаго чахоткѣ, деликатнаго, незлобиваго, хрупкаго, кроткаго, располагавшаго къ себѣ людей. Оба они были и мозгъ и сердце родины; обоихъ отличалъ и умственный и, по слову Чехова, «человѣческій» талантъ.

И вотъ, эти рыцари безъ страха и упрека, лучшія драгоцѣнности Россіи, обаятельныя личности приняли мученическую смерть. Въ лѣтописяхъ людской низости и жестокости трудно найти страницу, болѣе потрясающую, чѣмъ та, которая повѣствуетъ о злой ночи съ 6 на 7 января. И вамъ стыдно за людей, вы краснѣете за русскихъ, вы опускаете голову, и хочется скрыть тѣ слезы, которыми увлажняются ваши скупые на слезы мужскіе глаза. «Мнѣ холодно... мнѣ страшно».

Но, кромѣ жалости великой, и гнѣвъ великій охватываетъ душу. Вѣдь Кокошкинъ и Шингаревъ были убиты не одинъ разъ, а два раза. Послѣ физическихъ убійцъ выступили нравственные (впрочемъ, послѣдніе и предшествовали первымъ...): въ петроградскомъ Совѣтѣ р. и с. д. большевикъ Зиновьевъ, когда подъ общей простыней лежали обезображенные трупы народныхъ избранниковъ, выражалъ негодованіе по поводу убійства, но все-таки продолжалъ называть обоихъ мучениковъ «врагами народа» и не одобрялъ «самосуда надъ нашими плѣнниками, сколь велико ни было бы преступленіе этихъ лицъ передъ народомъ и революціей и сколь ни законно было бы возмущеніе народа противъ контръ-революціонеровъ»... Развѣ это не второе и нравственно-горшее убійство? И противъ этихъ моральныхъ убійствъ развѣ не подымается большій гнѣвъ, чѣмъ противъ тѣхъ дикихъ и хмурыхъ людей, «морскихъ волковъ», волковъ во всякомъ случаѣ, которые не вѣдали, что говорили и на кого подымали убійственную руку?

Убили Кокошкина и Шингарева тѣ, кто натравливалъ на нихъ темную чернь, кто, издѣваясь надъ Россіей, поправъ божескіе и человѣческіе законы, безъ всякой тѣни права и справедливости заточилъ въ сырые тюремные казематы больныхъ и слабыхъ, но крѣпкихъ духомъ борцовъ за благо русскаго народа, сдѣлалъ ихъ «плѣнниками»,—убили ихъ тѣ презрѣнные потакатели презрѣнныхъ вождельній, лакеи толпы, которые бросили ей на растерзаніе великодушныя существа нашихъ представителей. Внѣ закона на всѣхъ

уличныхъ заборахъ объявлены были самоотверженные радѣтели закона,—что же удивительнаго, если улица прониклась этой литературой и сдѣлала изъ нея надлежащій выводъ?

Вся честная Россія, физически или морально, пришла на погребеніе Кокошкина и Шингарева и дала имъ свое послѣднее цѣлованіе. Она стала вокругъ этихъ мученическихъ могилъ, въ знакъ траура и благоговѣнія склонила надъ ними знамена своей свободы, опустилась на колѣни.

Но затѣмъ Россія должна встать съ колѣнъ, тряхнуть своей стариной, подняться во весь свой прежній ростъ и стряхнуть съ себя, наконецъ, тотъ кошмаръ, тотъ черный и кровавый туманъ, который напустили на нее залетѣвшіе къ намъ черные вороны.

Вѣчной памятью воздастъ исторія безсмертнымъ отнынѣ именамъ Шингарева и Кокошкина. Мы же какъ духовное завѣщаніе должны принять слова умирающаго идеалиста: «мнѣ холодно... мнѣ страшно». Мы должны услышать въ нихъ не только трагическій стонъ предсмертнаго ужаса и тоски, но и послѣднюю волю страстотерпцевъ, невинною жертвой, искупительной жертвой павшихъ ради того, чтобы перестало въ Россіи быть холодно, чтобы перестало въ Россіи быть страшно.

Россія возвращена къ первобытному хаосу. Она лежитъ въ обломкахъ,—точно раздавила ее историческая лавина. Россію разрушили.

Но на развалинахъ Россіи мы еще поддерживали себя надеждой, что обновитъ лицо свое наша измученная страна. И мы думали, что противъ разрушителей Россіи пойдутъ ея учредители.

Дорога къ этому возрожденію государственности, къ этому новому собиранію Руси, лежала черезъ Учредительное Собраніе. Съ тѣхъ поръ какъ русскіе люди стали мечтать о немъ, они обнаружили этимъ, что физическія и нравственныя скрѣпы государства ослабѣли, что оно нуждается въ обновленіи, что граждане переросли государство.

Какъ авторъ, переиздавая свою книгу, часто подвергаетъ ее коренной переработкѣ, исправляетъ и дополняетъ ее, отметаетъ всѣ ея недостатки, которыхъ онъ прежде самъ не замѣчалъ, такъ и Учредительное Собраніе осуществляетъ новое и лучшее изданіе государства.

Истинная книга не мертва и не неподвижна. Она растетъ и живетъ. Та душа писателя, которая въ ней дышитъ, тотъ фосфоръ мозга, который составляетъ ея умъ, тѣ нервы сердца, которые

образуютъ и ея нервную систему,—вѣдь все это продолжаетъ существовать, горѣть и развиваться за предѣлами книги, въ личности автора, и потому онъ не можетъ допустить, чтобы его произведеніе, плоть отъ плоти его и кровь отъ крови, искра огня его — чтобы оно внутренне остановилось. И онъ передѣлываетъ свою книгу, революціонируетъ ее; она, живая, его, живого, сама къ этому нудитъ и неодолимо рвется прочь изъ-подъ крышекъ устарѣлаго переплета.

Мы всѣ пишемъ книгу своего государства. Коллективные авторы, мы вносимъ туда свои страницы—каждый по силѣ своего разумѣнія и таланта. И мы не хотимъ, чтобы книга эта отстала отъ насъ самихъ, чтобы мы опередили ее, чтобы нравственно омертвѣли ея листы, какъ мертвѣютъ и желтѣютъ осенніе листья. Авторское и гражданское самолюбіе требуетъ отъ насъ держать свое твореніе — государство въ уровень съ нами. И велико наше горе, когда мы не имѣемъ возможности переиздать въ усовершенствованномъ и углубленномъ видѣ свою отжившую, свою старомодную книгу, когда отъ многаго въ ней мы, выросшіе, уже отказались, а она между тѣмъ, въ старомъ изданіи, или въ стереотипахъ, все-таки, продолжаетъ, уже незаконно, уже самозванно, говорить отъ нашего имени.

Наши предки написали Россію. Много было въ ней великаго и прекраснаго, но подписаться подъ нею всецѣло развившіеся потомки уже не могли. И Россія отстала отъ русскихъ. И одинъ изъ лучшихъ русскихъ, Радищевъ, «рабства врагъ», уже называлъ ее «чудище обло, огромно, стозѣвно и лаяй». Авторы недовольные, «взыскательные художники», мы долго, но тщетно стремились улучшить свою родную книгу, перемѣнить ея обветшавшія страницы, вдохнуть въ нее новую и свѣтлую жизнь.

И вотъ, въ ту минуту, когда передъ нами открылась возможность наконецъ воплотить свою мечту, сонъ отошедшихъ поколѣній, оплаченный ихъ жертвами и кровью,—все разбилось вдребезги,—нарочно произвели крушеніе нашего корабля, и учредители одолѣны разрушителями!

Это несущественно, что фактическій составъ учредителей пока не обѣщалъ хорошихъ результатовъ, а существенно то, что разбитъ самый принципъ долго жданнаго Собранія.

И по-прежнему распыленная, изъ политическаго монолита въ человѣческую пыль обращенная, лежитъ Россія; не цѣлое, а дроби, части и частицы представляетъ она собою,—неужели въ конецъ хочетъ размолоть и размельчить насъ жестокая мельница исторіи?..

Учредительное Собраніе, гдѣ сосредоточилась мысль и воля страны, откуда должно было пойти великое строительство, куда изнемогающая страна искони обращала всѣ свои упованія и любовь,— это Собраніе разогнано штыками. Рухнулъ волшебный замокъ, когда онъ превратился было въ замокъ реальный.

Что же дальше? Если это Собраніе не собрало Россіи, если оно не спасло ея, то кто же? Если не теперь, то когда же?

Отъ народа не къ кому больше апеллировать. Болѣе высокой инстанціи исторія не знаетъ. Мы предоставлены были самимъ себѣ. И верхъ среди насъ взяли не учредители, а разрушители. И мы оказались авторами бездарными, недобросовѣстными, безсильными, и новой Россіи намъ не написать. А старой Россіи уже нѣтъ. Гдѣ же мы будемъ жить, бездомные?..

Одно изъ требованій революціонной программы—8-ми часовой рабочій день. Общественно-жгучая тема этихъ восьми часовъ имѣетъ не только спеціальный и не только соціальный интересъ: она своими корнями уходитъ въ самую глубину человѣческой природы и вновь побуждаетъ задуматься о значеніи труда въ нашей трудной жизни. И какъ бы ни расцѣнивать практически это домогательство рабочихъ, оно во всякомъ случаѣ идетъ на встрѣчу чаяніямъ нашей исконной психологіи.

Глубокомысленная библейская легенда учитъ насъ, что первый человѣкъ не работалъ, не напрягался, а безпечно жилъ въ привѣтливыхъ садахъ Эдема, пользуясь гостепріимствомъ вселенной; и лишь потомъ, въ наказаніе за первородный грѣхъ, отняли у него счастье праздности и обрекли на работу,—и въ потѣ лица своего сталъ онъ съ тѣхъ поръ зарабатывать себѣ хлѣбъ насущный.

Не знаменательно ли, такимъ образомъ, что въ сознаніи человѣчества трудъ, это—кара, а не первоначальное и естественное состояніе разумнаго существа? Человѣкъ—гость Бога. Трудится же хозяинъ, а не гость. Высокому достоинству нашему, знатности нашего происхожденія, соотвѣтствуетъ «праздность вольная, подруга размышленья», а вовсе не угрюмое труженичество. И то, что мы объ этомъ, о прирожденной безпечности своей, не помнимъ;то, что,наоборотъ, мы привыкли къ своему положенію рабочихъ воловъ и послушно впряглись въ ярмо, и даже прославляемъ красоту и величіе труда, цѣлуемъ карающій насъ бичъ,—это и есть результатъ понесеннаго нами отъ Божьей руки наказанія: трудолюбіе вовсе не безусловное достоинство, а черта рабства, глубоко въѣвшаяся въ искаженное сердце человѣка за долгіе вѣка его подневольной работы.

Толстой больше, чѣмъ кто-либо, цѣнилъ трудъ, и многія страницы его произведеній какъ бы освящены дыханіемъ крестьянской страды; но и онъ высказалъ однажды проникновенную мысль, что если мы «по нравственнымъ свойствамъ своимъ не можемъ быть праздны и спокойны» и тайный голосъ упрекаетъ насъ за лѣность, то именно въ этомъ, въ томъ, что намъ совѣстно лѣниться, а не въ самой необходимости работы, и заключается наше проклятіе, наша расплата за грѣхопаденіе мірового первопоселенца. Какая-то аномалія, а вовсе не заслуга, таится въ подобной настроенности людей.

Душа когда-то дышала легко, и все на свѣтѣ было безплатно и, въ первичномъ обликѣ своемъ человѣкъ, по ученію Библіи, древній Адамъ, былъ существо безработное и беззаботное. И наша потребность въ отдыхѣ, наше страстное тяготѣніе къ нему объясняется въ конечномъ счетѣ какъ разъ тѣмъ, что духовной личности человѣка подобаетъ больше покой, чѣмъ трудъ, больше игра, чѣмъ усиліе. И, чтобы не выходить за предѣлы религіознаго творчества, вспомнимъ, что и самъ Богъ отдохнулъ, опочилъ отъ трудовъ своихъ, и мы что-то не замѣчаемъ, чтобы онъ съ тѣхъ поръ свой великолѣпный покой когда-нибудь прерывалъ—«сномъ силы и покоя спятъ боги въ глубокихъ небесахъ»... Удивительно ли послѣ этого, если мы, созданные по высокому образу и подобію, но неизмѣримо слабѣйшіе, еще болѣе нуждаемся въ отдыхѣ и стремится по возможности сократить свой рабочій, свой трудовой день, томительные часы своихъ напряженій? «Мы отдохнемъ, мы отдохнемъ»—мечтаютъ усталые путники жизненныхъ дорогъ и все утомленное человѣчество, Агасферъ труда.

Но природа, въ которой мы осуждены жить, требуетъ отъ насъ именно великой работы. Даромъ не дается ничто. Къ нашимъ услугамъ готовая земля, Божья земля, но воздѣлывать ее должны мы сами. Природа инертна, покуда за нее не берется культура. Матерію, матеріялы естества надо претворить въ организованныя формы, а для этого необходимъ сосредоточенный трудъ. Культура, это—работа. Значитъ, самый процессъ исторіи и культурнаго развитія какъ бы идетъ на перерѣзъ той органической нерасположенности къ работѣ, тому естественному нетрудолюбію первозданнаго человѣка, о которомъ я только что говорилъ. Въ раю не работаютъ, и душа работать не хочетъ; между тѣмъ исторія—барщина, тяжелый оброкъ, и на ея длинномъ протяженіи человѣчество только и дѣлало, что въ потѣ лица своихъ безчисленныхъ поколѣній зарабатывало себѣ и хлѣбъ свой, и все свое достояніе вообще, свою біографію и духовную физіономію.

Изъ этого противорѣчія, изъ этого заколдованнаго круга европейская мысль искала разныхъ выходовъ. Для Руссо и его сторонниковъ такой выходъ состоялъ въ разлукѣ съ культурой и возвращеніи на лоно природы, въ первобытное состояніе, туда, гдѣ, конечно, работаютъ, но работаютъ несложно, примитивно, стихійно и откуда уже недалеко расположенъ тотъ ранній рай, въ которомъ обезпечены человѣку желанная праздность и царство легкой игры. А большинство мыслителей, трезво отворачиваясь отъ этой сказки и, покинувъ грезы о потерянномъ и невозвращенномъ, и невозвратимомъ раѣ, указывали, что золотой вѣкъ все-таки не позади, а впереди насъ, и что къ вожделѣнному отдыху, къ освобожденію отъ трудовой повинности, возложенной на усталыя плечи человѣчества, путь идетъ именно черезъ ту усиленную и повышенную работу, какой—я уже сказалъ—является культура. Трудъ преодолѣвается трудомъ, какъ смерть попирается смертью. Къ обѣтованной землѣ, въ блаженныя обители отдыха, можно прійти только дорогой безмѣрныхъ напряженій. Чтобы избавиться отъ кабалы и разбить цѣпи, прикрѣпляющія насъ къ труду, бряцающія въ трагическій ладъ нашей рабской работѣ, необходимо послѣднее огромное усиліе, могучая вспышка все того же труда,—и это усиліе будетъ освобождающимъ, и эта вспышка освѣтитъ для насъ горизонты новаго, уже неозабоченнаго существованія.

Такой трудъ, достигающій своего предѣла и затѣмъ упраздняющій себя, одновременно апоѳеозъ работы и ея конецъ,—онъ создаетъ машины. Вотъ кому приличествуетъ работать,—имъ, стальной семьѣ бездушныхъ механизмовъ, а не одушевленному человѣку. Вотъ кого безъ зазрѣнія совѣсти можно отдавать въ рабство,—ихъ, матерьяльныя громады безчувственныхъ массъ, а не чувствующихъ и живыхъ людей. У машины—одно лишь тѣло, у человѣка—душа. Тѣлу не грѣхъ поработать, душѣ же надлежитъ «легкое дыханіе»! Прогрессъ къ тому и ведетъ, чтобы переложить работу съ человѣка на машину. Однажды созданная, она уже будетъ покорно дѣлать свое заказанное дѣло, творить волю своего господина. Развитіе техники должно поставить всѣхъ на свое мѣсто и машинѣ указать черную работу, а человѣку—свѣтлое строительство духа. Ибо человѣкъ—творецъ, а не труженикъ. Трудъ мѣшаетъ творчеству. Техника возстановитъ нарушенныя возможности и справедливость; она для творчества, парализованнаго работой, откроетъ новыя перспективы и придвинетъ къ намъ безмятежные просторы отдыха. Не то, конечно, чтобы этотъ трудъ самъ по себѣ былъ предосудителенъ и недостоинъ человѣческихъ рукъ; но горе въ томъ, что когда онъ беретъ человѣка всецѣло,

то въ человѣкѣ умираетъ духовное существо. Физическій же трудъ, какъ добровольный спутникъ духовности, ей не вредитъ, ее только оттѣняетъ. Какъ говоритъ Ренанъ, «слова сапожникъ, столяръ исчерпываютъ всю сущность лица, указываютъ только на человѣческую машину, изготовляющую обувь или мебель. Но попробуйте опредѣлить подобнымъ образомъ Спинозу, гранившаго оптическія стекла, или Моисея Мендельсона, служившаго приказчикомъ въ лавкѣ».

Извѣстный французскій соціалистъ Лафаргъ недаромъ замѣчаетъ: «хлѣбопашество, столь многотрудное въ нашей доблестной Франціи, является въ западной Америкѣ пріятнымъ времяпрепровожденіемъ на открытомъ воздухѣ: американецъ работаетъ сидя и лѣниво покуриваетъ при этомъ свою трубку». Да, къ мечтательному покуриванію трубки на свѣжемъ воздухѣ, къ возможности лѣниваго времяпрепровожденія, и должна привести насъ развивающаяся культура. Это предразсудокъ, будто одни лишь трудъ и прилежаніе воспитываютъ нашъ нравственный міръ. Всѣ дурныя черты, обыкновенно характеризующія празднаго человѣка, вовсе не обязательны для него, не являются безусловной необходимостью. Можно, и не работая, представлять собою высоко-моральную личность. Бѣлоручка не долженъ непремѣнно обладать темной душою. Еще разъ скажу: человѣку не трудъ къ лицу, а творчество. Надо не оставлять въ бездѣйствіи своего тѣла и своей души, надо развивать свой тѣлесно-духовный организмъ; осуществляется же такое развитіе не работой, а творческой *игрой*, въ самомъ широкомъ и философскомъ, въ шиллеровскомъ значеніи этого слова. Подъ игрою будемъ понимать трудъ въ удовольствіе, трудъ безъ труженичества и напряженія, способный настолько взволновать и заинтересовать, что въ этомъ качествѣ своемъ, т.-е. какъ трудъ именно, онъ уже больше и не ощущается. Подъ игрою будемъ понимать свободное и граціозное движеніе силъ, несвязанность и непринужденность, художественное творчество. Вѣдь человѣкъ—именно художникъ, свободный художникъ, и чѣмъ больше у него досуга, тѣмъ беззавѣтнѣе можетъ онъ отдавать себя искусству, какъ въ эстетическомъ смыслѣ, такъ и въ смыслѣ того болѣе общаго и обширнаго искусства, какое заключается въ архитектоническомъ строительствѣ міра, въ духовномъ сотрудничествѣ Творцу. «Вольный сынъ эфира», человѣкъ хочетъ именно вольности и покоя.

Когда-то Георгъ Зиммель въ видѣ шутки построилъ такую схему исторіи, согласно которой вся культура движется порывомъ къ лѣни и весь прогрессъ заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ неуклонномъ

возрастаніи промежутковъ отдыха между концомъ одной работы и началомъ другой; чѣмъ рѣже цѣпь трудовыхъ звеньевъ, тѣмъ это естественнѣе и угоднѣе для насъ. Эта философская шутка, остроумно развиваемая Зиммелемъ, на самомъ дѣлѣ содержитъ въ своей парадоксальной оболочкѣ серьезную истину. Развѣ поступательный ходъ исторіи не сводится и вправду къ раскрѣпощенію человѣка,—между прочимъ, къ раскрѣпощенію и отъ цѣпкихъ лапъ труда? Развѣ не замѣчается, дѣйствительно, усиливающееся накопленіе досуга? Развѣ борьба за достойное существованіе не является протестомъ противъ рабства? И не слѣдуетъ огульно и безповоротно осуждать лѣнь. Во-первыхъ, она естественна; именно, *она* естественна, а не ея антиподъ—прилежаніе; сосредоточиться трудно, разсѣяться легко; всяческая педагогика, не только въ школьныхъ стѣнахъ, но и на разныхъ поприщахъ жизни вообще, потому и воюетъ съ невнимательностью и разсѣянностью малыхъ и большихъ питомцевъ, что наше природное свойство, наше обычное состояніе—лѣнь; и не то ли въ природѣ—сила инерціи, что въ душѣ—сила лѣни? Во-вторыхъ, лѣнь можетъ быть, правда, тяжелой, безрадостной, опустошающей умъ и сердце, но она можетъ быть и легкой, изящной и тонкой, «лѣнью вдохновенной», dolce far niente.

А самое главное—то, что человѣкъ долженъ не только дѣлать. Особая обида нашей жизни состоитъ въ томъ, что мы этой жизни вовсе не замѣчаемъ. Всегда торопливые и торопящіе, мы точно бѣжимъ черезъ нее, впопыхахъ, безъ оглядки, суетимся, работаемъ, возводимъ свои муравьиныя постройки, отдаемся неугомонной практикѣ своей, спѣшимъ, и у насъ уже не остается времени, для того чтобы разобраться, оглядѣться, о своемъ существованіи поразмыслить. Намъ некогда. Сутолока нашей профессіи, злоба дня и его ненасытныя потребности гонятъ насъ все впередъ и впередъ и отвлекаютъ отъ мысли о важныхъ и вѣчныхъ вопросахъ бытія. Живя въ мірѣ, мы зачастую лишены міросозерцанія. Только къ землѣ обращены глаза наши, а не къ звѣздамъ. И мы не культивируемъ въ себѣ того, что составляетъ нашу специфичность,—мы оставляемъ въ небреженіи свой духовный міръ. Питать долгія думы, уходить въ глубину своихъ чувствъ, молиться во внутренней храминѣ своей души, мечтать и творить—на все это мы неспособны, оглушенные, затормашенные, съ толку сбитые навязчивой работой и заботой повседневности. Между тѣмъ, такое сплошное пребываніе въ одномъ только внѣшнемъ является оскорбленіемъ человѣческаго величества, приниженіемъ духовной личности, ограбленіемъ ея лучшихъ сокровищъ. Вѣдь надо же себя и міръ понять, надо же сознательно отнестись къ дѣйствительности, вѣдь надо вѣкъ учиться, если вѣкъ живешь,—а для

К. Ф. РЫЛѢЕВЪ.

этого нужны значительные перерывы въ работѣ, частые привалы на трудовомъ пути, праздники среди будней. Не напрасно взывалъ когда-то нашъ великій Толстой къ «недѣланію». Онъ этимъ не проповѣдовалъ лѣни и праздности, не ослаблялъ нашей энергіи: онъ требовалъ только, чтобы мы наконецъ оглянулись на себя и о себѣ подумали, а не уходили съ головою въ дурманъ дѣла, не механизировали своего идеальнаго существа, не измѣняли своему высокому назначенію. Душа безъ досуга, душа въ плѣну у дѣла, душа-рабочая, или рабыня: такое зрѣлище безотрадно и оскорбительно. Ибо, въ сущности, человѣкъ начинается только тогда, когда онъ кончаетъ работать. Покуда человѣкъ работаетъ, онъ меньше самого себя, онъ равенъ машинѣ. Какъ работникъ, онъ замѣнимъ,— именно ею, машиной; какъ праздный, онъ ничѣмъ не замѣнимъ. Работа—средство; цѣль—досугъ. Дѣлу—часъ; потѣхѣ—время. Ради потѣхи и утѣхи только и работаютъ. Есть книги, которыя ждутъ, чтобы мы ихъ прочли; есть мысли, которыя настаиваютъ, чтобы мы ихъ продумали; есть духовныя занятія, которыя ждутъ, чтобы мы къ нимъ пріобщились. И на всякія радости и развлеченія тоже имѣетъ всякій свое законное право. Если не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ, то еще менѣе живъ онъ о той работѣ единой, которая ему этотъ хлѣбъ даетъ. И голову, склоненную надъ работой, необходимо поднять, чтобы увидѣть наконецъ солнце и вдохнуть въ себя вольный воздухъ Божьяго міра.

Вотъ почему соціалистическое требованіе восьмичасового рабочаго дня—требованіе скромное. Придетъ время, когда восемь часовъ подневольныхъ усилій покажутся чрезмѣрно большою долей труда. Восемь часовъ, это—много. Нужно столько труда, сколько мы хотимъ. При этомъ условіи можно работать и гораздо больше восьми часовъ, но тогда это будетъ уже не трудъ, а творчество, не напряженіе, а игра, не рабство, а свобода. Какъ путь къ освобожденію, какъ ступень на той лѣстницѣ, которая своей вершиной имѣетъ человѣка не трудящагося, а царственно спокойнаго и мыслящаго, какъ предвареніе отдыха человѣческаго, столь же законнаго, какъ и совершившійся уже отдыхъ Божій, надо привѣтствовать лозунгъ восьми часовъ, и всякій изъ насъ долженъ способствовать его осуществленію, какъ и дальнѣйшему уменьшенію обязательныхъ рабочихъ часовъ. Жизнь коротка, времени у насъ мало,—не будемъ же непроизводительно тратить его на работу. Производительнѣе трата на свободу. И нужно, чтобы на свѣтѣ было не только справедливое распредѣленіе труда, но и справедливое распредѣленіе праздности. Впрочемъ, одно связано съ другимъ.

Нашъ міръ, какъ общественное цѣлое, представляетъ собою очень странное зрѣщище, и если бы его наблюдалъ какой-нибудь житель Марса или Венеры, то, по слову Метерлинка изъ его «Жизни пчелъ», онъ ничего бы не понялъ. Онъ увидѣлъ бы маленькія, одушевленныя точки (мы называемъ ихъ людьми). Среди этихъ существъ есть такія, которыя не «обнаруживаютъ, такъ сказать, никакихъ движеній. Они отличаются отъ другихъ болѣе блестящей мастью и, часто, большей дородностью. Они занимаютъ жилища, въ десять, двадцать разъ болѣе обширныя, затѣйливыя и богатыя, чѣмъ обыкновенныя помѣщенія. Они каждый день справляютъ тамъ пиры, которые длятся цѣлыми часами и затягиваются иногда далеко за полночь. Всѣ, приближающіеся къ нимъ, повидимому, ихъ весьма почитаютъ; такъ, разносчики съѣстныхъ припасовъ приходятъ изъ сосѣднихъ домовъ и даже изъ далекихъ деревень, чтобы дѣлать имъ подарки. Вѣроятно, они необходимы и оказываютъ своей общинѣ крайне важныя услуги, хотя наши способы изслѣдованія еще не позволили намъ съ точностью опредѣлить, въ чемъ, собственно, заключается сущность этихъ услугъ. Есть и другія существа; они, наоборотъ, не перестаютъ мучительно метаться въ большихъ клѣткахъ, загроможденныхъ колесами, въ темныхъ убѣжищахъ, около грузовъ или на маленькихъ квадратахъ земли, которую они роютъ съ утренней зари и до заката солнца. Все заставляетъ предполагать, что этой лихорадочной дѣятельностью они отбываютъ за что-то наложенное на нихъ наказаніе. Дѣйствительно, ихъ помѣщаютъ въ тѣсныхъ лачугахъ, убогихъ и грязныхъ. Тѣла ихъ покрыты какою-то безцвѣтной ветошью. А рвеніе, съ которымъ они отдаются своей вредоносной или, по крайней мѣрѣ, безполезной дѣятельности, такъ велико, что они едва даютъ себѣ время поспать или поѣсть. Отношеніе ихъ числа къ количеству первыхъ равно тысячѣ—къ одному. Удивительно, какимъ образомъ такая порода могла продержаться до нашихъ дней—въ условіяхъ, столь не благопріятныхъ ея развитію. Мало того: несмотря на характерное упорство, съ какимъ они продѣлываютъ свою мучительную работу, видъ у нихъ—кроткій и безобидный, и для своего питанія они довольствуются объѣдками, которые остаются отъ трапезы тѣхъ первыхъ, избранныхъ существъ, должно быть являющихся хранителями и даже спасителями расы»...

Такъ восприняли бы картину человѣческаго общежитія невѣдомые поселенцы Марса; но мы, здѣшніе, гораздо лучше разбираемся въ ней и почти къ ней привыкли. Я говорю «почти»—оттого, что

не прекращающіяся попытки измѣнить соціальный строй все-таки сопровождаютъ исторію человѣчества, и совѣсти человѣчества общественная неправда покоя не даетъ. По крайней мѣрѣ, лучшіе изъ насъ противопоставляютъ печальной дѣйствительности такой порядокъ, при осуществленіи котораго справедливѣе распредѣлились-бы земныя блага и ровнѣе были бы доли труда и досуга. Въ знаменитомъ стихотвореніи Генриха Гейне говорится о томъ, что старая пѣснь отреченія и самопожертвованія уже не удовлетворяетъ обездоленныхъ людей, и не утѣшаетъ ихъ больше обѣщаніе небесной награды, небеснаго царства, это старинное баюшки-баю, которымъ убаюкиваютъ большого простака — народъ, когда онъ хнычетъ. «Я знаю эту пѣсенку, я знаю ея текстъ, я знаю также ея авторовъ; и то мнѣ извѣстно, что тайкомъ они пили вино, а публично проповѣдовали воду. Нѣтъ, друзья,—я спою вамъ новую пѣсню, я спою вамъ о томъ, какъ уже здѣсь, на землѣ, учредимъ мы царство небесное. Счастье будетъ у насъ здѣсь, на землѣ; довольно намъ терпѣть нужду, довольно лѣнивому брюху пожирать плоды работающихъ рукъ. На свѣтѣ растетъ достаточно хлѣба для всѣхъ сыновъ человѣческихъ, и не только хлѣба, но и миртовъ и розъ, красоты и веселья, а также и сладкаго горошка. Да, да, и сладкаго горошка для всѣхъ, какъ только лопнетъ зрѣлый стручекъ. Небо предоставимъ ангеламъ и воробьямъ, цвѣтущую землю—себѣ».

Въ сущности, эти слова уже заключаютъ въ себѣ всю программу соціализма, символъ его вѣры. И поскольку соціализмъ протестуетъ противъ существующаго строя, постольку онъ неоспоримъ. Правъ соціализмъ или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ, неправа современная жизнь. Это-то ужъ навѣрное. Онъ привлекательнѣе, чѣмъ она. Быть можетъ, своихъ цѣлей онъ не достигнетъ, или есть къ нимъ и другія дороги, но самыя цѣли не возбуждаютъ сомнѣнія.

Устами короля Лира сказалъ Шекспиръ, что человѣку необходимо больше, чѣмъ необходимое. Если дать ему только то, безъ чего нельзя обойтись, то онъ упадетъ на степень животнаго. Человѣкъ, значитъ, начинается лишь тогда, когда утолены его основныя потребности. Мы нуждаемся въ ненужномъ. Всякому извѣстно, что, если приходится выбирать, то иной разъ предпочтешь скорѣе потратиться на излишество, чѣмъ на предметъ первой необходимости. «И у нищаго есть свой избытокъ», говоритъ шекспировскій старецъ. Но если такъ, то можно ли представить себѣ большее униженіе человѣческаго достоинства, человѣческаго величества, чѣмъ такое построеніе общества, при которомъ очень многіе не имѣютъ даже

необходимаго? Нужда—обычное явленіе, и мы приглядѣлись къ нему; но было бы позоромъ для людей, если бы они разъ навсегда приняли и внутренне одобрили тѣ основы жизни, на которыхъ зиждется обездоленность массъ и обреченность неимущихъ. Соціализмъ, который эти основы хочетъ разрушить и стремится ввести новые принципы и порядки, имѣетъ за себя большую нравственную силу. Если бы человѣкъ представлялъ собою только фактъ природы и безстрастно числился, какъ и всѣ другія твари, въ ея живомъ инвентарѣ, то въ нуждѣ и нищетѣ, и въ гибели, которую онѣ съ собою несутъ, не было бы ничего противоестественнаго, потому что природа и есть культъ силы, а вовсе не правды; природа—борьба за существованіе,— а гдѣ борьба, тамъ гибель, и гдѣ побѣдители, тамъ побѣжденные. Но вѣдь человѣкъ не просто стихійное существо, не просто одно изъ безчисленныхъ звеньевъ космической цѣпи: онъ еще — обладатель совѣсти и разума, homo sapiens, и вотъ эта его привилегія, эта его монополія въ мірѣ не позволяетъ ему принимать, какъ должное, соціальную невзгоду, бѣдность, голодъ и холодъ работниковъ. Соціализмъ обѣщаетъ все это уничтожить,—какъ же не отдать ему нашего вниманія и сочувствія? И пусть не смущаетъ насъ, что въ своихъ идеалахъ и обѣщаніяхъ онъ слишкомъ понятенъ, общедоступенъ и потому вульгаренъ: это само по себѣ противъ него еще не говоритъ, и мѣщанинъ—тотъ, кто опасливо страхуетъ себя отъ вульгарности.

Но соціализму часто предъявляется и то тяжкое обвиненіе, что онъ умаляетъ индивидуальность, принижаетъ ее, укладываетъ ее на Прокрустово ложе обязательнаго равенства, и поэтому опасенъ для культуры, для искусства и науки, для высшихъ и свободныхъ цѣнностей вообще. И правда, для культуры нужна личность, цвѣты не терпятъ безцвѣтности, и если, слѣдовательно, при соціализмѣ все будетъ обезличено и обезцвѣчено, то онъ ничего не стоитъ, и за всеобщее матерьяльное благополучіе, за эту чечевичную похлебку, пришлось бы въ такомъ случаѣ заплатить всеобщимъ оскудѣніемъ духа,—на это человѣчество не пойдетъ, разумѣется, и идти не должно.

Вѣрно ли, однако, что ущербъ личности, а потому и культуры, непремѣнно и органически связанъ съ самой природой соціализма, именно того «утопическаго» соціализма, который больше говоритъ сердцу, чѣмъ «научный»? Есть ли здѣсь внутренняя необходимость?

Что многіе приверженцы соціализма и многіе факты его движутся и лежатъ въ низинахъ пошлости и духовной тѣсноты,—этого оспаривать нельзя, и недаромъ еще Марксъ не причислялъ себя

къ марксистамъ; что соціализму вообще легко упасть въ подстерегающую его, если можно такъ выразиться, бездну плоскости, въ глубину поверхностности,—этого не замѣтитъ только естественная или преднамѣренная близорукость; что соціализмъ лишенъ трагической сердцевины, потому что соціализмъ, это—оптимизмъ, и оптимизмъ именно дешевый, не выстраданный большинствомъ его теоретическихъ исповѣдниковъ,—этого тоже не опровергнетъ никто.

Но отсюда еще не слѣдуетъ, что самая суть соціализма неизбѣжно ведетъ къ опошленію и опустошенію человѣческой особи, къ торжеству посредственности и убожества. Въ самомъ дѣлѣ, онъ пишетъ на своемъ знамени: «нѣтъ труда безъ досуга, нѣтъ досуга безъ труда»; онъ, значитъ, въ первой половинѣ этого лозунга застудается за досугъ,—за тотъ досугъ, безъ котораго нѣтъ искусства и науки.

Этимъ и объясняется, что на водвореніе соціализма возлагаютъ пламенную надежду и такіе мыслители, которые являются не только цѣнителями идеальныхъ цѣнностей, но и ихъ создателями. Герценъ, напримѣръ, духовный аристократъ и эпикуреецъ, иныя вещи, творенія искусства, цѣнившій больше иныхъ людей, въ то же время былъ убѣжденный соціалистъ. «Я не жалѣю—писалъ онъ—о двадцати поколѣніяхъ нѣмцевъ, потраченныхъ на то, чтобы сдѣлать возможнымъ Гете, и радуюсь, что псковскій оброкъ далъ возможность воспитать Пушкина... Но рабочій не желаетъ больше работать на ближняго своего,—и въ этомъ предѣлъ людоѣдству, въ этомъ конецъ аристократіи». И аристократъ Герценъ привѣтствовалъ конецъ аристократіи, ему способствовалъ.

Для творчества нужна личность, и всѣ творцы—индивидуалисты, потому что они—индивидуумы, потому что они—личности по преимуществу. Казалось бы, что поэтому они должны бы быть страстными врагами соціализма; между тѣмъ, дѣло часто обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Нѣтъ бо́льшаго индивидуалиста и эстетика, чѣмъ знаменитый Оскаръ Уайльдъ; и однако онъ воспѣлъ когда-то восторженный гимнъ соціализму. Въ послѣднемъ увидѣлъ онъ именно наиболѣе мощный оплотъ для личности. Съ точки зрѣнія Уайльда, при капиталистическомъ строѣ личность не можетъ развиваться, потому что на ней лежитъ одно изъ двухъ бременъ: либо избытокъ вещей (богатство), либо ихъ отсутствіе (бѣдность). Въ самомъ дѣлѣ, современная жизнь заставляетъ цѣнить человѣка, глядя по количеству его вещей, или ихъ символовъ (денегъ). Человѣка заслонили вещи. Въ нихъ потонулъ онъ, или, по крайней мѣрѣ, вещи будто

заслонили его; живыхъ людей смѣшиваютъ съ тѣми мертвыми предметами, которыми они владѣютъ. Обстановка выдвинулась на первый планъ, личность отошла назадъ. И за то, что мы такъ привязались къ вещамъ, насъ постигло достойное возмездіе: мы стали не только хозяевами, но и рабами вещей; онѣ насъ закрѣпостили, помѣшали легкости нашихъ передвиженій и грузными оковами повисли на нашихъ ногахъ. «Omnia mea mecum porto»—этотъ девизъ бѣдности и гордости кто можетъ теперь начертать на своемъ щитѣ? Плѣнникъ предметовъ, ими связанный владѣтель, умѣетъ ли современный культурный человѣкъ обходиться безъ цѣлаго багажа вещей? И вотъ, среди нихъ потерявъ себя или самъ сдѣлавшись одушевленной вещью, но зато мертвой душою, онъ вдобавокъ это сомнительное свое преимущество, этотъ комфортъ свой, покупаетъ на чужой счетъ и, забравъ себѣ на дорогу слишкомъ много клади (и часто притомъ совершенно ненужной),—у другихъ отымаетъ необходимое. Для того чтобы самому стать собственникомъ безъ собственности (т.-е., повторяю, промѣнять на вещи самую душу свою, нравственное лицо свое), онъ долженъ похищать у сосѣдей, эксплоатировать чужой трудъ, уводить, какъ въ древнѣй притчѣ, послѣднюю овцу бѣдняка. Молодой король въ сказкѣ Оскара Уайльда очень любилъ роскошь и пышныя ткани,—да и кто ихъ не любитъ, кто, по меньшей мѣрѣ, не любуется ими?.. Но король этотъ, въ отличіе отъ многихъ изъ своихъ коллегъ по коронѣ, былъ совѣстливъ; и оттого онъ глубоко и скорбно призадумался, когда въ вѣщемъ сновидѣніи узналъ, душою узналъ, что, кромѣ тканей, есть и ткачи—эти гауптмановскіе ткачи, страдальцы подневольнаго труда, и что жемчужины для его вѣнца достаютъ негры-водолазы, погружающіеся для этого въ глубину океана и часто оттуда уже не подымающіеся. И такъ проходятъ вѣка, и все живутъ рядомъ эти вѣчные сосѣди,—два брата, правда, но «одного изъ нихъ, бегатаго, завутъ Каинъ». Многіе уже привыкли къ этой картинѣ и думаютъ, что иначе и быть не можетъ. Но какъ отказаться міру отъ мечты о побѣдѣ справедливости надъ стихіей? Пусть неравенство—въ самой природѣ; однако вовсе мы не обязаны и не принуждены слѣдовать ей одной, и развѣ это не наше дѣло идти дальше природы, ее воспитывать, учить уму-разуму? Природа—наша мать; но дѣти всегда мать перерастаютъ, и хорошая мать этому только радуется.

Богатство, неправое стяжаніе, можетъ заглушить тѣ силы, которыя способна была бы развить въ себѣ личность, если бы ей нужно было за себя бороться, себя отстаивать,—въ борьбѣ обрѣ-

таешь ты не только право свое, но и самого себя. Иные и думаютъ, что бѣдность сама по себѣ не только не мѣшаетъ выявленію творческихъ возможностей, но и способствуетъ ему. Такъ, Ромэнъ Роллanъ вполнѣ принимаетъ слова Гете, что тѣ не чуяли вышняго наитія, кто не орошалъ хлѣба своего слезами своими. Для Роллана художникъ непремѣнно долженъ быть бѣденъ. Если его не пришпориваетъ нужда, если работа для него не источникъ заработка, если подспорьемъ къ искусству не служитъ ему ремесло, онъ рискуетъ превратиться въ дилетанта. Богатство—болѣзнь (какъ, по замѣчанію Гейне, жемчугъ—болѣзнь улитки); оно—исключеніе изъ того космическаго правила, въ силу котораго міръ вообще есть работа. Бѣдный, говоритъ Роллanъ, ближе къ землѣ, чѣмъ богатый; нужно по землѣ ходить пѣшкомъ, чтобы ощутить свое происхожденіе отъ ея материнскихъ нѣдръ, чтобы почувствовать себя сыномъ ея; а художникъ—именно сынъ стихіи, первенецъ ея, и, значитъ, въ бѣдности есть для художника какая-то предустановленная необходимость Одинъ молодой бельгійскій писатель рѣзко возсталъ противъ тѣхъ, кто предлагалъ давать литераторамъ общественныя или частныя субсидіи. «Кто говоритъ о литературѣ—писалъ онъ—тотъ не говоритъ о хлѣбѣ, а тотъ, кто говоритъ о хлѣбѣ, не говоритъ о литературѣ. Понятіе «хлѣбъ» и понятіе «литература»—совершенно различнаго порядка. Правило: primum vivere, deinde philosophari—нелѣпость, когда рѣчь идетъ о литературѣ.—А если литераторъ умретъ съ голоду?—Все равно, пусть умираетъ съ голоду. Это не имѣетъ никакого отношенія къ литературѣ и никогда не мѣшало созданію геніальныхъ произведеній. Я, пожалуй, даже не прочь прибавить: наоборотъ»...

Правильно это или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ, теперь однимъ изъ внѣшнихъ стимуловъ къ творчеству (которое нужда поощряетъ) служитъ потребность въ собственности (что́ безкорыстной основы творчества все-таки не колеблетъ). Соціализмъ же этотъ стимулъ ослабитъ постольку же, поскольку онъ сократитъ или даже совсѣмъ заглушитъ частную собственность, засиліе вещей. Но тогда не будетъ ли парализовано и одно изъ самыхъ мощныхъ побужденій къ творчеству? Не понизится ли температура человѣческой дѣйственности вообще?

Надо мало вѣрить въ человѣка, чтобы это думать и этого бояться. Освобожденный отъ заботы о вещахъ, онъ въ себѣ самомъ, въ предѣлахъ своего внутренняго міра, услышитъ зовы, влекущіе его къ духовной работѣ, къ созиданію культурныхъ цѣнностей.

Индивидуальность его будетъ очищена отъ тѣхъ насосовъ и искаженій, которыми теперь уродуютъ его аномаліи общественнаго строя, или нестроенія. Интимнѣе, тоньше, чище станутъ всѣ его стимулы. Не прекратится борьба за существованіе, вѣчная какъ природа, но это уже будетъ борьба за существованіе духовное. Не то, что человѣкъ имѣетъ, а то, что онъ есть—вотъ какая цѣнность будетъ первой и главенствующей въ жизни новаго общества. Соціализмъ вернетъ индивидууму индивидуальность. Капитализмъ ее извращаетъ, соціализмъ обнаружитъ ея подлинную и глубочайшую суть. Обязательность труда при соціализмѣ компенсируется непродолжительностью труда, благодаря которой личность и сумѣетъ и успѣетъ раскрыть себя всю, изъ своихъ природныхъ матерьяловъ создать свое стильное единство, сказать въ міровомъ разговорѣ свое особое слово. Инстинктъ собственности очень силенъ; но можно его перенести въ другую плоскость,—можно направить его въ ту сторону, гдѣ его утоляетъ собственность внутренняя, душевная, завѣтная, гдѣ важнѣе имѣть что-нибудь за душой, чѣмъ внѣ ея, гдѣ не столько привлекаетъ «моя» вещь, сколько «моя» мысль и чувство. Сокрушивъ авторитетъ вещи и вещественности, не раскроетъ ли этимъ соціализмъ доступа въ царство духовнаго строительства и драгоцѣннѣйшей культуры?

Хочется вѣрить, что соціализмъ—не матеріализмъ; что болѣе справедливое распредѣленіе вещественныхъ благъ не дастъ людямъ самодовольно успокоиться, а наоборотъ приблизитъ ихъ къ сокровищницѣ спиритуальныхъ даровъ; что устроившись на землѣ, они тѣмъ болѣе заинтересованно отнесутся къ небу. Торжество пролетаріевъ возможно лишь при томъ условіи, конечно, если они не будутъ пролетаріями духовными.

Въ механическую и жестокую роспись природы соціализмъ стремится внести очень существенныя поправки. Врагъ неравенства, онъ мечтаетъ о великой собирательной работѣ, о сплоченіи силъ и орудій, о содружествѣ людей. Онъ хочетъ объединить средства, чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣлей: вѣдь всякое общественное устроеніе, это—лишь средство, а цѣли находятся въ области духовнаго бытія. Онъ сулитъ оградить права отдѣльнаго лица и позволить всякой личности выпрямиться во весь ея ростъ. Онъ думаетъ разрушить тѣ условія, при которыхъ человѣчество чувствуетъ себя ограбленнымъ. Ибо, подавленное бѣдностью, изнуренное и неблагообразное, оно стелется какою-то сѣрой и однотонной пеленою, солдатскимъ сукномъ, и всякій изъ насъ слишкомъ похожъ на дру-

гого. Нивелируетъ бѣдность, нивелируетъ и богатство; и первое и послѣднее имѣетъ свой ранжиръ, свою бездушную мѣрку. Гнетущій режимъ вещи, ея изобилія или ея отсутствія, наводитъ на міръ уныніе и превращаетъ въ пустыню то, что могло быть цвѣтущимъ садомъ человѣчества. Въ одной сказкѣ Уайльда цвѣты, гордые своей осѣдлостью, презираютъ птицъ за то, что у нихъ нѣтъ постояннаго адреса... даже цвѣты бываютъ буржуазные. Удивительно ли, если наличность вещи, какъ мѣрила достоинствъ, если грузъ предметовъ и тяжеловѣсное золото, отраженно тяжеловѣсное и для тѣхъ, кто его не имѣетъ,—если все это превращаетъ въ буржуа насъ, людей, и безъ того мало похожихъ на легкіе и праздные цвѣты? Тяжесть богатства и тяжесть бѣдности, одинаковыми гирями повисая на крыльяхъ духа, задерживаютъ ростъ и расцвѣтъ человѣчества. Не расцвѣтитъ ли его соціализмъ, не вызоветъ ли онъ къ жизни личныя краски и оттѣнки, и не ярче ли загорится у каждой особи особое имя и особая душа? Когда не будутъ, какъ теперь, накоплять вещей (надо не имѣть, а быть), когда изъ-подъ личины богатства или бѣдности выглянетъ истинное лицо человѣка, когда величайшая изъ революцій ниспровергнетъ власть вещей, тогда лишь человѣчество начнетъ жить какъ слѣдуетъ (пока оно только прозябаетъ), тогда лишь воцарится дѣйствительная культура.

Не соціализмъ, какъ узкая теорія, а соціализмъ, углубленный и одухотворенный, понятый какъ освобожденіе отъ ига имущества, какъ метафизика, идущая противъ физики, т. е. какъ крестовый походъ противъ инстинкта собственности,—вотъ что можетъ вдохновлять и обнадеживать въ общественной борьбѣ. И если такой соціализмъ побѣдитъ, то человѣка ожидаетъ духовное «завтра», а только ради него и стоитъ жить, ради этой свѣтлой манящей даты мірового календаря.

Большевизмъ, какъ и всякая болѣзнь, входитъ пудами, а выходитъ золотниками. И—кто знаетъ?—медленное исцѣленіе отъ нея русскаго организма не въ томъ ли будетъ состоять, что большевики мало-по-малу обуржуазятся, растворятся въ океанѣ Россіи, станутъ лойяльными? Какъ длительная богема переходитъ въ буржуазію, и въ тихую пристань мѣщанства причаливаетъ едва ли не каждый корабль, едва ли не каждый парусъ, нѣкогда мятежно искавшій бури, такъ бунтарство не можетъ быть хроническимъ, и чѣмъ дольше оно длится, тѣмъ неизбѣжнѣе превращается оно въ свою противоположность. Бунтъ не имѣетъ традиціи. Исторія писана не для него. Бунтъ—мгновеніе. Не зная прошлаго, онъ не созданъ и для будущаго. Его стихія—одно только настоящее, короткая и быстрая вспышка. Молнія сильна и страшна одинъ мигъ. Когда же она растянута, она перестаетъ быть самой собою. Лишенная своей стремительной сжатости, своего пафоса и энергіи, она такъ же скучна, какъ растянутый и длиннотами испорченный разсказъ.

Затянулся, длиннымъ оказался въ нашей революціи эпизодъ большевизма. Но есть нѣчто благое въ томъ, что отъ него уже идетъ скука. Большевизмъ потерялъ свою остроту. Онъ притупился и опошлился. Онъ сталъ казеннымъ. Уже зарождается бюрократія большевизма; иные представители его уже берутъ взятки... Все входитъ въ свою колею и норму, все размѣщается по своимъ мѣстамъ. То, что недавно было бунтомъ, теперь—официальность. Бунтъ за-

тяжной исподволь выдыхается, и тогда онъ уже не бунтъ, а быть, и вотъ крѣпкое вино его разбавлено водою,—напримѣръ, словесной водою декретовъ.

Абсолютной лѣвизны нѣтъ. Все лѣвое въ свою очередь имѣетъ что-то лѣвѣе себя. Только лѣвша, т. е. калѣка, поневолѣ долженъ считаться со своимъ недостаткомъ, какъ съ незыблемой и самодовлѣющей силой; только онъ закрѣпощенъ лѣвизною навѣки и подчиняется ей разъ навсегда. Вотъ почему большевизмъ, лѣвый лишь относительно, а не безусловно, для анархистовъ уже представляется теченіемъ правымъ, отсталымъ, консервативнымъ, и мы не удивимся, если они окончательно провозгласятъ большевизмъ буржуазнымъ предразсудкомъ...

И дѣйствительно, такое его перемѣщеніе вправо замѣтно уже теперь, и еще явственнѣе оно будетъ современемъ. Недаромъ въ его красные тона вкраплены и черные, черносотенные; недаромъ въ его гостепріимный лагерь, въ этотъ Валенштейновъ лагерь, имѣютъ доступъ бывшіе, и не только бывшіе, монархисты. Можетъ быть, изъ самыхъ нѣдръ революціи выйдетъ контръ-революція; можетъ быть, иронія исторіи захочетъ, чтобы демократія собственной рукой вернула аристократамъ всѣ эти недавно принадлежавшіе имъ Смольные институты и Таврическіе дворцы. Крайности сойдутся, кругооборотъ завершится. «Кольцо существованья тѣсно», и всѣ дороги ведутъ въ Римъ; а у насъ—не въ прежній ли Петербургъ?..

Позволительно даже думать, что никто такъ не послужитъ русскому націонализму, какъ именно наши интернаціоналисты. Посмотрите, какъ мощно подавляютъ они, не хуже Плеве и Столыпина, всякій сепаратизмъ. Они разогнали бѣлорусскій съѣздъ, они побѣждаютъ поляковъ и гайдамаковъ, они сломили раду и не позволяютъ Украинѣ быть «самостійной», они сокрушили въ Крыму татаръ, они не разрѣшаютъ евреямъ быть сіонистами, и воинствующій націонализмъ ихъ такъ побѣдоносенъ, что даже эстонскому острову Наргеймъ воспротивились они въ его рѣшеніи провозгласить себя самостоятельной республикой и сдѣлаться особой міровой державой... Я увѣренъ, что такъ же поступятъ они и съ вновь объявленной республикой калужской. Положительно, на своемъ аломъ знамени черными буквами пишутъ большевики старый девизъ: «Россія для русскихъ».

И если финляндской демократіи помогаютъ они свергать финляндскую буржуазію, то эта дружеская, или, скорѣе, «товарище-

ская», услуга не будетъ ли оплачена тѣмъ, что Финляндія отъ Россіи не отдѣлится и пролетаріи не всѣхъ странъ, а этихъ двухъ странъ соединятся въ одно общее правительство, и будетъ въ Россіи новый и своеобразный «царь финляндскій»?

Итакъ, возможно, что большевизмъ—новообразованіе не злокачественное, и потому онъ постепенно разсосется. Большевизмъ потонетъ въ большинствѣ, какъ это и подобаетъ меньшинству, какимъ онъ является на дѣлѣ. Вѣроятность подобнаго финала допустима тѣмъ болѣе, что большевики на нашихъ глазахъ превращаются въ самыхъ заурядныхъ правителей: они скоро усвоили себѣ всѣ «пріемы утѣснительнаго сана»,—утѣснительнаго, правда, больше для насъ, чѣмъ для нихъ.

Но, кромѣ этого, наиболѣе серьезные и искренніе изъ большевиковъ силою вещей должны будутъ подчиниться тому закону, что власть воспитываетъ. Она не только портитъ и пьянитъ людей, кружитъ слабыя головы, льститъ суетности и тщеславію,—она еще налагаетъ бремя отвѣтственности и этимъ всякаго сколько-нибудь добросовѣстнаго человѣка пріучаетъ къ мѣрѣ и порядку. Вообще, лучшее педагогическое средство противъ революціонныхъ настроеній, это—повинность власти. Если хотите избавиться отъ бунтаря, сдѣлайте его начальникомъ. Отъ безкорыстнаго и безпечнаго революціонизма отучаетъ власть. Она обуздываетъ свой субъектъ не меньше, чѣмъ свой объектъ,—своихъ носителей не меньше, чѣмъ своихъ подчиненныхъ. Власть, это—наклонная плоскость, съ наклономъ именно вправо. Въ смыслѣ измѣренія, правители всегда правы. Это не игра словъ, это—серьезность истины: чтобы править, надо правѣть.

Вспомните, что именно такая участь постигла нашихъ лѣвыхъ, когда они стали министрами,—Скобелева, Церетели. Они поняли, что дѣйствительность гораздо сложнѣе, чѣмъ это имъ казалось раньше, за изгородью безотвѣтственной оппозиціи, что геометрія жизни не чертится прямыми линіями и что пути ея тянутся не только влѣво. Оттого и отреклись отъ поправѣвшихъ товарищей рыцари самодовлѣющей лѣвизны. А потомъ и они продѣлаютъ ту же эволюцію. Ибо власть по существу своему не можетъ не быть умѣренной, не можетъ не искать равнодѣйствующей, не можетъ не тяготѣть къ срединѣ. Власть по своей природѣ буржуазна.

И вотъ, большевики уже поощряютъ буржуазное накопленіе денегъ и просятъ гражданъ «пролетарско-крестьянской республики» дѣлать вклады въ банки, обѣщая возвращать ихъ въ неограничен-

номъ количествѣ, т.-е., иными словами, они приглашаютъ пролетаріевъ перестать быть пролетаріями. И вотъ, они уже озабочены буржуазной заботой о томъ, какъ бы «эстетизировать» внѣшній видъ городовъ и селъ,—т.-е. плѣняетъ ихъ мѣщанская нарядность. И вотъ, правые, они уже собираются энергично, съ полицейскимъ пафосомъ, пресѣкать лѣвую, пока еще лѣвую анархію. И даже «культурно-просвѣтительные» дома рѣшили они построить. Какое похвальное благонравіе!..

Конечно, медленно будутъ исправляться они въ своемъ поведеніи, и учатся они на чужой счетъ, на счетъ Россіи, которая трагической цѣной оплачиваетъ эту проходимую лѣвыми людьми школу элементарной государственной мудрости; конечно, было бы лучше, если бы они раньше учились, чѣмъ учили, раньше думали, чѣмъ дѣлали, и въ приготовительный классъ поступали не въ концѣ, разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ, а сначала. Но съ этимъ ужъ ничего не подѣлаешь,—въ этомъ и есть несчастье и недугъ Россіи. Если бы она не была больна, то сразу вытолкнула бы изъ себя инородное тѣло большевизма. Но она больна, она разорена, она изнеможена,—такой уже застали ее большевики: они бьютъ лежачую.

Можно думать, однако, что шапка Мономаха покажется тяжелой и для ихъ легкомысленныхъ головъ, и они начнутъ все больше и больше уступать здравому смыслу. И постепенно будутъ они блѣднѣть и испаряться,—какъ я уже сказалъ, растворяться въ Россіи. Ядъ большевизма утратитъ силу. Возникнетъ сѣрая пошлость. Бунтъ превратится въ бытъ.

Это очень грустно, что Россія представляетъ теперь иллюстрацію къ извѣстной драмѣ Ренана «Калибанъ». Знаменитый писатель далъ просторъ своему изящному скептицизму и, какъ «забаву идеолога», какъ граціозную прихоть воображенія, набросалъ художественный памфлетъ на демократію. Онъ олицетворилъ ее въ безобразномъ обликѣ Калибана изъ Шекспировской «Бури», который, какъ вы помните, являетъ собой воплощеніе грубой первобытности, едва одушевленную глыбу земли, тяжелую матерію,—эту родоначальницу матеріализма. Калибанъ, злая животность, рычащая стихія, еще не человѣкъ, а только предчеловѣкъ.

И было бы такъ важно и счастливо, если бы можно было устыдить Ренана, опровергнуть его и хотя бы тѣни его показать, что онъ былъ неправъ и несправедливъ, что его сравненіе обидно

и неудачно и что просвѣтитель и властелинъ Калибана, Просперо, достигъ своей цѣли, т.-е. одухотворилъ своего дикаря, научилъ его музыкѣ, пріобщилъ его къ тонкой человѣчности. Демократія не Калибанъ. Долгъ ея чести—убѣдить въ этомъ исторію. И какъ разъ теперь, какъ разъ въ рабоче-крестьянской Россіи, представляется такой удобный случай этотъ долгъ исполнить и однажды навсегда снять съ демократіи оскорбительный навѣтъ и поддержать ея репутацію передъ лицомъ всего человѣчества.

Но почему-то ничего подобнаго не дѣлаютъ: наоборотъ, какъ я уже сказалъ, будто нарочно стараются оправдать Ренана и дать въ его искусныя руки новое и неотразимое орудіе. Если у него захватившій власть въ Миланѣ, мудраго Просперо одолѣвшій Калибанъ утверждаетъ, что религія—только суевѣріе, при помощи котораго высшіе классы господствуютъ надъ низшими, то наши демократы съ нимъ вполнѣ и радостно соглашаются. Если у Ренана пьяный варваръ Калибанъ, сильный своимъ невѣжествомъ, увѣряетъ, что для окончательной побѣды надъ ученымъ Просперо надо, самое главное, захватить и сжечь его книги («эти адскія книги, ахъ, какъ я ненавижу ихъ! онѣ были орудіемъ моего рабства!»); если онъ объявляетъ войну книгамъ, «злѣйшимъ врагамъ народа», потому что кто владѣетъ ими, тотъ властвуетъ надъ массой, и человѣкъ, знающій латынь, подчиняетъ себѣ другихъ («долой латынь!»); если Калибанъ призываетъ упразднить лабораторіи и аудиторіи, разбить стеклянныя реторты Просперо и всѣ его научные приборы, какъ орудія, закрѣпощающія народъ, то вѣдь въ этомъ же духѣ—не правда ли?—пишутся нынѣ многіе декреты, и лишь псевдонимомъ Калибана являются имена ихъ составителей. Если у французскаго мыслителя одно изъ дѣйствующихъ лицъ провозглашаетъ, что «каждая революція создаетъ своего великаго человѣка, и великій человѣкъ этой революціи—Калибанъ, великій гражданинъ Калибанъ», а другое дѣйствующее лицо Калибану, ставшему во главѣ народа, и его комиссарамъ указываетъ, что ихъ солдаты станутъ ихъ владыками; если у Ренана взбунтовавшіеся рабы объявляютъ священную войну цѣлому ряду сосѣднихъ городовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣняютъ нужные для войны налоги и столь же не лишнюю для нея армію, то вѣдь скажутъ иные, что Ренанъ обладалъ даромъ предвидѣнія и хотя писалъ по-французски, но думалъ о русскомъ...

Неужто мѣткимъ стрѣлкомъ, попадающимъ не въ бровь, а въ глазъ, нужно будетъ признать Эрнеста Ренана и тогда, когда онъ

изображаетъ своего грубаго героя значительно поправѣвшимъ? Если вѣрить ироническому памфлетисту, то, получивъ власть и въ одномъ изъ дворцовъ растянувшись на роскошной постели Просперо, Калибанъ размышляетъ о томъ, что народъ обнаруживаетъ «неумѣстное нетерпѣніе», требуетъ хлѣба и зрѣлищъ, хочетъ изъ одной мѣры ржи—питанія для десяти тысячъ человѣкъ и изъ одного жбана—пятьсотъ кружекъ вина. Оказывается, Калибанъ, какъ представитель твердой власти, всѣмъ этимъ притязаніямъ не поддается, потому что у него теперь интересы, общіе съ людьми устроившимися, и онъ чувствуетъ симпатію къ собственникамъ и собственность считаетъ балластомъ, безъ котораго ко дну можетъ пойти корабль общества. И онъ пріобрѣтаетъ вкусъ къ роскоши. Онъ собирается покровительствовать артистамъ и литераторамъ, которыми нельзя пренебрегать, потому что «они создаютъ славу». Онъ ухаживаетъ за блестящей куртизанкой Имперіей.

Въ эволюціи Калибана замѣчательно и то, что, будучи антиклерикальнымъ, онъ впослѣдствіи называетъ себя естественнымъ покровителемъ апостольскаго престола и надѣется, что Богъ будетъ милостивъ къ нему за все, что онъ, Калибанъ, для него сдѣлалъ... Вообще, наступаетъ моментъ, когда Калибанъ—«уже центръ умѣренной партіи». Калибанъ опошляется. Пророчатъ о немъ, что даже свою ненависть къ книгамъ онъ забудетъ, когда онѣ перестанутъ быть для него опасными. Онъ исправится, онъ обуржуазится; «вымытый, причесанный, онъ сдѣлается очень представительнымъ, и можетъ быть, въ одинъ прекрасный день будутъ вычеканены медали съ надписью: *Калибану, покровителю наукъ, литературы и искусствъ*». Самъ Просперо вынужденъ будетъ воскликнуть: «да здравствуетъ Калибанъ!», Недавнее чудовище окажется меценатомъ и благосклонно позволитъ Просперо продолжать свои научныя занятія: «его труды будутъ славой моего царствованія». Правда, чтобы существовать, Просперо придется слегка запачкать края своей одежды, и отъ него улетитъ воздушный идеалистъ Аріэль, этотъ «вольный сынъ эфира». Но таковъ ужъ законъ исторіи. И въ ея кругообороте отъ революціи къ реставраціи придетъ Калибанъ. Бунтъ превратится въ бытъ.

Такова насмѣшливая драма Ренана. Чуждый «пролетарскаго пафоса», эпикуреецъ мысли, онъ увѣряетъ, будто «революція, это—реализмъ», будто все, что невидимо, что идеально, что не матерьяльно, не существуетъ для позитивиста-пролетарія, будто всякая цивилизація аристократична. И напрасно Просперо училъ неблагодарнаго Калибана грамотѣ и Закону Божьему: воплощеніе народа,

Калибанъ никогда не былъ истиннымъ христіаниномъ, въ глубинѣ своей темной и дикой души всегда оставался служителемъ дьявола и былъ чувствителенъ только къ побоямъ.

Ренанъ бросилъ вызовъ. Необходимо его принять. Необходимо на глазахъ у всего ожидающаго міра доказать, что изъ царства демократіи вовсе не улетаетъ легкій Аріэль, вовсе не торжествуетъ въ ней грузный Калибанъ, грубый духъ земли, и что демократическій строй вовсе не долженъ вернуть насъ къ новымъ формамъ прежней пошлости и всесословнаго мѣщанства.

Революція не удалась. Ея моральное (а впереди, можетъ быть, и не только моральное) крушеніе можно было предвидѣть и по нѣкоторымъ симптомамъ того нравственнаго недуга, которымъ, наканунѣ революціи, страдали многіе изъ ея дѣятелей, когда они были еще эмигрантами, жили за границей. Описанію этой жизни посвященъ интересный романъ Каржанскаго «Парижъ». Оказывается, голодаютъ русскіе эмигранты. На блестящія улицы Парижа многіе изъ нихъ вихремъ судьбы пригнаны съ каторги, изъ Сибири, изъ «сѣдыхъ стѣнъ» тюрьмы. Своеобразныя отраженія Парижа въ душѣ и жизни русскаго эмигранта, преломленіе міровой столицы въ такой человѣческой призмѣ,—это и составляетъ духовный центръ въ романѣ автора, если только можно искать центра въ его эксцентричности. Какія драмы, какое сиротство, какая скорбь! Бѣдность, и при томъ бѣдность на чужбинѣ, тоска по родинѣ, по русской зимѣ съ ея бѣлыми снѣгами, и воспоминанія о родныхъ и близкихъ, оставшихся въ Россіи, письмо отъ старика отца, уѣзднаго казначея, сыну-революціонеру, настойчиво совѣтующаго быть добрымъ христіаниномъ, ежегодно говѣть, посѣщать православный храмъ при посольствѣ: все это и многое другое представятъ еще только элементарную боль и муку эмигрантскаго житія. А главное—въ томъ, что быть эмигрантомъ противоестественно. И люди, выбитые изъ нормальной колеи, въ амплитудѣ своихъ жизненныхъ колебаній и скитальчествъ очертившіе путь едва ли не изъ-подъ висѣлицы и до Парижа, исказили свои души, въ чужой стихіи перестали быть собою и до неузнаваемости извратили свою личность. Авторъ часто говоритъ о паденіи нравовъ въ ихъ средѣ, когда-то чистыхъ и суровыхъ. Голодъ вынуждаетъ эмигрантовъ не только мыть стекла, перевозить мебель, тайкомъ подбирать въ паркѣ остатки хлѣба и шоколада, которые роняютъ дѣти, чьи руки «еще не стали цѣпкими», но и доходить до кражъ и обмана. Интеллигентная

Л. ТОЛСТОЙ.

дѣвушка въ разныхъ кварталахъ Парижа падаетъ на тротуарѣ въ притворный обморокъ, для того чтобы вызвать къ себѣ жалость и собрать милостыню. «Литовцевъ опустился на дно бара... У Шебалина—сомнительныя операціи съ общественными деньгами. Бертѣ Певзнеръ вездѣ грезятся шпіоны, и она готова обвинять въ провокаторствѣ чуть не самое себя». И дѣлается еще худшее, еще горшее... Все то развращающее, чѣмъ не бѣденъ Парижъ, ядомъ своимъ отравляетъ мужчинъ и женщинъ, недавнихъ героевъ политической борьбы, самоотверженныхъ фанатиковъ освободительнаго дѣла. И самое тяжкое происходитъ тогда—а это происходитъ почти неизбѣжно,—когда въ новой обстановкѣ, среди мучительныхъ и оскорбительныхъ испытаній, теряешь вѣру въ правильность избранной тобою дороги, въ ту идею, за которую ты страдалъ и которая пріуготовила тебѣ столь причудливую и горькую біографію. Что, если все это было не то, если міросозерцаніе было въ корнѣ ложно? Аня Самарцева училась когда-то въ Ростовѣ-Ярославскомъ, въ прогимназіи, и въ Бога она тогда почти не вѣрила,—ее убѣдилъ въ этомъ одинъ высланный изъ Москвы студентъ («лохматый былъ и неряха, а ума—палата»). Но теперь, хрупкая, разбитая жизнью, она задумывается, не лучше ли было бы ей остаться ростовской мѣщаночкой, не уходить отъ бабушкиной лампадки, отъ малиноваго звона ростовскихъ церквей, отъ всей уютной налаженности. И размышляетъ она: «что, если студентъ навралъ, и Богъ есть? Подумайте только! Значитъ, вся жизнь была безполезная, и перестроить нельзя».

«Что, если студентъ навралъ», если студентъ ошибся, если Богъ все-таки есть? Вотъ это сомнѣніе, глубоко характерное и глубоко трагическое, очень существенную долю имѣетъ въ романѣ «Парижъ». Если міровоззрѣніе студента невѣрно, если «студентъ навралъ», то напрасно загублена и собственная жизнь, и чужія, напрасно женщины убивали въ себѣ материнство, напрасно отрывались люди отъ родной почвы. «Какъ трудно, какъ трудно жить!» восклицаетъ нѣжная Аня Самарцева. А Тися, ея духовная сестра, жизни и совсѣмъ не выдержала: когда умеръ ея ребенокъ, французскій ребенокъ Люи, и бросили его въ общую могилу, она сначала крѣпилась, а потомъ «расплакалась открытыми, бабьими слезами»; и думаетъ она, революціонерка и атеистка, что если бы Люи былъ крещенъ, то, можетъ быть, не отнятъ былъ бы у нея ея «птенчикъ»; и потомъ, мать осиротѣвшая, бездомная въ Парижѣ и въ мірѣ, тоже съ сомнѣніями, не навралъ ли студентъ, она вышла утромъ рано на высокій балконъ и бросилась въ узкій каменный колодецъ двора. «Прощай, усталая! Прощай, печальная! Если бъ знать, что ты никого не проклинала утромъ рано»!...

«Студентъ навралъ». Такъ подумаютъ теперь многіе. Произошелъ въ русскомъ обществѣ значительный сдвигъ направо. Этому способствовало и то мало симпатичное зрѣлище, какое представляетъ собою современный революціонеръ. Есть какое-то внутреннее противорѣчіе въ понятіи «торжествующій революціонеръ»: вѣдь революціонеръ, коль скоро онъ торжествуетъ, перестаетъ уже быть революціонеромъ. Онъ хорошъ только какъ мечтатель. Нравственно пріемлемъ революціонеръ-романтикъ, но не революціонеръ-реалистъ. Поскольку его дѣйственность не окрашена чаяніями романтики, идеализмомъ неосуществленной мечты, поскольку онъ уже воплотилъ свой идеалъ въ нѣкую, хотя бы еще не очень устойчивую государственность, въ будничный фактъ, постольку онъ теряетъ въ своей прежней привлекательности. И наши современные революціонеры, лишенные легенды, освобожденные отъ мученичества, революціонеры торжествующіе, глубоко не похожи на своихъ предтечъ въ нашей литературѣ и въ нашей жизни. И настоящая революція, бросая свой ретроспективный свѣтъ на дѣятелей прошлаго, необычайно оттѣняетъ ихъ образы, служитъ для нихъ лучшимъ фономъ,—и, кажется, что присутствуютъ наши революціонеры-романтики въ станѣ теперешней революціи, но присутствуютъ опечаленные, недоумѣвающіе, разочарованные, и не чувствуютъ они себя побѣдителями,—можетъ быть, не чувствуютъ себя даже правыми, и мучительное смущеніе и сомнѣніе проникаетъ въ ихъ благородныя сердца.

Развѣ, напримѣръ, того, что случилось, того, что есть, хотѣлъ Радищевъ, «рабства врагъ»? «Я взглянулъ окрестъ меня,—говоритъ онъ въ своемъ знаменитомъ «Путешествіи»—душа моя страданіями человѣческими уязвлена стала»; и мы знаемъ, что въ его добрыхъ устахъ это не было фразой. Онъ критически подошелъ къ Россіи во имя человѣколюбія, во имя философіи, которая начертала передъ нимъ высокіе идеалы. Стремленіе къ политической реформѣ вытекало у него именно изъ міросозерцанія; это не былъ узкій спеціалистъ политики, и политика была для него лишь чѣмъ-то производнымъ. Его гражданскій протестъ, этотъ горячій протестъ противъ самовластія за всѣ прошлыя и за всѣ будущія русскія поколѣнія, даже рѣзко выдѣляется среди другихъ чертъ его кроткой и мягкой, и мирной личности, въ томъ общемъ благоволеніи и дружелюбіи, какое онъ питалъ къ міру и людямъ. Русскій Левіафанъ, «чудище обло, огромно, стозѣвно и лаяй», угнеталъ его сочувственную и пылкую душу, и даже Сибирь не могла ея остудить. «Молодости его сѣдинъ», по выраженію Пушкина, удивлялись русскіе сановники; эту молодость Радищевъ донесъ до своей

безвременной и добровольной, до своей романтической могилы. Онъ самъ прекратилъ свое жизненное путешествіе, онъ понялъ, что сколько бы ни ѣздилъ онъ изъ Петербуга въ Москву, изъ Москвы въ Петербургъ, сколько бы ни посѣтилъ городовъ и селъ,—все равно, не избыть ему жестокой и неправедной силы русскаго чудища. Радищевъ, возможно, усомнился въ томъ, чтобы русская жизненная дорога имѣла цѣль и смыслъ. Радищевъ, возможно, боялся, что ему предстоитъ новое путешествіе въ Сибирь,—и онъ не захотѣлъ больше двигаться, мѣнять лошадей, мчаться въ морозную даль. И онъ ушелъ домой, на ту безвѣстную родину, въ которую такъ искренне хотѣлъ и умѣлъ вѣрить,—и Россіи завѣщалъ онъ память о себѣ, какъ о революціонерѣ-человѣколюбцѣ, въ тихомъ ореолѣ романтики и религіозности, о революціонерѣ не нынѣшней складки, счастливо-старомодномъ...

Или Рылѣевъ... 1825 годъ былъ трагической увертюрой къ 1917 году. Вопреки законамъ музыки, но въ согласіи съ законами исторіи, между увертюрой и самою пьесой оказался очень большой промежутокъ; 1917 г. запоздалъ, но все-таки онъ—органическое продолженіе своего предшественника. Оттого Рылѣева и надо понимать, среди другихъ декабристовъ, какъ интеллектуальнаго виновника современныхъ намъ событій. Но по духу своему онъ опять-таки очень далекъ отъ теперешней формаціи революціонеровъ-ремесленниковъ, революціонеровъ по спеціальности. Въ лицѣ Рылѣева погибъ революціонеръ-патріотъ, романтикъ, поэтъ; не сильный талантомъ, онъ однако въ предсмертные дни свои, на порогѣ двойной своей смерти (извѣстно, что на висѣлицѣ дважды душилъ его неискусный палачъ),—онъ возвысился до религіознаго пафоса:

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ!
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто дастъ крилѣ ми голубинѣ,
Да полечу и почію?

Онъ былъ человѣкъ міровоззрѣнія, онъ былъ гражданинъ-спиритуалистъ, и къ концу своей недолгой жизни въ одно чистое пламя слилъ онъ въ себѣ два свѣточа: Бога и свободу, небо и землю, идеальныя страны духа и свою русскую родину.

Или Герценъ... Убѣжденный соціалистъ, онъ не переставалъ быть индивидуалистомъ и надъ этой противоположностью высоко поднялся, такъ какъ всякія теоріи побѣждала въ немъ духовная широта его собственной личности. Трибунъ и революціонеръ, онъ въ то же время глу-

боко понималъ всю мучительную неторопливость исторіи, преодолѣвающую попытки мгновенныхъ переворотовъ, и потому въ его психологію вождя, которому необходимо имѣть нѣчто отъ однодумнаго фанатизма и почти ничего не имѣть отъ сомнѣній и колебаній многодумнаго Гамлета,—въ эту психологію властной увѣренности проникали болѣе тонкія и изящныя начала. Герценъ былъ революціоннѣе революціи; отвергая ея догматы, ея буквы, ея плоть, которая, цѣпенѣя, умерщвляетъ ея же духъ, онъ сохранилъ въ себѣ, какъ я уже упоминалъ раньше, внутренній максимализмъ, онъ взялъ революцію къ себѣ въ душу—и какъ разъ потому, безъ ложнаго стыда, гордо и спокойно, призывалъ къ умѣренности. Прекрасно и знаменательно то, что умѣренное онъ проповѣдовалъ страстно, что срединное онъ давалъ въ крайней формѣ,—т.-е. въ формѣ крайней красоты и одушевленности. Собою, пламенною тратой собственной души, радикализмомъ таланта возмѣщалъ онъ и восполнялъ свою программу постепенности, яркимъ цвѣтомъ своей личной психики окрашивалъ свой общественный стягъ, —и въ герценовскомъ огнѣ свое искупительное очищеніе получала и закалялась, сама по себѣ блѣдная, умѣренность. Вообще, политическій набатъ русскаго колокола осуществлялъ звонарь очень утонченный, и публицистикой занимался эстетикъ, тотъ, кто не хотѣлъ разрушенія прежней культуры и заявлялъ, что не только жалѣетъ людей, но жалѣетъ и вещи, и—«иныя вещи больше иныхъ людей». Такъ былъ онъ аристократомъ духа, этотъ революціонеръ-эстетикъ, этотъ артистъ и художникъ русской революціи; и его дилеттантизмъ больше вѣситъ на вѣсахъ нашей общественности, чѣмъ иные вклады спеціалистовъ революціи.

Или вспоминаются петрашевцы и слова Достоевскаго о себѣ и о нихъ, объ ощущеніяхъ, испытанныхъ ими въ теченіе десяти ужасныхъ, безмѣрно страшныхъ минутъ ожиданія смерти (на Семеновскомъ плацу): «Въ эти послѣднія минуты нѣкоторые изъ насъ (я знаю это положительно) инстинктивно углублялись въ себя и, провѣряя мгновенно всю свою столь юную еще жизнь, можетъ быть, и раскаивались въ иныхъ тяжелыхъ дѣлахъ своихъ (изъ тѣхъ, которыя у каждаго человѣка всю жизнь втайнѣ лежатъ на его совѣсти); но то дѣло, за которое насъ осудили, тѣ мысли, тѣ понятія, которыя владѣли нашимъ духомъ, представлялись намъ не только не требующими раскаянія, но даже чѣмъ-то насъ очищающимъ, мученичествомъ, за которое многое намъ простится. И такъ продолжалось долго. Не годы ссылки, не страданія сломили насъ. Наоборотъ, ничто не сломило насъ, и наши убѣжденія лишь поддерживали нашъ духъ сознаніемъ исполненнаго долга».

Поразительны и проникновенны слова Петрашевскаго: «Развѣется ли прахъ мой на четыре конца свѣта, вылетитъ ли изъ груди моей слабый вздохъ конца тишины подземнаго заточенія, его услышитъ тотъ, кому услышать слѣдуетъ; упадетъ капля крови моей на землю, выростетъ зорюшка, мальчикъ сдѣлаетъ дудочку, дудочка заиграетъ, придетъ дѣвушка, и повторится та же исторія».

Да, приходили дѣвушки на этотъ зовъ—и героиня тургеневскаго «Порога», и та, чья доля проклятая» не давала спать Полонскому, хоть и не была она ему ни жена, ни любовница, ни родная дочь, и та, чьи воспоминанія недавно съ трепетомъ читало русское общество,—Вѣра Фигнеръ.

Съ удивительной цѣломудренностью и простотой, не чувствуя надъ своей посѣдѣвшей въ заточеніи головою никакого сіянія, въ тихомъ и спокойномъ тонѣ обычнаго разсказа, передаетъ о своей судьбѣ Вѣра Фигнеръ. Уже самый тонъ этотъ подтверждаетъ, что страданіями своими искупила она тѣ страданія, которыя она доставила другимъ. Вѣришь ей, что свои «насильственныя дѣйствія» она совершала только въ силу, какъ ей добросовѣстно казалось, неодолимой необходимости,—другого пути, кромѣ террористическаго, для нея не было. И однажды ступивъ на него, она проходила его послѣдовательно и неумолимо къ себѣ и къ другимъ. «Вотъ объясненіе той «кровожадности», которая должна казаться такой страшной и непонятной и которая выразилась въ тѣхъ дѣйствіяхъ, одно перечисленіе которыхъ показалось бы суду циничнымъ, если бы они не вытекали изъ такихъ мотивовъ, которые, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, не безчестны»: такъ говорила на судѣ В. Н. Фигнеръ, на томъ судѣ, который присудилъ ее къ смертной казни. Но когда она кончила свое послѣднее слово, предсѣдатель «мягко» спросилъ ее: «Вы сказали все, что хотѣли?».. Ее присудили къ казни, но рѣчь ея и на судей произвела глубокое впечатлѣніе. Поняли, что Каиновы дѣла творилъ, въ сущности, Авель,—тотъ Авель убивающій, который такъ хорошо и трагически извѣстенъ русской литературѣ и общественности.

Вѣра Фигнеръ не была казнена; безсрочнымъ заточеніемъ замѣнили ей смерть,—о, да, замѣнили: одно стоило другой... Черезъ двадцать лѣтъ послѣ разлуки такъ встрѣтилась узница съ братомъ и сестрами:... «Меня повели по коридорамъ, лѣстницамъ и незнакомымъ проходамъ, и опять шаги были неувѣренные, и рука искала опоры, цѣпляясь за стѣну. Дверь отворилась. Сидѣлъ братъ, сидѣла сестра. Сидѣлъ плотный, солидныхъ лѣтъ, красивый инженеръ, проложившій себѣ въ жизни широкую дорогу,—мой братъ, котораго я знала и пом-

нила румянымъ безбородымъ юношей. Сидѣли полныя, солидныя дамы, матери семейства, извѣдавшія десятилѣтія житейскихъ перипетій,— мои сестры, которыхъ я знала и помнила нѣжными молодыми дѣвушками. И стояла я, какъ въ романѣ Диккенса стояла безумная старуха въ лохмотьяхъ подвѣнечнаго платья, остановившая много лѣтъ назадъ часы на цифрѣ XII въ тотъ день, когда въ условленный для обряда часъ она узнала, что вѣроломно обманута—женихъ не явится. Моя жизнь остановилась 20 лѣтъ тому назадъ, и я жила въ безумной иллюзіи, что часы жизни все показываютъ полдень. Братъ усадилъ меня передъ собой. Онъ взялъ мои руки въ свои руки. Онъ держалъ ихъ такъ все время».

Тутъ какъ бы чувствуешь само время; какъ бы лицомъ къ лицу съ нимъ стала Вѣра Фигнеръ. Это—одна изъ самыхъ жуткихъ человѣческихъ участей. Часы остановились. Труднѣйшая метафизическая задача—опредѣлить, что такое время, здѣсь превратилась въ живое трагическое ощущеніе. Метафизика—въ физикѣ, безпредѣльное—въ предѣльномъ...

Вообще, жизнь произвела надъ Вѣрой Фигнеръ совершенно исключительный психологическій экспериментъ; и то, что̀ испытывала узница въ своихъ казематахъ и потомъ, освобожденная, робко озиравшаяся на непривычной свободѣ, неувѣренная, пугавшаяся пространства, точно вновь учившаяся ходить,—это непремѣнно занесетъ въ свои анналы не только исторія человѣческой скорби, но и безстрастная психологія.

Между прочимъ, замѣчательны показанія о томъ, какъ, неожиданно для самой заточенной, вышедшей на свѣтъ Божій, первыя удовлетворенія доставило ей общеніе именно съ природой, а не съ людьми,— то-есть, зн читъ, съ Матерью, а не съ братьями и сестрами. Сильнѣе всего оказалась тяга къ первичному, къ космическому.

Когда-то среди большевиковъ, среди революціонной демократіи вообще, царило настроеніе подавленности и ущерба. Именно этому посвященъ обратившій на себя въ 1913 году большое вниманіе романъ Р. Григорьева «На ущербѣ». Тамъ изображается ущербъ освободительнаго движенія, роспускъ второй Думы, замирающая работа соціалъ-демократической партіи—все это, слишкомъ извѣстное, слишкомъ памятное, то, что долго болѣло и что, казалось, исцѣлено было революціей, а на самомъ дѣлѣ исцѣленія себѣ не нашло и только претворилось въ еще горшую боль.

Въ романѣ Григорьева воспроизводится протестъ личной жизни противъ господства чужихъ, коллективныхъ интересовъ.

Естественно, что подобное разногласіе между личными и гражданскими заботами, подобное нарушеніе ихъ единства и сліянности, должно сказываться оеобенно рѣзко тогда, когда политическое движеніе мелѣетъ, когда борцы разбиты и разочарованы, когда обезсиленныя руки опускаются. Тотъ «партійный муравейникъ», тотъ міръ пропаганды, споровъ, ненадежнаго сплоченія и разъединенія между интеллигентами и рабочими,—этотъ міръ колебался тогда въ своей прежней цѣльности, и потому, сначала робко, потомъ смѣлѣе, индивидуальное, одинокое, самодовлѣющее сердце свои требованія, свою тоску и запросы вмѣшивало во всѣ эти массовки и митинги. Общественное замутило, пресѣкло, запутало личную жизнь, партія овладѣла человѣкомъ; но теперь все заглушенное, отодвинутое въ сторону, мститъ за пренебреженіе, личность требуетъ своего, и на этой почвѣ совершается много трагическаго. Если, по слову Ленау, сердце человѣка не имѣетъ права голоса въ зловѣщемъ совѣтѣ природы, то въ совѣтѣ «большевиковъ» оно молчать не можетъ и не хочетъ и думаетъ свою отдѣльную думу, перебиваетъ своимъ особымъ словомъ безличную рѣчь общественности. Съ другой стороны, въ партійную работу часто уходятъ люди послѣ того, какъ они потерпѣли крушеніе личнаго счастья, пережили великое разочарованіе въ своихъ субъективныхъ идеалахъ. Такъ, художникъ Галимскій «въ прозрачныя ночи своей юности» былъ богомольцемъ Богоматери, писалъ только Мадонну, вѣрилъ въ нее, съ нею отожествлялъ свою мать; а когда эта мать ушла съ молодымъ офицеромъ, игрокомъ и кутилой «съ лоснящимся аккуратнымъ проборомъ и наглыми усиками», тогда Галимскому показалось, что опозорены не только ея глаза, но и глаза Небесной Матери,— и онъ послѣ долгихъ внутреннихъ тревогъ лишь тогда опять узналъ, «для чего нога его оставляетъ слѣдъ на землѣ», когда сталъ въ ряды борцовъ за соціализмъ. А Петровъ, рабочій, тоже подъ вліяніемъ личнаго, оскорбленный и отвергнутый въ своей любви, измѣнилъ духу и тактикѣ своей партіи, въ отчаяніи совершилъ изступленный и безумный поступокъ, политическое убійство. Такіе переходы отъ соціальнаго къ субъективному, и обратно, эта роковая игра на личномъ и общественномъ питаетъ великую боль. Вотъ партійная работница Мирра девять мѣсяцевъ назадъ прервала чтеніе Маркса; да и теперь ея ребенокъ, дѣвочка Зина, Марксу мѣшаетъ. Она ни за что не хочетъ уснуть, не пускаетъ маму идти на партійную «явку»; Мирра уходитъ, затыкаетъ уши, чтобы не слышать плача дѣвочки, но внутри у нея неумолчно дрожитъ дѣтскій вопль. Дѣти мѣшаютъ. И въ концѣ концовъ Зинку увозятъ—«словно судорога проходитъ по длинному тѣлу

поѣзда», за нимъ бѣжитъ отстающая Мирра и напрасно протягиваетъ руки къ рыдающей малюткѣ. Вообще, особенно женскія жертвы, жертвы вечернія, съ тихой и участливой внимательностью отмѣчаетъ авторъ. Тоскующія и разбитыя сердца, одиночество и нравственная безпомощность, обида женщины! Душевнымъ сиротствомъ и обиженностью своей трогаетъ Мирра. Голосъ ея звенитъ слабой и мелодичной струною. Въ ея трагическомъ концѣ больше внутренней необходимости, чѣмъ случайнаго элемента: безпощадно избитая нагайками во время облавы на массовку, она умираетъ въ тюремной больницѣ; но еще раньше убили ея душу, она была «изнутри одинокая», и общественность отняла у нея тѣхъ, кого она любила.

А другая героиня Агата, веселая хохотушка, кудрявая, убиваетъ себя въ виду крѣпости, рано утромъ, когда «жаркимъ золотомъ горѣла рѣка» и лучъ солнца сіялъ горячей звѣздою на шпилѣ крѣпостной колокольни; Агата не могла пережить казненнаго Петрова.

Такъ былъ нѣкогда ущербъ среди «большевиковъ»,—теперь они возродились, оправились, но зато, къ несчастью, отъ ихъ возрожденія поникла Россія...

Декретомъ объ отдѣленіи церкви отъ государства большевики сдѣлали бы правильный шагъ и его можно было бы привѣтствовать, если бы они не обнаружили при этомъ своей обычной грубости. Неуклюже и аляповато подошли они къ очень тонкому явленію, обрушились на него всею грузностью Калибана,—напали на Александро-невскую лавру, убили священника Скипетрова.

Сторонники свободы совѣсти, они произвели такое впечатлѣніе, будто они ее нарушили. Какъ это часто съ ними случается, осуществляя свою цѣль, они пошли не къ ней, а въ противоположную сторону.

Между тѣмъ, свобода совѣсти сама по себѣ—великій принципъ. Его надо было бы внѣдрить народу. Пишущій эти сроки недавно сдѣлалъ скромную попытку сказать о свободѣ совѣсти простымъ слушателямъ простое слово. Вотъ оно:

«Мы всѣ живемъ изо дня въ день, и каждый изъ этихъ дней проходитъ въ работѣ и заботѣ, въ трудѣ ради хлѣба насущнаго. У всякаго изъ насъ есть свое занятіе, спѣшное и обязательное (жизнь не ждетъ, сама торопится и насъ торопитъ), и большую часть своего вѣка мы проводимъ въ дѣлахъ и думахъ земныхъ.

Но такъ уже созданъ человѣкъ, что однимъ земнымъ не довольствуется,—и на небо глядитъ онъ, и о небѣ размышляетъ. Какъ будто тѣсно душѣ въ предѣлахъ одной только земли: хочется подумать и о той высшей силѣ, присутствіе которой чуется въ мірѣ и которую мы называемъ Богъ. Рѣдко встрѣчаются люди, которые не находили бы въ своемъ сердцѣ религіознаго чувства и не задумывались бы о творцѣ міра,—недаромъ вѣдь и выраженіе у насъ такое существуетъ: Божій міръ. И недаромъ еще, о хлѣбѣ своемъ повседневномъ мы тоже молимся Богу, именно—Богу-Хлѣбодарю: «хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь». Когда, въ извѣстной пословицѣ, говорятъ: «безъ Бога ни до порога», то это означаетъ, въ концѣ концовъ, что, хотимъ мы или нѣтъ, волей или неволей, но гдѣ-то глубоко, въ совѣсти нашей, точно неугасимая лампада, теплится и горитъ въ насъ огонекъ вѣры. Потушить его нельзя, да и не надо тушить.

Итакъ, вѣрятъ въ Бога всѣ, или почти всѣ; но каждый можетъ вѣрить по своему. И вотъ, необходимо усвоить себѣ, что въ этомъ никакого запрета никому не должно быть: всякій воленъ такую исповѣдовать религію, какую подсказываетъ ему собственная совѣсть. Кто навязываетъ другому свою вѣру насильно, тотъ совершаетъ тяжкій грѣхъ и нарушаетъ одну изъ самыхъ дорогихъ свободъ—свободу совѣсти. Насиліе ни въ чемъ не допустимо, но гдѣ оно касается вѣры, тамъ оно особенно возмутительно, потому что вѣра—дѣло завѣтное, личное, добровольное и никто посторонній вмѣшиваться въ него не смѣетъ. Религіозный человѣкъ съ самимъ Богомъ бесѣдуетъ: лицомъ къ лицу, одинъ на одинъ, въ тишинѣ и тайнѣ,—какъ же можно въ этотъ душевный разговоръ вступаться, эту молитвенную бесѣду грубо перебивать? Такой назойливостью оскорбляешь одинаково и человѣка, и Бога. Насильно милъ не будешь, и все равно, принужденіемъ никого не заставишь вѣрить такъ, какъ ему не хочется. Насильственно обращенный въ чужую вѣру, искренне ея не принявшій, будетъ лицемѣрить, притворяться вѣрующимъ; и вина за такое кощунство, за такой обманъ Бога падетъ не на его голову, а на головы тѣхъ, кто его принудилъ зачислиться въ прихожане немилаго ему храма. Богу нужны только тѣ, кто приходитъ къ нему самъ, по доброй волѣ, не изъ-подъ палки. Лишь такая молитва доходитъ до неба, которая возносится отъ чистаго сердца и чистыми устами. А на какомъ языкѣ будетъ молитва и какими обрядами она сопровождается, и гдѣ ее произносятъ—въ церкви ли или въ синагогѣ, или въ мечети, это не важно, и не въ

этомъ суть. Богъ всѣ языки понимаетъ и ко всякому обряду благосклоненъ, и откуда бы ни обращался къ нему человѣкъ, услышитъ его Божій слухъ.

Споры о томъ, чья вѣра лучше, чья вѣра—истинная, чья вѣра—настоящая, стоили человѣчеству потоковъ крови, потому что споры эти превращались въ сраженія и войны; исторія учитъ насъ, что религіозныя гоненія, преслѣдованія за вѣру были, къ несчастью, самымъ распространеннымъ явленіемъ во всѣ времена. Да и на нашей памяти развѣ не происходили всѣ эти позорныя дѣла? Развѣ мы не помнимъ, какъ мучили духоборовъ, уніатовъ, старообрядцевъ, евреевъ, баптистовъ—только за то, что они вѣрили и молились по своему убѣжденію, а не по чужой указкѣ? И до сихъ поръ мы развѣ по совѣсти можемъ сказать, что у насъ воцарилась дѣйствительная вѣротерпимость, т. е. что мы уважаемъ всякую искреннюю вѣру, всякій честный обрядъ? А вѣдь къ этому необходимо стремиться, если только мы хотимъ быть свободными гражданами свободной страны. Нужно понять разъ навсегда, что Богъ—одинъ и что къ этому одному Богу сходятся молитвы всего человѣчества, какъ бы разнообразны онѣ ни были, какими бы словами онѣ ни выражались. Насъ много, а онъ—одинъ. Удивительно ли, что на свѣтѣ и много религій? Пусть онѣ и останутся. Одна другой не мѣшаетъ. Если сколько головъ, столько умовъ, то понятно, что у каждаго есть и своя особая совѣсть, которая и внушаетъ намъ, какой вѣры держаться и по какому обряду славить Господа.

Свободное государство устанавливаетъ такіе законы, въ силу которыхъ никто не смѣетъ вторгаться ни въ чужой домъ, ни въ чужую душу. И оттого такое государство не вмѣшивается въ религіозную жизнь своихъ гражданъ и всякому предоставляетъ вѣрить какъ угодно и какъ угодно свою вѣру проявлять (съ тѣмъ условіемъ, конечно, чтобы отъ этого никому вреда и зла не было, чтобы обряды не были дикими и жестокими, чтобы не приносились, напримѣръ, человѣческія жертвы, не происходило изувѣрства и изувѣченія людей, какъ у скопцовъ). Не напрасно въ Евангеліи сказано, что Богу надо отдавать Богово, а кесарю—кесарево. Это значитъ: пусть всякій исполняетъ свой гражданскій долгъ, свои обязанности передъ государствомъ,—больше ничего государство не требуетъ. А какъ человѣкъ о душѣ своей позаботится и какую религію будетъ исповѣдовать,—это уже государства не касается, и сюда оно не должно заглядывать. У насъ въ Россіи, при старыхъ порядкахъ, каждый паспортистъ въ полицейскомъ участкѣ первымъ

долгомъ обывателя спрашивалъ: «какого вѣроисповѣданія?»—а, въ сущности, что ему за дѣло до этого? и зачѣмъ полиціи знать, какъ я Богу молюсь? и на какомъ основаніи буду я пускать чиновника въ самую душу свою и разсказывать ему о своей святынѣ, къ которой никто не долженъ прикасаться?

Почтеніе къ чужой вѣрѣ нисколько не колеблетъ моей. «Въ домѣ отца моего обителей много», сказалъ Христосъ, и дѣти отца этого могутъ въ своихъ разныхъ обителяхъ уживаться мирно. Нельзя отвѣтить навѣрное, какая изъ нихъ—лучшая. Пусть каждый любитъ свою, пусть каждый вѣритъ въ свою, какъ самую свѣтлую и прекрасную,—это не помѣшаетъ ему привѣтливо относиться къ другимъ обителямъ, въ которыхъ живутъ его братья, дѣти общаго отца.

Есть одна мудрая притча. Въ древнія времена жилъ на Востокѣ нѣкій человѣкъ, обладавшій кольцомъ, которое имѣло волшебное свойство: оно дѣлало своего владѣльца любезнымъ Богу и людямъ. Собственникъ чудеснаго перстня завѣщалъ его любимѣйшему изъ своихъ сыновей, и съ тѣхъ поръ кольцо переходило изъ поколѣнія въ поколѣніе. Наконецъ, оно досталось такому наслѣднику, у котораго было три сына, одинаково любимыхъ, одинаково послушныхъ. Какъ быть? Не желая обидѣть никого изъ нихъ, отецъ заказалъ художнику-ювелиру еще два кольца, совершенно подобныхъ завѣтному перстню, и, смѣшавъ ихъ, передъ смертью призвалъ къ себѣ по одиночкѣ каждаго изъ трехъ сыновей и каждому далъ по кольцу. У кого настоящее? Объ этомъ послѣ смерти отца разгорѣлись у братьевъ великіе споры, тѣмъ болѣе что обладаніе дѣйствительнымъ перстнемъ давало еще право на первенство въ семьѣ. Отправились на судъ. Но и судья не могъ отличить настоящаго кольца отъ поддѣльныхъ и потому окончательнаго сужденія не высказалъ, а вмѣсто того далъ тяжущимся братьямъ совѣтъ: пусть каждый изъ нихъ всѣмъ своимъ поведеніемъ въ жизни доказываетъ, что подлинный-то перстень именно у него,—пусть каждый изъ нихъ всячески старается быть любезнымъ Богу и людямъ, пусть каждый изъ нихъ творитъ богобоязненно добрыя дѣла. А когда пройдутъ тысячелѣтія и обнаружится сила нашихъ колецъ, тогда ваши потомки—сказалъ судья—опять предстанутъ здѣсь: но уже будетъ возсѣдать на этомъ мѣстѣ другой судья, болѣе мудрый, чѣмъ я, и онъ отвѣтитъ вамъ; а теперь ступайте!..

Нужно ли разъяснять смыслъ этой притчи? Каждому понятно, что три кольца, это—три религіи (христіанство, еврейство, мусульманство); какая изъ нихъ—лучшая, какая изъ нихъ—подлин-

ная, будетъ видно изъ того, гдѣ окажется больше праведныхъ и святыхъ подвиговъ, какая вѣра крѣпче соединена будетъ съ добрыми дѣлами и этими дѣлами оправдана. Мы, люди, всей истины не знаемъ; и намъ не дано судить, угодна ли Богу или нѣтъ чужая религія.

Не мы, а Богъ разсудитъ,—тотъ Верховный Судья, къ которому отослалъ братьевъ несовершенный судья человѣческій изъ только что разсказанной притчи.

Намъ же подобаетъ смиреніе и терпимость ко всякой живой вѣрѣ, уваженіе къ молящимся на разныхъ языкахъ и въ разныхъ храмахъ. Подумайте: вся земля, это—единый общій храмъ, увѣнчанный куполомъ неба съ его лампадами-звѣздами, и изъ этого храма несется къ Богу общая молитва всего мірозданія. Такъ не будемъ нарушать этого хора насмѣшкой надъ иновѣрцами и гоненіемъ на нихъ. Только говорится: иновѣрецъ, а на дѣлѣ нѣтъ иной вѣры, есть одна вѣра въ одного Бога, и лишь по разному она сказывается у разныхъ людей.

Нашъ великій писатель Толстой сказалъ, что «у Бога-то всѣ на счету». А если такъ, то изъ этого счета мы не должны вычеркивать никого. Между тѣмъ на подобное своевольство мы дерзаемъ сплошь и рядомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда ополчаемся на чужую вѣру, какъ на ересь. Побольше надо имѣть широты духовной, побольше внутренней свободы! Иначе легко обидѣть человѣка, сдѣлать больно его душѣ. Вотъ изъ нашего недавняго прошлаго—случай, когда вслѣдствіе недостатка терпимости къ убѣжденіямъ, къ вѣрѣ другого, такимъ обидчикомъ оказался даже священникъ, служитель алтаря,—а ему ли ужъ не быть снисходительнымъ и сердечнымъ, ему ли не бережно обращаться съ ближнимъ своимъ!.. Дѣло было нѣсколько лѣтъ назадъ, въ Государственной Думѣ. Одинъ изъ ея благороднѣйшихъ членовъ, нынѣ покойный В. А. Карауловъ, вѣрный сынъ православной церкви, особенно ратовалъ въ Думѣ за свободу совѣсти и религіозной жизни. Въ отвѣтъ на́ одну изъ его пламенныхъ рѣчей объ этомъ, другой членъ Думы, священникъ В., (не хочется называть его имени) крикнулъ Караулову, истинному христіанину: «Каторга!» намекая на него прошлое... И тогда Карауловъ сказалъ драгоцѣнныя, удивительныя слова: «Да, почтенный отецъ, я каторга, я былъ каторжнымъ, и съ бритой головой и съ кандалами на ногахъ я мѣрилъ безконечную Владимірку. Я мѣрилъ ее за то, что въ свое время смѣлъ желать и говорить о томъ, чтобы вы были соб-

раны въ этомъ собраніи. Я осужденъ военнымъ судомъ за то, чт «имѣлъ намѣреніе измѣнить государственный и общественный строй но безъ намѣренія прибѣгать къ насильственнымъ средствамъ»; и то, что я былъ каторжнымъ, составляетъ мою гордость на всю мою жизнь. Въ той могучей волнѣ, которая вынесла васъ въ эту залу, есть одна моя капля, капля моей крови и моихъ слезъ, она мала и незамѣтна, но я знаю ея существованіе, и это даетъ мнѣ поводъ оправдывать мое существованіе передъ Богомъ и людьми». Трудно передать то волненіе и умиленіе, какое овладѣло всѣми въ Государственной Думѣ послѣ этихъ словъ... И когда Карауловъ умеръ, на его надгробномъ памятникѣ были выгравированы эти же потрясающія слова; но правительство старой Россіи распорядилось забить ихъ доской, и только въ наши дни, послѣ революціи, доску сняли, и вся Россія можетъ теперь читать дивныя, особой человѣческой красотою запечатлѣнныя строки и по нимъ тоже учиться свободѣ совѣсти и свободѣ слова. За то, что эти свободы защищалъ Карауловъ, его когда-то, обривъ ему свѣтлую, умную голову, сослали на каторгу. Не забудемъ этого, не забудемъ и другихъ жертвъ свободы, и ради нихъ постараемся ни въ чемъ не походить на прежнихъ насильниковъ!..

Да, всѣ иновѣрцы и всѣ инородцы могутъ сходиться въ одномъ—въ общемъ служеніи правдѣ. А гдѣ правда, тамъ Богъ.

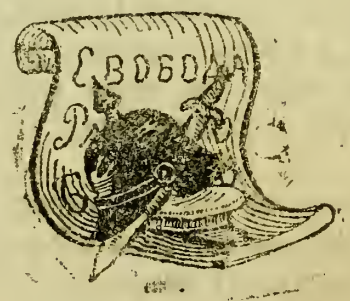
Знаменитый русскій историкъ Ключевскій, когда темные люди изъ «черной сотни» убили двухъ писателей и общественныхъ дѣятелей, евреевъ Герценштейна и Іоллоса, на эти злодѣянія такъ отозвался въ газетѣ Русскія Вѣдомости (1907 г. № 61) «... Герценштейнъ палъ за русскій народъ, за русскаго земледѣльца, и Іоллосъ обагрилъ своею кровью чисто-русскую землю, землю города Москвы, собирательницы и устроительницы земли русской. Пусть такія смерти останутся въ русской памяти символомъ обновленной Россіи, объединяющей въ своемъ сердцѣ собранныя ею народности».

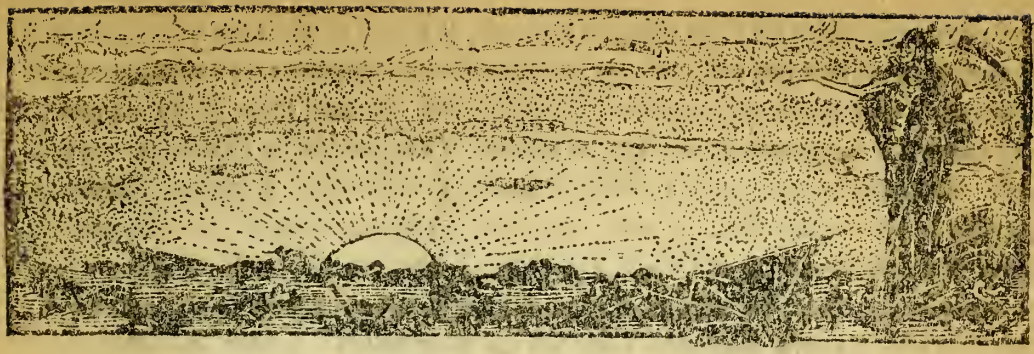
Видите, еврей палъ за русскій народъ, за русскаго земледѣльца; еврей своею кровью обагрилъ чисто-русскую землю Москвы. Можно, значитъ, къ другому племени, къ другой вѣрѣ принадлежать, на другомъ языкѣ съ Богомъ говорить—и все-таки чувствовать себя сыномъ нашей общей матери-Россіи и ей, матери великой, отдавать свои силы, свою жизнь и кровь. Не служитъ ли судьба Герценштейна и Іоллоса урокомъ вѣротерпимости, не учитъ ли свободѣ совѣсти то братское слово, которое объ этихъ

евреяхъ сказалъ русскій и православный человѣкъ, сынъ сельскаго священника, славный ученый Ключевскій?

И еще объ одномъ русскомъ писателѣ упомянемъ—о Достоевскомъ. Онъ такъ понималъ Бога, что Богъ для людей, это, прежде всего,—великій собесѣдникъ. Всѣ заняты, всѣ спѣшатъ, всякому некогда,—но вотъ есть въ мірѣ Существо, у котораго найдется для всѣхъ время и вниманіе и которому каждая «вѣрующая баба» и каждый поденщикъ на землѣ можетъ повѣдать свое горе и обиду, принести свои слезы и все разсказать. Никто не хочетъ слушать, а Богъ всякаго слушаетъ, и уже въ этомъ одномъ—великая помощь съ его стороны и благодѣяніе. Среди равнодушія, въ одиночествѣ, когда душа чувствуетъ себя сиротой, какое счастье сознавать, что есть безмолвный всеобщій Собесѣдникъ, который никогда не устаетъ слушать, никому не отказываетъ въ разговорѣ и который столько уже исповѣдей и скорбей выслушалъ на своемъ долгомъ вѣку и столько знаетъ!..

Этотъ Богъ-Слушатель, Богъ-Собесѣдникъ—мы уже сказали раньше—понимаетъ всѣ языки, принимаетъ всѣ молитвы, присутствуетъ во всякомъ храмѣ. И если мы хотимъ угодить Ему, мы должны людей чужой вѣры не тѣснить, не гнать, а видѣть въ нихъ свободныхъ и полноправныхъ участниковъ той священной бесѣды, какую отъ начала міра и до нынѣшняго дня ведетъ единое человѣчество со своимъ единымъ Богомъ»...





Интересно отмѣтить, что драму ненужности и непризнанности, которую переживаютъ теперь наши старые революціонеры, зачисленные въ станъ «бывшихъ людей», предугадалъ и художнически воспроизвелъ Толстой. Вспомните его разсказъ «Божеское и человѣческое». Въ вашей памяти, вѣроятно, прежде всего оживаетъ трогательный образъ юнаго революціонера Свѣтлогуба. Вотъ онъ передъ казнью пишетъ письмо своей несчастной матери, которая никакъ не можетъ понять, что съ ея сыномъ, такъ недавно восьмилѣтнимъ мальчикомъ въ бархатной курточкѣ съ голыми ножками и длинными вьющимися колечками бѣлокурыхъ волосъ, «съ нимъ, съ нимъ, этимъ самымъ мальчикомъ... сдѣлаютъ съ нимъ это»... «Милая, родная», писалъ онъ и заплакалъ.—Прости меня, прости за все горе, которое я причинилъ тебѣ. Заблуждался я или нѣтъ, но я не могъ иначе. Объ одномъ прошу: прости меня... Немного раньше, немного позже... развѣ не все равно? Я не боюсь и не раскаиваюсь въ томъ, что дѣлалъ. Я не могъ иначе. Только ты прости меня. И не сердись на нихъ, ни на тѣхъ, которые казнятъ меня. Ни тѣ, ни другіе не могли иначе: прости имъ, они не знаютъ, что творятъ... Прости, цѣлую твои милыя, сморщенныя, старыя руки!» Двѣ слезы одна за другой капнули на бумагу и расплылись на ней. «Я плачу, но не отъ горя или страха, а отъ умиленія передъ самой торжественной минутой моей жизни, и отъ того, что люблю тебя». Вотъ въ утро казни онъ просыпается въ шесть часовъ, «весь подъ вліяніемъ свѣтлаго,

веселаго сновидѣнія. Онъ видѣлъ во снѣ, что онъ съ какой-то маленькой бѣлокурой дѣвочкой лазаетъ по развѣсистымъ деревьямъ, осыпаннымъ спѣлыми, черными черешнями, и собираетъ въ большой мѣдный тазъ. Черешни не попадаютъ въ тазъ и сыпятся на землю, и какія-то странныя животныя въ родѣ кошекъ, ловятъ черешни и подбрасываютъ кверху и опять ловятъ. И глядя на это, дѣвочка заливается, хохочетъ такъ заразительно, что Свѣтлогубъ тоже весело смѣется во снѣ, самъ не зная чему. Вдругъ мѣдный тазъ выскальзываетъ изъ рукъ дѣвочки, Свѣтлогубъ хочетъ поймать его, но не успѣваетъ, и тазъ съ мѣднымъ грохотомъ, толкаясь о сучья, падаетъ на землю. И онъ просыпается, улыбаясь и слушая продолжающійся грохотъ таза. Грохотъ этотъ есть звукъ отворяемыхъ желѣзныхъ запоровъ въ коридоръ. Слышны шаги по коридору, бряканье ружей... Шаги подошли къ его двери. Онъ слышитъ, какъ ключъ ищетъ замка и какъ, отворяясь, скрипитъ дверь. Вошли жандармскій офицеръ, смотритель и конвой»... Вотъ везутъ его къ висѣлицѣ. По дорогѣ, по ужасной дорогѣ, встрѣтившись глазами съ мальчикомъ, который, безъ шапки, испуганно глядя на колесницу, короткими ножонками бѣжалъ спотыкаясь, Свѣтлогубъ кивнулъ ему головой... «Этотъ жестъ страшнаго человѣка, везомаго на колесницѣ, такъ смутилъ мальчика, что онъ, выпучивши глаза и раскрывъ ротъ, собрался плакать. Тогда Свѣтлогубъ, поцѣловавъ свою руку, ласково улыбнулся ему. И мальчикъ вдругъ неожиданно отвѣтилъ милой, доброй улыбкой... Когда колесница подъѣхала къ висѣлицѣ и его свели съ нея, и онъ увидѣлъ столбы съ перекладиной и слегка качавшейся на ней отъ вѣтра веревкой, онъ почувствовалъ какъ будто физическій ударъ въ сердце. Ему вдругъ стало тошно... «И не жалко тебѣ меня?»—сказалъ онъ, уловивъ взглядъ бойкихъ, сѣрыхъ глазъ палача. Палачъ на минуту остановился. Лицо его вдругъ сдѣлалось злое.—«Ну, васъ! Разговаривать»—пробормоталъ онъ и быстро нагнулся къ полу, гдѣ лежала его поддевка и какое-то полотно, и ловкимъ движеніемъ обѣихъ рукъ сзади обнявъ Свѣтлогуба, накинулъ ему на голову холстинный мѣшокъ и поспѣшно обдернулъ его до половины спины и груди. «Въ руки Твои предаю духъ мой», вспомнилъ Свѣтлогубъ слова Евангелія. Духъ его не противился смерти, но сильное, молодое тѣло не принимало ея, не покорялось и хотѣло бороться. Онъ хотѣлъ крикнуть, рвануться, но въ то же мгновеніе почувствовалъ толчокъ, потерю точки опоры, животный ужасъ задыханія, шумъ въ головѣ и исчезновеніе всего».

Но Свѣтлогубъ принялъ мученичество за вѣру, и съ вѣрой въ правоту свою и своего дѣла испустилъ онъ свое послѣднее молодое

дыханіе. А одинъ изъ главарей террористической партіи, Игнатій Меженецкій, тотъ самый, который увлекъ въ революцію несчастнаго юношу,—онъ умеръ иначе, въ тоскѣ жестокихъ сомнѣній, отвергнутый своими же преемниками, соучастниками общаго же и единаго дѣла. На одномъ изъ этаповъ своей каторги и ссылки Меженецкій вошелъ въ общеніе съ другими политическими преступниками. «Это были все молодые, люди новаго склада, незнакомаго Меженецкому. Это были революціонеры слѣдующаго за нимъ поколѣнія, его наслѣдники, и потому они особенно интересовали его. Онъ ожидалъ встрѣтить въ нихъ людей, идущихъ по его стопамъ, и потому долженствующихъ высоко оцѣнить все то, что было сдѣлано ихъ предшественниками, особенно имъ, Меженецкимъ. Онъ готовился ласково и снисходительно обойтись съ ними. Но, къ непріятному удивленію его, эта молодежь не только не считала его своимъ предшественникомъ и учителемъ, но обращалась съ нимъ какъ бы снисходительно, обходя и извиняя его устарѣлые взгляды... Особенно одинъ, руководитель всѣхъ... мучительно огорчалъ Меженецкаго непоколебимой увѣренностью въ своей правотѣ и снисходительнымъ, даже насмѣшливымъ отрицаніемъ всей прошедшей дѣятельности Меженецкаго и его товарищей». И страшная злоба подымалась въ душѣ революціонера, признаннаго отсталымъ,—злоба противъ всѣхъ этихъ, «наглыхъ, самоувѣренныхъ, мертворожденныхъ доктринеровъ», презирающихъ его, «героя революціи, погубившаго двѣнадцать лѣтъ жизни для этой цѣли».

А сверхъ того, Меженецкій былъ еще потрясенъ встрѣчей, въ той же тюрьмѣ, съ фанатикомъ-раскольникомъ, который отрицалъ правительство, какъ антихриста, царскую власть называлъ «табачной державой» и мужественно терпѣлъ гоненія за свою «истинную вѣру». Уже и раньше, послѣ казни Свѣтлогуба, въ другой тюрьмѣ,—Меженецкій бесѣдовалъ отнажды съ этимъ самымъ раскольникомъ. Тотъ видѣлъ, какъ, прижимая къ груди Евангеліе, «со свѣтлыми очами и вьющимися кудрями, улыбаясь, свѣтлый какъ ангелъ», всходилъ Свѣтлогубъ на позорную колесницу. Раскольникъ подумалъ тогда, что, значитъ, «этотъ позналъ истину», владѣетъ истинной вѣрой; и вотъ онъ допытывался у Меженецкаго, въ чемъ же эта вѣра, чѣмъ живы они, эти на смерть обрекающіе себя и своею вѣрой смерть попирающіе люди. Но когда на вопросъ религіознаго, къ Богу тянущагося старика Меженецкій отвѣтилъ плоскостью своего политическаго credo и объяснилъ ему: «вѣра наша въ томъ, чтобы не жалѣть себя, свергнуть деспотичное правительство и установить свободное, выборное, народное», то не повѣрилъ этому старикъ, не повѣрилъ, чтобы за такую вѣру

далъ себя лютой казнью казнить свѣтлый юноша: «нѣтъ, не въ томъ вѣра того юноши», думалъ онъ; «тотъ юноша зналъ истинную вѣру, а этотъ либо хвастался, что онъ одной съ нимъ вѣры, либо не хочетъ открыть». А теперь—новая встрѣча въ красноярской тюрьмѣ, и, умирая, говорилъ раскольникъ, революціонеръ во имя божескаго,—говорилъ Меженецкому, революціонеру во имя человѣческаго, нѣчто такое, что̂ тотъ принималъ за дикій бредъ. Для самого же старика его апокалипсическія рѣчи имѣли ясный и глубокій смыслъ. «Смыслъ былъ тотъ, что злу не долго остается царствовать, что агнецъ добромъ и смиреніемъ побѣждаетъ всѣхъ, что агнецъ утретъ всякую слезу, и не будетъ ни плача, ни болѣзни, ни смерти. И онъ чувствовалъ, что это уже совершается, совершается во всемъ мірѣ, потому что это совершается въ просвѣтленной близостью къ смерти душѣ его». Меженецкому старикъ-раскольникъ казался сумасшедшимъ. «Вотъ онъ, представитель народа,—подумалъ Меженецкій, выходя отъ старика.—Это лучшій изъ нихъ. И какой мракъ!». Разочарованный въ своихъ послѣдователяхъ, ими отверженный, разочарованный въ народѣ, лишній человѣкъ, бывшій человѣкъ, Меженецкій предался горестнымъ размышленіямъ, не задаромъ ли погубилъ онъ свою энергію, силу воли, свою жизнь и чужія жизни, какъ Свѣтлогуба, не была ли вся жизнь его непоправимой, ужасной ошибкой. Не выдержалъ онъ этого бремени и покончилъ съ собою,—повѣсился на отдушникѣ своей тюремной камеры. «Тѣло Меженецкаго снесли въ мертвецкую и положили на нары рядомъ съ тѣломъ старика-раскольника»:

Только въ мертвецкой рядомъ оказалось «божеское и человѣческое». Такъ не потому ли долженъ былъ Меженецкій испить великую горечь своей обиды? Не потому ли очутился онъ среди отставшихъ, революціонеръ за штатомъ, что онъ вообще плавалъ мелко, въ противоположность старому раскольнику, пловцу вѣчныхъ глубинъ? И новое поколѣніе революціонеровъ, обидѣвшее Меженецкаго, въ постоянной борьбѣ отцовъ и дѣтей не потому ли въ свою очередь, въ свой часъ, тоже окажется въ моральной отставкѣ, что и оно понимало революцію человѣчески, слишкомъ человѣчески?

Да, наша революція мелко плаваетъ. Устремляясь только къ временнымъ цѣлямъ, она не можетъ отъ времени до времени изъ своихъ списковъ не вычеркивать тѣхъ, чья устарѣла тактика, чьи осуждены методы, чье несовременно вооруженіе. Не старѣетъ одно лишь вѣчное. И только его ратники не дѣлаются инвалидами, только ихъ нельзя

внутренне выбить изъ строя. Революція безъ религіи не имѣетъ цѣнности. У насъ вообще часто забываютъ, что политика—только средство, а не цѣль, только лѣса вокругъ строящагося дома, но не самый домъ. Происходитъ обычная среди людей перестановка душевныхъ силъ, когда средство становится на мѣсто цѣли, когда средству незаконно придается значеніе самодовлѣющее. Надо правильно подѣлить землю и земныя блага вообще, надо на землѣ размѣститься справедливѣе, надо государственныя учрежденія устроить получше—это такъ; но вѣдь все это не главное, не существенное: все это лежитъ въ преходящемъ царствѣ средствъ, а не въ вѣчномъ царствѣ цѣлей, все это—заботы Марѳы, а не Маріи. Благословенна Марѳа, если она печется о другихъ; но благая часть принадлежитъ все-таки не ей, а ея сестрѣ. Примемъ внѣшнее, но только ради внутренняго. Не сотворимъ идола изъ революціи. Не задѣлаемся ея спеціалистами, ея техниками, ея педантами. И напомнимъ себѣ слова Толстого: «если бы хотя сотая доля той энергіи, которая тратится теперь революціонерами на достиженіе внѣшнихъ недостижимыхъ цѣлей, тратилась на такую внутреннюю духовную работу, давно уже, какъ снѣгъ на лѣтнемъ солнцѣ, растаяло бы то зло, съ которымъ такъ боролись и тщетно борются теперь революціонеры».

Это не есть отрицаніе политики: это—лишь возстановленіе ея скромнаго мѣста. Центръ тяжести не въ ней: центръ—повсюду, въ каждомъ изъ насъ, въ нравственной глубинѣ личности, въ революціи «божеской», а не «человѣческой».

Иллюстраціей къ этому можетъ еще послужить, въ романѣ Бориса Зайцева «Дальній край», образъ революціонера Степана, съ которымъ произошелъ духовный переворотъ: не отказавшись отъ соціализма, Степанъ пересталъ однако имъ удовлетворяться; душа его революціей не была насыщена и устремилась къ религіи. Онъ пережилъ когда-то возрождающую ночь въ Италіи, лунную ночь на развалинахъ монастыря. Подъ вѣяніемъ древности, вѣчности, космической тишины что-то шевельнулось въ сердцѣ Степана, и миротворную вѣсть свою послала ему вѣра. А еще раньше, сейчасъ же послѣ того, какъ на городской площади онъ бросилъ бомбу въ генерала и спасся въ лѣсу, онъ, атеистъ, неожиданно для себя испыталъ жажду Бога, жажду молитвы, и небо вдругъ показалось ему священнымъ, и онъ почувствовалъ, что только отсюда, «изъ лазурныхъ пространствъ», можетъ прійти ему прощеніе. Онъ испыталъ такое чувство не только потому, что бомба, легко ранившая генерала, въ глазахъ Степана виноватаго, убила дѣвочекъ-школьницъ, ни въ чьихъ глазахъ не виноватыхъ,

но и потому, главное, что совѣсть террориста, оцѣпенѣлая, отуманенная тамъ, въ городѣ, на роковой площади, должна была всколыхнуться здѣсь, въ лѣсу, въ смолисто благоухающемъ бору, за предѣлами политики, на лонѣ мірового спокойствія, въ зеленомъ царствѣ, гдѣ нѣтъ крови, гдѣ слышенъ Богъ,—и такъ неотразимо дѣйствуетъ зародившаяся въ строкахъ Зайцева прекрасная въ своей неожиданности и въ своей необходимости ассоціація съ Ивиковыми журавлями. «Черезъ четверть часа онъ настолько углубился въ лѣсъ, что какъ будто попалъ въ другой міръ. Тихо здѣсь было, пригрѣвало, зеленѣли пятна мху, слабо звенѣла на соснѣ полуоторванная тонкая кожица. Росла черника, красная брусника—ягоды, которыя онъ любилъ съ дѣтства. По сухой вѣткѣ взбѣжала бѣлка; въ вышинѣ долбилъ дятелъ. Степанъ вспомнилъ почему-то объ Ивиковыхъ журавляхъ. Милый, бѣдный Ивикъ! Онъ шелъ по такой же тропинкѣ, среди лѣса, онъ былъ чистъ сердцемъ и невиненъ. Онъ встрѣтилъ смерть, какъ ее слѣдовало встрѣтить, а журавли сказали, гдѣ надо, правду. Но если бы они встрѣтили сейчасъ Степана, они закричали бы грознымъ крикомъ».

Обращеніе революціоннаго Савла въ евангельскаго Павла художнически вышло у Бориса Зайцева не совсѣмъ убѣдительно, но внутренній смыслъ возрожденія отъ этого не потускнѣлъ въ своей значительности.

А жена Степана, Клавдія, въ ту самую минуту, когда она впервые ощутила счастье будущаго материнства, испытала, «среди сладостно-тихихъ чувствъ», и леденящій страхъ; темное предчувствіе чего-то грознаго, дикаго, ужаснаго, подъ завываніе метели, сжало ея бѣдное сердце, и она полузабытыми словами дѣтства пробовала спугнуть неотвратимый призракъ сумасшествія: «Боже мой, Боже мой... Пречистая Твоя Матерь, спаси, заступи». Родовъ она не боялась, но хотѣла бы ихъ отсрочить, потому что во время беременности чувствовала себя какъ будто подъ защитой своего дитяти. Но ничто ея не защитило, не спасло: уже ставъ матерью, она узнала, что это ея Степанъ разорвалъ бомбой невинныхъ дѣвочекъ, и кровавыя галлюцинаціи еще больше потрясли ея разсудокъ, и все это завершилось тѣмъ, что ее привезли въ московскія клиники на Дѣвичье поле, и она поняла это, и созна-тельно «взглянула въ окно, въ печальное, огромное окно, выходившее на Божій міръ изъ дантовскаго ада, гдѣ она должна была теперь остаться, и тихо сказала: «значитъ, я совсѣмъ сумасшедшая; но ты меня не забудешь?».

Была когда-то демонстрація у Казанскаго собора, и войско изъ студентовъ, молодыхъ людей и барышенъ, «вооруженное тросточ-

ками, зонтами, собиралось дать сраженіе государству», а «государство не дремало: взадъ и впередъ по Невскому, позвякивая саблями, проѣзжали жандармы; во дворахъ были спрятаны казаки; отряды городовыхъ, соотвѣтственно воодушевленныхъ, укрывались за соборомъ».

Сравнительно съ тѣмъ, что извѣдала Россія потомъ, были такія демонстраціи не болѣе, какъ политической идиллией. Но и тогда уже Борисъ Зайцевъ слишкомъ имѣлъ право написать скорбныя строки: «Россія велика и молчалива. Сколько слезъ, стоновъ и униженій вытерпѣло русское сердце, этого не измѣрить. Не сочтешь силъ, сгубленныхъ въ ссылкахъ. Не узнаешь тѣхъ тысячъ, что съ давнихъ временъ до нашихъ дней со звономъ кандаловъ мѣряютъ сибирскія пустыни, искупая прегрѣшенія, или платя за пылъ душевный. Имъ числа нѣтъ. И пока мы живемъ, любимъ, враждуемъ, они идутъ. Ихъ кандалы звенятъ. Простые люди подаютъ имъ копеечку».

Ради тѣхъ, кто мѣрилъ сибирскія пустыни, ради безкрестныхъ могилъ, ради идеалистовъ и мучениковъ революціи, надо всѣми силами противостать ея грозящему крушенію, чтобы не укрѣпилось разочарованіе въ ней, чтобы не затмился въ нашемъ сознаніи лучезарный ликъ Свободы.

Отъ пелены предубѣжденій
Разоблачался ветхій тронъ;
Оковы падали. Законъ
На вольность опершись, провозгласилъ равенство,
И мы воскликнули: «Блаженство!»...

О горе! о безумный сонъ!
Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
Единый властвуетъ топоръ.
Мы свергнули царей! Убійцу съ палачами
Избрали мы въ цари! О ужасъ, о позоръ!..

Но ты, священная свобода,
Богиня чистая! Нѣтъ, не виновна ты:
Въ порывахъ буйной слѣпоты,
Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа—
Сокрылась ты отъ насъ. Цѣлебный твой сосудъ
Завѣшенъ пеленой кровавой...

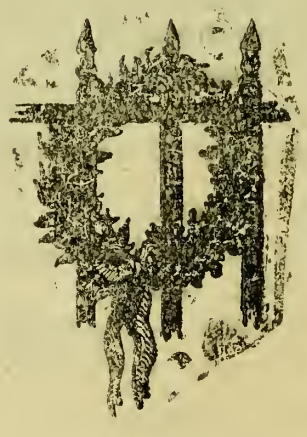
Но ты придешь опять со мщеніемъ и славой—
И вновь твой враги падутъ.
Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ освященный,

Все ищетъ вновь упиться имъ;
Какъ будто Вакхомъ разъяренный,
Онъ бредитъ, жаждою томимъ...

Такъ! онъ найдетъ тебя. Подъ сѣнію равенства
Въ объятіяхъ твоихъ онъ сладко отдохнетъ,
И буря мрачная минетъ...

(Пушкинъ «Андрей Шенье»).

Но во всякомъ случаѣ кончился легендарный періодъ нашей революціи, завершился ея героическій стиль, прошла ея романтика, — началась ея неказистая реальность. Торжествующая революція отшатнула отъ себя ея прежнихъ друзей. Въ прошлое отодвинулось очарованіе революціи,—въ свои права вступило разочарованіе...



UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
Los Angeles
This book is DUE on the last date stamped below.

REC'D URL CIRC
4 WK AUG 11 1993
AUG 11 1993

Form L9–50*m*-4,'61(B8994s4)444

КВО РЕВОЛЮЦІЯ и КУЛЬТУРА
МОСКВА-ТВЕРСКАЯ-67. ТЕЛ. 3-99-41.

University Of California - Los Angeles
L 006 915 215 5

DK
265.17
A29n